

Подписные индексы
ОАО Агентство «Роспечать»: 46811

«Сила власти государственной всегда измеряется
народным благосостоянием»

Андрей Карлович Шторх (1766–1835),
первый российский академик
в области политической экономии и статистики,
вице-президент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук

ISSN 1990-9780
Экономическое возрождение России
№2 (56) 2018

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ №2 (56) 2018

TM

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Материалы Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2018) «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество: Будущее» * Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни * О проблеме экономического роста * Экономия на человеке как механизм торможения: некоторые социоэкономические аспекты * Цифровая экономика: благо или угроза национальной безопасности России? * Некоторые размышления об императивах экономической модернизации в России * Промышленные экосистемы: взгляд в будущее *

№2 (56)

2018

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Научные статьи должны включать следующие элементы: постановку проблемы в общем виде, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами; анализ последних исследований и публикаций (в том числе иностранных), в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор; выделение не решенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья; формулирование целей статьи (постановку задания); изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Обязательны ссылки на источники статистических данных, а также на использованную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Кроме текста статьи необходимо представить название, аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках, а также УДК.

Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на представленное произведение (статью).

Просьба направлять статьи на электронный адрес: evr@inir.ru и в виде распечатки на бумаге по адресу: 197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16. Каждая статья должна быть представлена отдельным файлом в формате MS Word, иллюстрации – в черно-белом варианте в формате tiff или jpg.

Для представления авторов просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, название учреждения, в котором автор работает, должность, ученую степень и звание, а для общения с редакцией – адрес электронной почты и телефон. Редакция оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации. Статьи, соответствующие тематике журнала, отсылаются на рецензирование специалистам.

С аспирантов плата за публикацию не взимается.

Редакция доводит до сведения авторов, **что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «РУНЭБ» неисключительных прав на использование как журнала «Экономическое возрождение России» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).**

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство «Роспечать»».

Сведения о подписке через редакцию можно получить по телефону: (812) 313-82-68 или e-mail: evr@inir.ru.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

№ 2 (56) 2018

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (*Свидетель-
ство о регистрации средства массовой информации от 27.08.2012 г.*
ПИ № ФС77-50990).

Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
Вольного экономического общества России

**Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опу-
бликованы основные научные результаты диссертаци-
онных исследований на соискание ученых степеней доктора и канди-
дата наук (Решение Президиума Высшей аттестацион-
ной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля
2012 года № 8/13).**

Журнал включен в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.
Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руковод-
ством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР — С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР — Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержа-
щихся в настоящем издании, допускается с письменного раз-
решения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v.r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка И. В. Фёдорова

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru
Подписано к печати 14.06.2018 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 16,96.
Тираж 2000 экз. Заказ 18539.

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7
© ИНИР им. С. Ю. Витте: составление, редакционная
подготовка, 2017

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН,
председатель научно-редакционного совета;
А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, профессор Техасского
университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;
З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик
НАН Азербайджана;
Ж.-Л. Трюэль, профессор Университета Париж-12
(Франция)

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

V. V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of
Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific edi-
torial board;
A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, correspond-
ing member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the Uni-
versity of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding
member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academi-
cian of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician
of Russian Academy of Sciences;
G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;
Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academi-
cian of National Academy of Sciences of Azerbaijan;
J.-L. Truel, Professor of University of Paris-12 (France)

CONTENTS

St. Petersburg International Economic Congress on «Foresight «Russia»: New Industrial Society. The Future»

<i>Bodrunov S. D.</i> Noonomy. The future: fourth technological revolution requires profound economic and social changes	5
<i>Ivanter V. V.</i> On the issue of economic growth	14
<i>Nigmatulin R. I.</i> «Thoughts that have important consequences are always simple»	17
<i>Smolin O. N.</i> Cutbacks on social sector expenditure as a slowdown mechanism: some socioeconomic aspects	23
<i>Sorokin D. E.</i> Digital economy: a blessing or a threat to Russia's national security?	36
<i>Grinberg R. S.</i> Ruminations on the imperatives of economic modernization in Russia	41
<i>Popov G. Kh.</i> Entrapped by antinomies... ..	47
<i>Kleiner G. B.</i> Industrial ecosystems: foresight	53
<i>Mirkin Y. M.</i> The Russian economy: growth under sanctions (future scenarios)	63
<i>Lenchuk E. B.</i> Technological aspect of new industrialization in Russia	68
<i>Laumulin Ch. T.</i> Role of science and culture in EAEU reindustrialization	74
<i>Voeikov M. I.</i> The state and the market: new political and economic paradigm	79
<i>Porokhovskiy A. A.</i> Processing industry: modern challenges and prospects	91
<i>Maslov G. A., Yakovleva N. G.</i> «Foresight «Russia»: New Industrial Society. The Future»	103
<i>Sirotkin V. B.</i> Collective ethics principles as the foundation for coercion to rational behavior	112
<i>Komolov O. O.</i> Outflow of capital from Russia in the context of world-systems theory	128

Article excerpts (in English)

<i>Bodrunov S. D.</i> Noonomy. The future: fourth technological revolution requires profound economic and social changes	141
<i>Ivanter V. V.</i> On the issue of economic growth	144
<i>Nigmatulin R. I.</i> «Thoughts that have important consequences are always simple»	146

СОДЕРЖАНИЕ

Санкт-Петербургский международный экономический конгресс «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее»

<i>Бодрунов С. Д.</i> Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни	5
<i>Ивантер В. В.</i> О проблеме экономического роста	14
<i>Нигматулин Р. И.</i> «Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты»	17
<i>Смолин О. Н.</i> Экономия на человеке как механизм торможения: некоторые социоэкономические аспекты	23
<i>Сорокин Д. Е.</i> Цифровая экономика: благо или угроза национальной безопасности России?	36
<i>Гринберг Р. С.</i> Некоторые размышления об императивах экономической модернизации в России	41
<i>Попов Г. Х.</i> В сетях антиномий... ..	47
<i>Клейнер Г. Б.</i> Промышленные экосистемы: взгляд в будущее	53
<i>Миркин Я. М.</i> Российская экономика: рост под санкциями (сценарии будущего)	63
<i>Ленчук Е. Б.</i> Технологический аспект новой индустриализации России	68
<i>Лаумулин Ч. Т.</i> Роль науки и культуры в реиндустриализации ЕАЭС	74
<i>Воейков М. И.</i> Государство и рынок: новая политико-экономическая парадигма	79
<i>Пороховский А. А.</i> Обработывающая промышленность: вызовы и перспективы в современном мире	91
<i>Маслов Г. А., Яковлева Н. Г.</i> «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее»	103
<i>Сироткин В. Б.</i> Принципы коллективной этики как основание принуждения к рациональному поведению	112
<i>Комолов О. О.</i> Отток капитала из России в контексте мир-системного анализа	128

Извлечения из статей (на английском языке)

<i>Бодрунов С. Д.</i> Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни	141
<i>Ивантер В. В.</i> О проблеме экономического роста	144
<i>Нигматулин Р. И.</i> «Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты»	146

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

2 апреля 2018 года в Санкт-Петербурге состоялся IV Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2018) «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее».

Организатором СПЭК является Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте при поддержке Вольного экономического общества России.

В работе конгресса приняли участие около 700 участников, среди них ведущие ученые-экономисты Российской академии наук, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, других университетов и научно-образовательных центров России, депутаты Государственной Думы Совета Федерации РФ, представители государственных структур, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества России из регионов Российской Федерации, а также зарубежные коллеги из Франции, Австрии, Италии, Греции, Китая, Великобритании Эстонии и Беларуси.

На площадке конгресса эксперты обсудили экономические драйверы развития индустриальной экономики «второго поколения», влияние новых технологий на сферу экономики, социальные векторы экономической модернизации и роль России в глобальном мире.

С приветственным словом перед участниками конгресса выступил вице-губернатор Санкт-Петербурга С. Н. Мовчан.

С основным докладом на конгрессе выступил директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России С. Д. Бодронов, представивший концепцию ноономики, которая, по мнению автора, должна стать основой общества будущего.

В данном номере публикуется подборка статей, подготовленных на основе докладов участников пленарных сессий СПЭК-2018.

*Редакция журнала
«Экономическое возрождение России»*

С. Д. Бодрунов¹

**НООНОМИКА.
БУДУЩЕЕ: ЧЕТВЕРТАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ОБУСЛОВЛИВАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ ГЛУБОКИХ ИЗМЕНЕНИЙ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ**

Представлена концепция ноономики, составляющей основу общества будущего, которое может состояться при рациональном развитии человеческой цивилизации. Становление ноономики как следствие ускоренного технологического развития, в частности достижений четвертой технологической революции, требует глубоких изменений в экономической и социальной жизни – активной индустриальной политики. Принципиальное отличие ноономики – отсутствие отношений между людьми в процессе материального производства. Совокупность проблем и противоречий этого общества определяет необходимость перехода на новый этап общественного устройства. Застой в социально-экономических институтах, слабость внутренних регуляторов поведения, определяемых уровнем развития культуры, при определяющем развитии техносферы создает реальную возможность возникновения глобальной катастрофы. Ориентиром развития должен стать не рост ВВП, а набор критериев оценки уровня удовлетворения разумных (не симулятивных) потребностей человека, не нарушающих среду обитания. У России, несмотря на сложный период, есть шанс прорыва в такое будущее. Для этого нужно сберечь и приумножить наш культурный, образовательный и научный потенциал.

Ключевые слова: НИО.2, ноономика, развитие техносферы, четвертая технологическая революция, проблемы и противоречия, изменение общественного устройства, активная индустриальная политика.

УДК 330.354

Санкт-Петербургский экономический конгресс, который мы проводим уже четвертый год, получает все большее признание в кругах научной общественности, экономистов-практиков, политиков, лидеров гражданского общества. И это не случайно: мы ставим и предлагаем решения вопросов, которые не просто актуальны – они опережают время. Опережают ровно настолько, чтобы, образно говоря, быть на острие рапиры, устремленной в будущее, но пронзающей ткань настоящего.

Ваш покорный слуга почти 40 лет занимается проблемой индустриального развития. На протяжении многих лет мне доводилось исследовать процессы, происходящие в нашей экономике, с позиций индустриалиста. Почти 20 лет назад мы с коллегами из институтов Академии наук в целях расширения поля исследования создали Институт нового индустриального развития (ИНИР).

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

Исследования, проведенные в 2000-х гг., позволили ИНИР сформулировать концепцию реиндустриализации российской экономики на качественно новой технологической основе. В начале 2013 г. был опубликован фундаментальный 700-страничный труд, посвященный этой проблеме².

Ровно 5 лет назад был представлен соответствующий доклад в Совете Федерации, а затем – доклад в Вольном экономическом обществе России. На проблему обратили внимание наши крупнейшие ученые и политический истеблишмент.

Для вовлечения в обсуждение проблем индустриального развития широких кругов научной общественности, популяризации идей концепции реиндустриализации нами были созданы два конгресса – наш СПЭК и, совместно с коллегами из КРОНа, Конгресс по проблеме интеграции производства, науки и образования (КПНО), который ежегодно проводится в Москве.

Четыре года назад проблему реиндустриализации мы вынесли на СПЭК. Многим она тогда казалась едва ли не утопией. Сегодня о необходимости реиндустриализации говорят уже не только ученые, говорят все – от политиков до студентов, пишущих курсовые.

Тогда же на Конгрессе ПНО мы поставили проблему реинтеграции производства, науки и образования как неотъемлемую, хотя и имеющую самостоятельное значение, компоненту реиндустриализационной концепции. И эта тема сегодня также звучит с трибуны Российской академии наук и в аудиториях ведущих университетов.

Продвигая научную платформу перестройки экономики на новой индустриальной основе, мы должны были ответить не только на вопросы о ее облике и путях реализации, но и на сакраментальный вопрос – зачем она нужна в глобальном контексте?

И два года назад, здесь, на СПЭК, мы дали ответ на этот вопрос. Мы представили концепцию перехода общества на новый этап цивилизационного развития – новое индустриальное общество второго поколения (или второй генерации) – НИО.2³. В те же дни концепция была представлена и детально обсуждена на Секции экономики РАН, затем – на специальных научных форумах в Кембридже, на площадках в Лиссабоне, Пекине, Стокгольме, Вене и т. д. В прошлом году мы презентовали на СПЭК расширенную, детализированную версию концепции НИО.2.

И сегодня я хотел бы представить новую разработку – концепцию ноономики, составляющей основу общества Будущего, которое может состояться при рациональном развитии человеческой цивилизации.

Качественные изменения в технологиях, о которых мы говорим более 20 лет, в последние годы стали предметом пристального внимания не только футурологов, но и (наконец!) экономистов и философов. Все «вдруг» увидели и начали обсуждать (как правило, пересказывая зарубежные источники) появление «умных фабрик», интернета вещей, роботизации и т. п. Постепенно приходит понимание того, что человечество стоит на грани рождения качественно нового материального производства, основанного на интеграции NBICS-технологий.

² Бодрунов, С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. 700 с.

³ Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016. 352 с.

На наших конгрессах мы уже не раз говорили о том, что результат этой интеграции – конвергентные (гибридные) технологии – выводят индустриальный способ производства на качественно новую ступень, объединяя машинные и немашинные принципы воздействия на природу для создания продуктов, удовлетворяющих человеческие потребности, с наименьшими затратами материалов. Значительные возможности открывают аддитивные технологии (3D-принтирование), их использование может привести к существенному сокращению удельного веса традиционной обрабатывающей промышленности. На место дистрактивных («вычитающих») производственных технологий (обрезки, стачивания, спиливания материала с заготовки) приходят процессы «сборки» продуктов из элементов (путем объединения или наращивания материала, как правило, слой за слоем) с целью создания объекта на основе 3D-модели.

Информационно-коммуникационные (или цифровые) и когнитивные технологии, в отличие от всех остальных, демонстрируют способность проникать в любые технологические процессы, цифровизация становится интеграционной технологической платформой, способной объединять разнородные технологии в гибридные технологические процессы. Фактически информационные и когнитивные технологии служат каналом «встраивания» знания в технологические процессы путем обработки больших массивов данных или с помощью технологической имитации человеческого интеллекта.

В чем содержание этих процессов и к каким изменениям в социально-экономических отношениях и качествах человека они приведут? Эти вопросы ставятся редко, а еще более редкие ответы остаются весьма неопределенными.

В серии предыдущих публикаций и докладов на предшествующих Санкт-Петербургских экономических конгрессах, в кембриджских лекциях и иных материалах мне представилась возможность предложить свою версию постановки и решения проблем, протекающих из перечисленных изменений.

Во-первых, мы показали, что «постиндустриальное общество», наступление которого некоторые теоретики провозгласили еще в XX в., – это мираж, но мираж, скрывающий (и вскрывающий) реальные проблемы: в экономике, действительно, назревают качественные изменения, связанные с развитием качественно новых технологий. Фокус в том, что это – изменения в технологиях материального производства, и путь к их активному освоению лежит не через «постиндустриалистский» отказ от индустриализма, а через реиндустриализацию на качественно новой технологической основе.

Необходимость отказа от бездумного сворачивания промышленности или переноса ее в менее развитые страны уже осознана ведущими державами, и начинается обратный процесс. При этом решоринг (возвращение в страну производственных мощностей или создание новых), по наблюдениям специалистов, происходит в тех отраслях, где необходим высокий уровень контроля менеджмента для соблюдения норм качества (в производстве высокоинтеллектуальной продукции, к примеру, военного назначения); в производствах, для которых исключительно важны соблюдение и защита авторского права и патентов, и, наконец, в отраслях, наиболее чувствительных к технологиям автоматизации и роботизации производства.

Из первого вывода логично следует второй, раскрывающий содержание изменений, вызванных глубокими трансформациями. Это – рождение нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), которое по спирали «отрицания отрицания» («новое индустриальное общество» Дж. К. Гэлбрейта – миражи «постиндустриализма – НИО.2) воспроизводит в новом качестве доминирование индустрии в экономике.

Но это – другая индустрия и другая экономика. Коренным отличием является переход к знаниеемкому материальному производству, что вызывает цепочку изменений во всех сферах производственно-экономической жизни (резкое сокращение роли материальных факторов производства и возрастание роли знания; «ускорение ускорения» инновационного процесса и многое другое). Этой теме мы посвятили наш доклад на СПЭК-2016.

Возрастающая роль знаний проявляется не в том, что чисто интеллектуальная деятельность вытесняет материальное производство или заменяет его (как полагали «постиндустриалисты»), а в том, что само материальное производство становится значительно более знаниеемким. Наступает момент, когда во многих продуктах «знаниевая» часть существенно превышает «материальную». Этот вывод хорошо иллюстрирует рис. 1, где пересекаются кривые, отображающие удельный вес материальных и интеллектуальных затрат в общих издержках производства.

Для достижения такого порога нужен не только технологический скачок, но и совершенствование всех четырех компонент современного материального производства (материалов, труда, технологий, организации производства). Только тогда можно говорить о выходе в НИО.2. Вот почему России, народно-хозяйственный комплекс которой подорван 20-летней деиндустриализацией постсоветского периода, необходима реиндустриализация экономики на новой, высокотехнологичной основе.

В-третьих, мы говорили, что переход к НИО.2 требует реформирования системы экономических отношений, что предполагает *развитие активной индустриальной политики, стратегического планирования, государственно-частного партнерства, интеграции производства, науки и образования* на микро- и макроуровнях, и т. д.

Попытаемся наглядно передать суть *активной промышленной политики*, используя такой образ: в экономике работают своего рода «промышленно ориентированные»

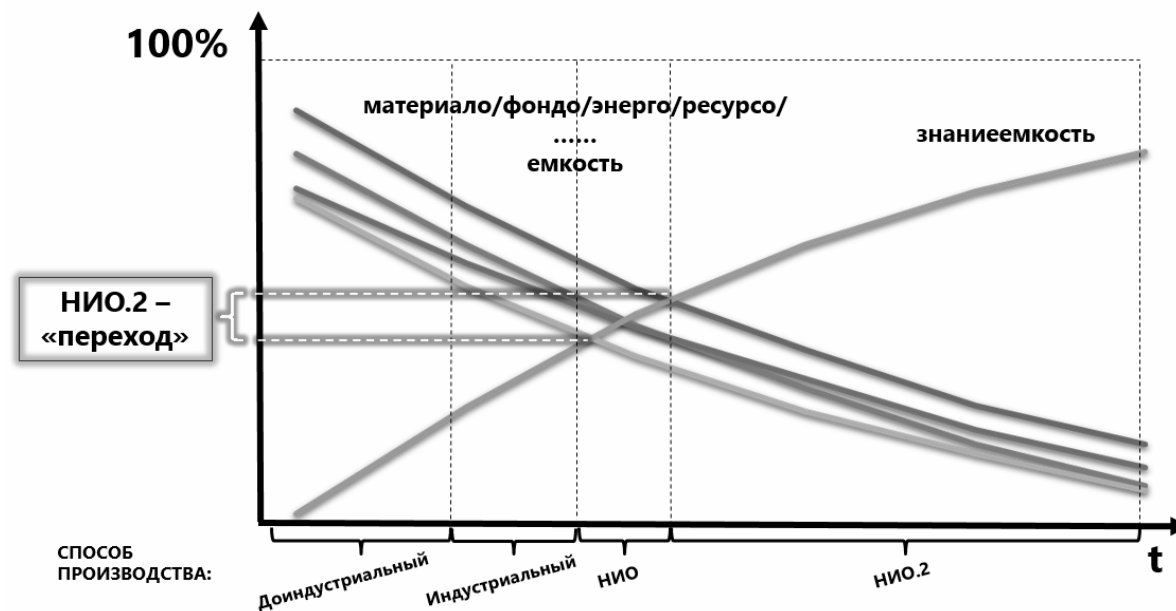

Рис. 1. Исторический процесс изменения удельных емкостных параметров компонента продукта

траволаторы, и бизнес может выбрать, на какой из них встать. Одни будут ускорять его движение вперед, другие – тормозить. Представляется, что, когда мы говорим о таких траволаторах, то направления их движения задает государство: условно говоря, надо начинать заниматься селективным, индикативным, индикативно-селективным планированием. Без этого инструмента вряд ли получится эффективно запустить другие социальные технологии, определяющие переход к НИО.2, а от него – к ноопроизводству.

Переход к НИО.2 – это не абстрактная конструкция, это процесс, который уже идет и очень активно, но очень неравномерно в разных локусах мирового экономического пространства. ФРГ и Япония, США и Китай создают качественно отличные от предшествующих подпространства новых индустриальных технологий, а другие страны (в том числе Россия, несмотря на наши заделы в оборонных технологиях) пока далеки от активного продвижения к доминированию в экономике 5–6-го технологических укладов (рис. 2).

Изучение процессов опережающего развития технологий нового уклада и институтов НИО.2 приводит к выводу, что наша цивилизация стоит на пороге качественного скачка:

- человек постепенно выйдет из материального производства, «за пределы материального производства», заняв роль его «контролера и регулировщика», как предрекал К. Маркс, 200-летие которого мы в этом году отмечаем;
- главным источником развития производства станет знание, а не материальные ресурсы;
- господствующие ныне симулятивные потребности постепенно отойдут на второй план, вытесняемые потребностью в знании;
- система имущественного неравенства сменится системой неравенства способностей и талантов;
- человечество, становящееся мощнейшей геобиологической силой (по В. Вернадскому), встанет перед необходимостью перехода от потребления природных ресурсов к воспроизводству геобиоценозов... И т. д.

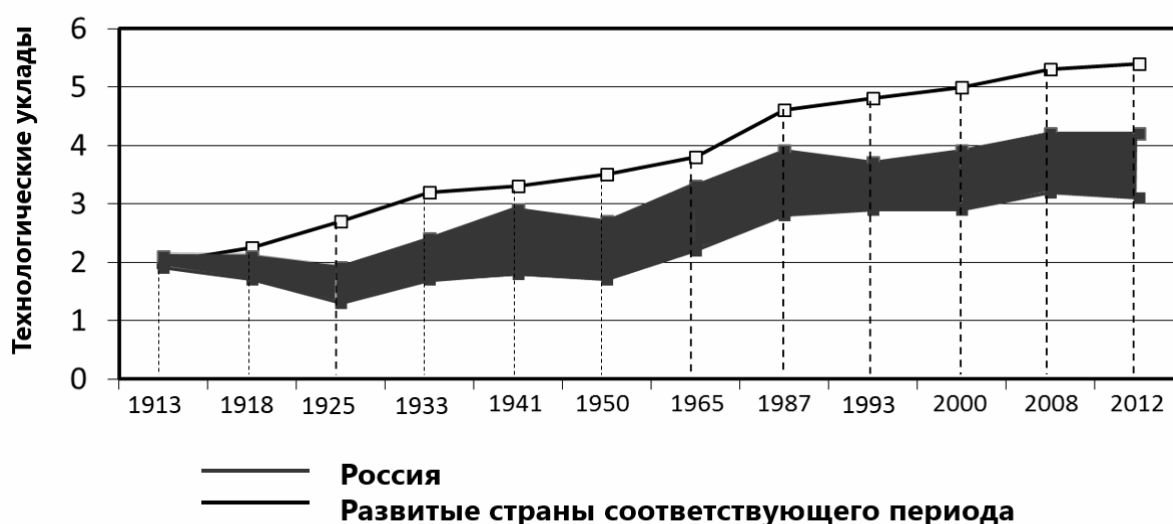

Рис. 2. Технологическая многоукладность российской экономики

Традиционные категории и законы экономики (стоимость, собственность, деньги) в надвигающемся на нас будущем потеряют свой привычный смысл, если не исчезнут вообще.

Эволюция всех экономических форм в неэкономические, «уход экономики в основание» – это закономерность (рис. 3). Вопросы экономии времени (как и любых видов ресурсов), эффективности применения ресурсов (по соотношению «затраты – результаты») станут техническими, а не социальными. Они будут решаться не спецификой отношений между людьми, а внешней (по отношению к человеческому обществу) настройкой «безлюдной» автономной производственной системы и автоматическими (встроенными в нее людьми) регуляторами. Формирование сферы производства, опирающейся не на человеческий труд, а на функционирование «технетических» существ, определит снятие экономических отношений между людьми в технологических настройках самодействующего производства. И это – не прогноз отдаленного будущего. Это – констатация пока еще малозаметных, но уже начавшихся изменений: рождения не просто экономики, приспособленной к решению задач прогресса ноосферы, а качественно нового феномена – **ноономики**.

Под ноономикой мы понимаем неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Принципиальное отличие грядущей хозяйственной системы от привычной нам экономической – отсутствие отношений между людьми в процессе материального производства. Если раньше человек строил свои общественные институты и принимал хозяйственные решения, в первую очередь, в зависимости от отношений, в которые он был включен в процессе производственной деятельности, то теперь ситуация будет меняться (рис. 4). По мере выхода людей из непосредственного процесса производства их деятельность будет регулироваться отношением человеческого общества в целом к сфере производства в целом, становящейся все более «безлюдной».

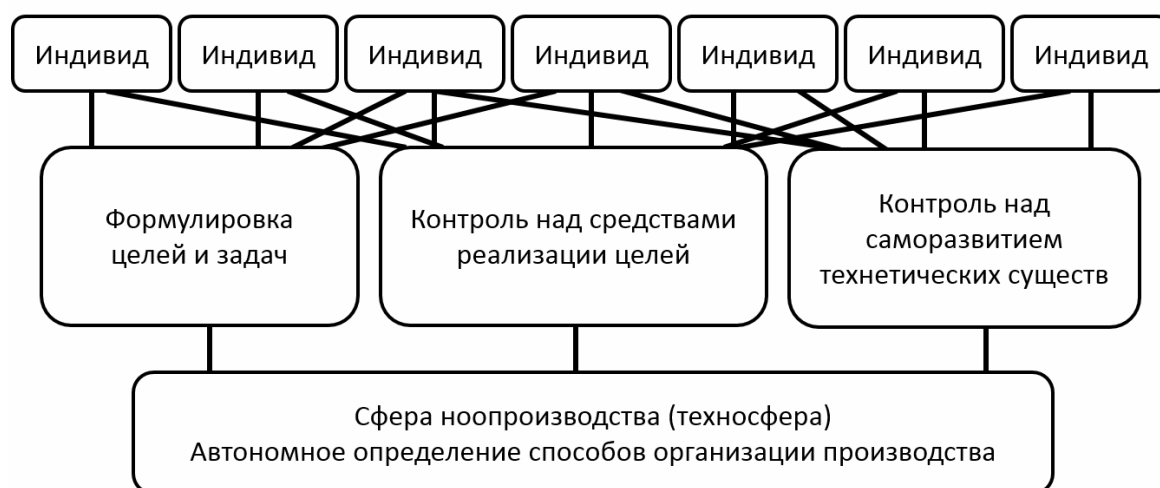

Рис. 3. Отношения людей в процессе регулирования ноопроизводства

Более подробно причины и перспективы перехода к ноономике, как и суть этого феномена, изложены в монографии «Ноономика».

Совокупность проблем и противоречий этого общества определяет необходимость перехода на новый этап общественного устройства, названный нами ноообщественным этапом, поскольку *технологические силы, разбуженные человеком и сформировавшие автономное индустриальное пространство, уже не смогут оставаться без всеобъемлющего контроля человеческого разума*, который должен будет меняться, чтобы задавать рациональные параметры развития индустриальной сферы и «плодоносные», как говорил М. Ломоносов, а не разрушительные направления развития.

Что происходит сегодня? Не буду слишком оригинальным – просто еще раз подчеркну, что цивилизация стоит у опасной черты: в гонке за лидерством, ради которого используются все технологические достижения человечества, в рамках нынешней хищнической экономической парадигмы развития, мы рискуем потерять не только возможность рациональной организации своей жизни, но и саму человеческую идентичность.

Человечество стоит на распутье: либо движение к рационализации развития, к ноономике, либо реализация негативного сценария, вплоть до глобальной катастрофы. В развитии техносферы накопилось множество негативных тенденций. Под угрозу поставлена среда обитания человека; накапливаются проблемы взаимодействия человека с техносферой, возрастает зависимость от технической и информационной среды, что приводит к своего рода «киборгизации» человека (пока без формального вторжения в его физическое тело). *Человек сталкивается с растущей негарантированностью своего существования как биологического и как социального существа.*

История развития цивилизации демонстрирует нам ускоряющийся рост создаваемых человеком «технетических видов» (в строгом соответствии с законом «ускорения ускорения» инноваций) в ущерб стремительно вытесняемому разнообразию видов биоты. Особенно сильно эта тенденция проявляется под воздействием погони за прибылью, за высокими экономическими показателями, все менее отражающими реальные потребности развития человека. Увеличивается нагрузка на среду обитания, свя-

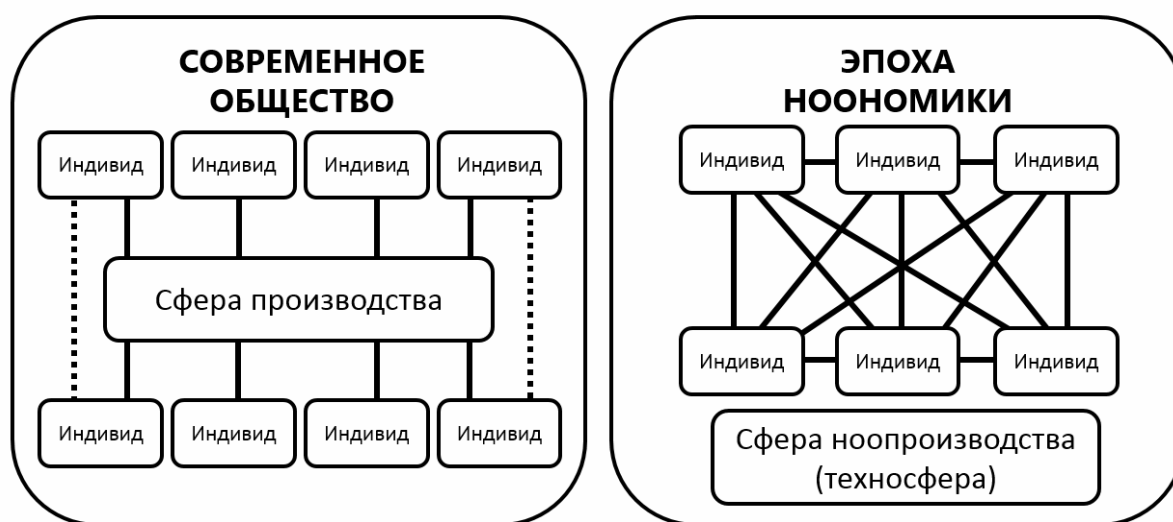

Рис. 4. Регулирование деятельности человека в процессе производства

занная с ростом симулятивных потребностей и требуемым для их удовлетворения возрастающим нерациональным использованием природных ресурсов, расширением ареалов их добычи и переработки – все это при слабости внутренних регуляторов разумного поведения, определяемых содержанием и уровнем развития культуры, создает реальную возможность развития катастрофических (для цивилизации!) последствий.

Промежуточный сценарий долгой стагнации на границе нового представляется наиболее вероятным. Часть интеллектуального сообщества, как бы предчувствуя эту ситуацию, заговорила о «новой нормальности», которую мы считаем уже ставшей «старой ненормальностью». Эта ненормальность характеризуется не просто замедлением темпов роста ВВП, учащением кризисов, созданием атмосферы около-хаоса. Она характеризуется застоем в социально-экономических институтах, что вступает в решительное противоречие с надвигающимися качественными изменениями в технологиях. Только те экономики, которые смогут ответить на вызовы не только врывающегося в нашу жизнь НИО.2, но и стоящей у горизонта ноономики, смогут занять достойные позиции в мире ближайшего будущего.

Ситуация начала XXI в. напоминает ситуацию начала XVIII в.: тогда лидерами стали те, кто смело пошел на слом традиций и совершил качественный скачок в мир новой тогда технологии – пара, капитала и личной свободы. Сегодня лидерами станут те, кто решится на скачок к производству, основанному на знании; к прогрессу человеческих качеств и решению задач нооразвития, а не простого экономического роста.

Главным ориентиром развития должен стать не рост ВВП, а набор критериев оценки уровня удовлетворения разумных потребностей человека, необходимых для обеспечения его развития. Возможность поднять уровень удовлетворения потребностей, не нагромождая гору не нужных (при разумном подходе) вещей, пожирающих нашу планету и убивающих природу, как раз и открывают современные технологии.

Два слова о нас. Мы переживаем трудный период. Многие не верят в то, что мы сможем пройти сложной дорогой восстановления наших позиций в мире, достичь высоких стандартов жизни, сделать шаг к достойному развитию. Но у России есть шанс прорыва в такое будущее. Он связан и с прошлыми достижениями, и с сохраняющимся потенциалом нашей страны в тех сферах, которые особенно значимы для продвижения к НИО.2 и далее – к ноономике. Это – наш культурный, образовательный и научный потенциал. Если мы сможем не только сберечь его, но и приумножить, создав для этого адекватные экономические и политические предпосылки, у нашей страны появится шанс на выход из стагнации и преодоление дальнейшего отставания от стран и Запада, и Востока.

S. D. Bodrunov. Noonomy. The future: fourth technological revolution requires profound economic and social changes. The author introduces a new concept of noonomy, i.e. the foundation of the future society which can come to pass if we pursue the rational path of civilizational development. The establishment of noonomy as a consequence of accelerated technological development (particularly, the achievements of the fourth technological revolution) requires profound changes in economic and social life, specifically, the adoption of an active industrial policy. A major distinction of the noonomy lies in the absence of interpersonal relations pertaining to material production. An aggregate of current society's problems and contradictions necessitates the transition to a new stage of social development. With the pivotal role of technosphere development, stagnation of socioeconomic institutions and weak behavioral control determined by the level of cultural development cre-

ate a very realistic possibility of a global catastrophe. Progress assessment should rely not on GDP growth, but on a set of criteria which will evaluate the satisfaction of reasonable (non-simulative) and environmentally friendly human wants. In spite of going through a difficult time, Russia has a chance of reaching such future. In order to achieve that, we need to perform a breakthrough reliant on preserving and capitalizing on our cultural, educational and research potential.

Keywords: NIS.2, noonomy, technosphere development, technological revolution, problems and contradictions, change in the social order, active industrial policy.

В. В. Ивантер¹

О ПРОБЛЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Анализируя экономическую часть мартовского Послания Президента РФ, автор считает, что представленные показатели (в частности, темп экономического роста в 5...6 %) вполне реальны и могут быть достигнуты. Беспокоят явное противодействие финансово-экономического блока правительства реализации целей, озвученных Президентом, и наша «способность забалтывать проблему». Среди реальных успехов отмечены: обеспечение продовольственной безопасности, укрепление оборонно-промышленного комплекса, энергообеспечение. Секрет успеха – «нормальное» отношение исполнительной власти к экономическим проблемам.

Ключевые слова: Послание Президента РФ, экономический рост, отношение к бизнесу, финансово-экономический блок.

УДК 330.354

Экономическая часть мартовского Послания Президента РФ впервые была построена на сбалансированной числовой модели, в которой представлены: темпы экономического роста – 5...6 % (до 2024 г.); уровень накопления – 25...27 %; ежегодный прирост производительности труда – 5 %; строительство жилья с выходом на уровень ввода ~ 120 млн м²; рост экспорта. Эта числовая модель основана на реалистичном оптимизме, и, по нашей оценке, заданные результаты могут быть достигнуты.

Что мы наблюдаем сейчас? Я бы сказал, что наш *финансово-экономический блок* очень активно начал борьбу с целями, заявленными в Послании Президента. Попробуем это показать.

1. Действительно, в Послании Президента сказано, что желательны темпы экономического роста выше среднемировых (среднемировой прирост равен примерно 3,8 %). Они (финансово-экономический блок) говорят: давайте развиваться со скоростью 3,8 %. Но, чтобы, двигаясь с такой скоростью, реализовать рекомендации Президента, необходимо увеличить рост ВВП на душу населения на 1,5 %, а значит, нужно сократить количество этих душ на 16 миллионов. Арифметика простая: либо мы «сокращаем» эти души, либо двигаемся другим путем.

2. При среднегодовом темпе прироста производительности труда в 5 % мы автоматически выходим на пятипроцентный рост. И еще. Есть некая теоретическая часть: существует новая нормальность, которая заключается в том, что не надо развиваться

¹ Виктор Викторович Ивантер, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заместитель академика-секретаря, руководитель Секции экономики Отделения общественных наук РАН, академик РАН, д-р экон. наук, профессор.

быстро, а надо развиваться медленно, но качественно. Что значит медленно, но качественно – этого никто не объясняет.

Кроме того, следует стандартная критика: якобы валовой внутренний продукт (ВВП) не идеален для измерения экономического роста, нам нужно что-то другое. Напомню: С. Кузнец, который придумал этот показатель, объяснил, что он имеет совершенно четкую направленность и им должен пользоваться тот, кто понимает, что это такое. Вообще говоря, если не вдаваться в подробности, то ВВП – это *сумма всех доходов*. Растет ВВП – растут доходы и населения, и бизнеса, и государства. Вопрос – как их использовать?

3. Мне кажется, что нам надо прекратить что-то строить, я имею в виду – идеологически. Большевики всё строили коммунизм, и чем кончилось? А мы всё строим рыночную экономику, а она уже построена. У нас есть совершенно новая рыночная экономика, не похожая на модель совершенной конкуренции. А где она похожа на модель совершенной конкуренции? Нужно жить в той системе, которую реально построили, только жить – эффективно.

4. Отношение к бизнесу у нас сейчас ровно такое же, как было у Советской власти к рабочему классу: как упоминать, так слюни до полу, только денег не платили. Любить бизнес глупо: можно любить лошадей, вино, женщин, но любить бизнес – это извращение. Бизнес должен иметь доступ к деньгам – это первое, и должен иметь спрос, ради которого он инвестирует, – это второе. Проблема не столько в том, чтобы предоставить бизнесу деньги для инвестиций, главное – должен быть спрос на инвестиции.

А мы что сделали? Мы добились очень низкой инфляции – это правда. И это очень хорошо, потому что население терпеть не может, когда цены растут (в отличие от бизнеса, где спрос работает по-другому).

Снижения инфляции можно добиться двумя способами. Первый способ очень приятный – мы заполняем рынок высококачественной конкурентной продукцией, и цены снижаются; второй способ – это, когда мы снижаем спрос, чего мы и добились. Мы сократили спрос, цены упали, а теперь мы говорим: «Если мы бизнес не будем сажать в тюрьму, он не будет инвестировать». Но, как можно инвестировать в экономику, когда нет спроса. Мне кажется, что это важный и понятный элемент ограничения инвестиционной активности.

Вернемся к оптимистичному взгляду на наши перспективы – поделимся с вами расчетами – какой у нас потенциал роста? Сначала напомню, что в 1999–2008 гг. мы развивались со средним темпом около 7 %. Обычно говорят: «Вы знаете, это мы за счет высоких цен на нефть развивались». А вы статистику не хотите посмотреть? Цены были ниже – в среднем 60 долларов за баррель (а сейчас – почти 70). А когда цены прыгнули до 130 – темпы роста упали. Среднегодовые темпы между 2009 и 2013 гг. – 1,2 %; между 2014 и 2017 гг. – 0,1 %.

Теперь по поводу потенциала роста. По нашей оценке, сейчас (я беру период между 2018 и 2024 гг.) среднегодовые темпы экономического прироста составляют 5,3 % (2 % – экономическая инерция, 0,8 % – развитие машиностроительных производств, 0,7 % – повышение эффективности экспорта, 0,8 % – увеличение ввода жилья, 1 % – инфраструктура). Тот набор чисел, который представлен в Послании, как раз и выходит на этот результат.

Наша основная проблема в том, что мы выдвигаем некий способ, а потом всё это «забалтываем». В 2014 г. мы, экономисты из РАН, встречались с Президентом. Рассматривалось проектное финансирование, было принято решение, поддержал Президент,

поддержал Премьер, и все сказали: «Это замечательно». Издали инструкцию, по которой вообще ничего получить нельзя. А результат? При всех бедах у нас за четыре года общий объем инвестиций был больше 65 трлн рублей. А сколько за счет проектного финансирования? Аж 150 миллиардов – меньше, чем полпроцента. Потому что «заболтали» проблему.

Отметим и реальные успехи. Есть три системы, которые обеспечивают экономическую независимость страны: энергетика, продовольствие и оборонно-промышленный комплекс. Энергией мы и раньше были обеспечены, а за последние 5-6 лет мы решили проблему продовольственного обеспечения и серьезно укрепили оборонно-промышленный комплекс.

Почему? Да потому, что с этими секторами мы обращались нормально, а не так, как со всеми остальными. Если мы сделаем то же самое для всей остальной экономики, то нас ждет успех.

V. V. Ivanter. On the issue of economic growth. In his analysis of the Presidential Address to the Federal Assembly delivered in March 2018, V. Ivanter states that announced indicators (in particular, 5-6 % annual economic growth rate) are quite feasible and can be achieved. The author is, however, concerned about the obvious resistance on the part of the Government's financial and economic block to the objectives voiced by the President and about its "ability to talk round the problem." The article points out the following accomplishments: ensuring food security, strengthening of the defense industry and advancements in power supply. The key to success lies in executive authorities' positive stance on economic issues.

Keywords: Presidential Address, economic growth, attitude to businesses, financial and economic block.

*Р. И. Нигматулин*¹

**«ВСЕ МЫСЛИ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТ ОГРОМНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ,
ВСЕГДА ПРОСТЫ»²**

Подчеркивается необходимость развития энергетики, химических технологий; восстановления машиностроения; использования новых технологий (в частности, аддитивных) и возобновляемой энергетики. Развитие новых технологий требует новых знаний, эффективной научной деятельности, высокого качества образования и реформирования экономических отношений. Состояние этой сферы оптимизма не вызывает. Чтобы обеспечить инвестиционный ресурс, государство должно рационально поделить национальный доход между бедным, средним, богатым и сверхбогатым классами. Нужно расширять платежеспособный спрос, а для этого необходимо увеличение фонда оплаты труда. Следует также увеличить финансирование образования, здравоохранения, науки и культуры, вносящих важнейший вклад в развитие человеческого потенциала.

Ключевые слова: развитие промышленности, аддитивные технологии, реформирование экономических отношений, инвестиционный ресурс, платежеспособный спрос, финансирование социальной сферы.

УДК 330.354

Сергей Дмитриевич Бодрунов в своем докладе, посвященном развитию новой индустрии, сделал акцент на так называемых НБИК-технологиях (нано-био-информационных и когнитивных). На наш взгляд, не следует забывать и о других, «приземленных», технологиях – в машиностроении, энергетике, химических технологиях и др. К примеру, в мире произошла газотурбинная революция – строительство парогазотурбинных электростанций позволяет повысить эффективность сжигания топлива (газа) на 30 %. Нашей инженерной общественностью эта революция еще не осознана. Мы не можем делать современные высокотемпературные газовые турбины, мы их собираем из деталей, изготовленных в США и Германии.

Россия должна развивать нефте- и газохимию; восстановить станкостроение, энергомашиностроение, самолетостроение и многие другие отрасли промышленности с новыми технологиями (в частности, аддитивными), без которых немислим суверенитет страны.

Возобновляемая энергетика, основанная на эффективном использовании энергии солнца и ветра с применением развивающихся систем накопления электроэнергии, в частности аккумуляторов нового типа, обеспечит переход к массовому производству

¹ Роберт Искандрович Нигматулин, академик РАН, научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, д-р физ.-мат. наук, профессор.

² Лев Николаевич Толстой.

электромобилей. Спрос на них позволит к 3 % среднего роста ВВП в мире добавить еще 1 %, т. е. на 30 % поднять темп экономического роста. Вместе с тем мы не должны забывать, что экономика – это и металлургия, и станки, и транспорт. Профессор М. В. Шмаков прав: «цифровизация» экономики началась много лет тому назад – со станков с числовым управлением.

Конечно, новые технологии требуют новых знаний, которые добываются в процессе научной деятельности, а ее эффективность зависит от качества образования.

Для развития новых технологий требуется реформирование экономических отношений. Как профессор я привык ставить оценки. Позволю себе оценить некоторые пункты наших экономических отношений:

1. Интеллектуальный, профессиональный и моральный уровни руководящих кадров в государственных органах и их способность проводить современную промышленную политику, обеспеченную инвестициями. Сначала я поставил тройку, но, послушав доклады и вспомнив свои беседы с некоторыми руководителями предприятий, я ставлю жирную **двойку**.

2. Интеллектуальный, профессиональный и моральный уровень руководящих кадров крупных компаний (ТОП-менеджеров) – жирная **двойка** (если не кол).

3. Способность экономического блока Правительства РФ осуществлять разумное, опирающееся на науку, стратегическое планирование – **двойка**.

4. Состояние науки и образования – только из уважения к прошлым достижениям науки я ставлю **тройку**. Еще сохранился научный потенциал, но он стремительно слабеет. На последнем общем собрании РАН главный ученый секретарь сказал в своем докладе, что количество исследователей у нас с 1990 г. упало в 2,7 раза и продолжает сокращаться со скоростью 1,3 % в год. Идет деградация аспирантуры. Нам еще лет на 20 гарантирован дефицит активных ученых, способных руководить наукой.

5. Квалификация народа (теоретический уровень) – **тройка** (тоже только из уважения к прошлому).

Что касается подготовки инженеров и рабочих (о чем говорил профессор Г. Х. Попов), я тоже время от времени думаю о том, сколько лет надо учить всех в средней школе. Хотя, с другой стороны, у юношей и девушек, окончивших даже 11 классов, выбор очень мал. Большинство заводов или не работают, или не нуждаются в рабочей силе, которую надо обучать³. Практически исчезли техникумы (те, что остались, называются сегодня колледжами) и профтехучилища, готовившие рабочих. Выпускнику средней школы остается только вуз или псевдовуз. На 3-м курсе многие начинают где-то работать и пропускают занятия.

Дальше. Россия теряет ежегодно 1,5 % ВВП в авариях и катастрофах, что в три раза больше, чем в остальном мире. Риск погибнуть при аварии на самолете у нас в 3-4 раза выше, чем в среднем по миру, а риск сгореть в пожаре – в 10 раз выше, чем в США.

Есть ли у России шанс? В поддержку своего оптимизма приведу высказывание Людвиг Эрхарда (руководителя послевоенного немецкого экономического чуда в 1950–1960-е гг.): «Никакая экономическая ситуация не может быть настолько безнадежной, чтобы решительная воля народа, честный труд всего народа не могли справиться с ней». Конечно, от руководства страны, прежде всего от Президента России, мы ждем разра-

³ В 1960–1980-е гг. при крупных заводах имелись не только профтехучилища и техникумы, но и заводские втузы, готовившие квалифицированных инженеров.

ботки и реализации экономических, политических и гуманитарных предпосылок для преодоления технологического отставания, становящегося критическим, «преодоления» перечисленных двоек и троек. И пока этих предпосылок нет.

Помимо отмеченных бед, у нас происходит «идиотизация» народа. Вспомним позорные телевизионные дискуссии между кандидатами на должность президента страны. Какой пример наша власть показала народу, какой образ России создается у зрителей? Этот позор был спровоцирован организаторами ТВ-шоу и властью. Считалось, что зритель все «схавает» и проголосует за кандидата, не принимающего участие в таких дебатах.

А проблема с мусором. Она что, только сейчас возникла? Эта проблема, которую Америка и Европа преодолевают уже несколько десятков лет. А наши руководители, пока «петух не клюнул», даже не задумывались. А теперь скандалы будут сотрясать страну постоянно. Это показывает уровень кадров во власти.

А истерика по поводу спортивных побед? Почему она вообще поддерживается?

Что же должно сделать государство для создания предпосылок экономического роста? Прежде всего – понять, как рационально поделить национальный доход между относительно бедным, средним, богатым и сверхбогатым классами, чтобы обеспечить инвестиционный ресурс. Сейчас инвестиции составляют у нас 17 % ВВП (в советское время они доходили до 30 %), а в Китае – 45 % ВВП. Конечно, это перегретая экономика, но Китай пока обеспечивает баланс спроса на увеличивающийся объем своих товаров на внутреннем и внешнем рынках с растущим объемом огромных инвестиций. А за счет роста производительных сил увеличивается число квалифицированных работников, инженеров и ученых. Уже сейчас по потреблению товаров китайцы (примерно 0,5 миллиарда) вышли на уровень индустриальных стран.

В России большая доля молодежи торгует импортными смартфонами, телевизорами, компьютерами, автомобилями, холодильниками и пр., вместо того чтобы их проектировать и производить, как это делает молодежь Европы, Японии, Ю. Кореи и Китая.

А для этого нужно расширять платежеспособный спрос, платежеспособность определяется фондом оплаты труда (ФОТ). Для относительно бедного, среднего и умеренно состоятельного классов (это около 95 % населения) ФОТ должен составлять не 30...40 %, а 60 % ВВП.

И, конечно, балансы издержек, цен и оплаты труда. Сможет ли наш народ оплатить тот добавок товарного производства, о котором он мечтает? Ведь единственный двигатель рыночной экономики – платежеспособный спрос! Недавно ВТБ провел исследование и установил, что только 7 % населения имеют доход более 70 тысяч рублей в месяц, а месячный доход 50 % населения – менее 20 тысяч рублей. Это значит, что только 30 % народа имеет относительно нормальный прожиточный минимум (от 40 до 60 тыс. рублей в месяц). Получается, что 80 % населения никакой экономической рост не нужен – они ничего дополнительно не смогут купить. Как было 0,6 полета в год на жителя России, примерно так и останется. А ведь, чтобы куда-то слетать и вернуться домой, надо два полета. В США на каждого жителя приходится 2,6 полетов в год, поэтому в США бурно развивается производство пассажирских «боингов» и не только для себя, но и для всего мира. Когда я был младшим научным сотрудником, на свою месячную зарплату я мог два раза слетать из Москвы в Уфу (и обратно), а нынешний м. н. с. может купить только билет до Уфы, а для покупки обратного билета ему придется ждать следующей месячной зарплату. Мало полетов – нет достаточных инвестиций в гражданское авиастроение. То же самое с жилищным строительством и т. д.

А потребности 7 % населения можно обеспечить за счет импорта. Вот почему ни отечественный исследователь, ни разработчик, ни производитель не востребованы на внутреннем рынке. На прирост их продукции нет покупателя.

Иногда представители «элиты» высокомерно высказываются о российском народе, о низкой производительности труда, словно не понимая, что именно они виноваты в падении нашего технологического уровня. Получая гораздо большие (чем в Европе) сверхдоходы за свой «топ-менеджмент», они тем самым «обкрадывают» платежеспособный спрос на товары российского производства, проедают и вывозят за рубеж наш инвестиционный потенциал.

Теперь о затратах на социальную сферу для развития человека: на образование, здравоохранение, науку и культуру. В России на эту сферу идет 9 % нашего ВВП, а на Западе – 20...25 %. Из-за недофинансирования здравоохранения, на которое мы тратим 3,5 % ВВП (в Европе – 7 % ВВП), смертность в нынешней России равна 12,5 человек в год на 1000 человек. Это значит, что нынешняя РФ теряет ежегодно дополнительно 200 тысяч человек в год по отношению к уровню смертности в РСФСР в 1990 г. (она равнялась 10,5) и дополнительно 400 тысяч человек в год по отношению к европейскому уровню смертности (которая равна 9,5). Надо отдать должное В. В. Путину, который в 2003 г. начал увеличивать бюджет здравоохранения и к 2015 г. добился его трехкратного роста, за счет чего смертность в РФ упала с 16,7 до 12,5⁴.

И, наконец, о главной проблеме социально-экономического роста России. Сегодня мы попали в замкнутый круг: все, включая президента страны, постоянно говорят о необходимости инвестиций. Сейчас инвестиции составляют 17 % ВВП (в Китае – 44 % ВВП, в мире в среднем – 25 %). Для реального экономического роста нам необходимо добавить в инвестиции 10 % ВВП, но никаких предпосылок для этого нет. Потенциальный инвестор, прежде чем вкладывать в производство, оценивает – кто купит «прирост» производства его товара. А подавляющее большинство нашего народа не сможет купить эту «прибавку». Уже упоминавшийся Людвиг Эрхард сказал: «Платежеспособный спрос должен *умеренно опережать* производственные возможности».

В связи со сказанным отмечу обсуждаемую в мировой экономической литературе проблему аномального неравенства доходов и так называемую проблему одного процента. Ее обсуждают нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, опубликовавший замечательную книгу «Великое разделение, или Что делать нам, 99 %», другой нобелевский лауреат – Эрик Маскин и популярный экономист Томас Пикетти, автор выдающейся книги «Капитал в XXI веке». Эту проблему разрабатывал и безвременно ушедший Алексей Юрьевич Шевяков, показавший, что аномальное экономическое неравенство тормозит рост экономики.

Во многих странах, в частности в США, один процент богатейшего населения владеет 40 % благосостояния (денежных ресурсов, высоколиквидных ценных бумаг и др.). К настоящему времени они захватили огромную долю национальных доходов, для чего сумели добиться уменьшения налогов со сверхбогатых. Это оправдывалось тем, что прибавку своих доходов сверхбогатые будут инвестировать в экономику, при-

⁴ Данные по изменению смертности в России после 1990 г. показывают, что за реформы 1990-х гг., инициированные новой «элитой», Россия к 2017 г. заплатила жизнями 14 млн граждан. А если бы не инициированное В. В. Путиным увеличение бюджета здравоохранения, этих смертей было бы на 2,5 млн больше.

чем более эффективно, чем их использовало бы государство. В действительности, эту прибавку они используют для инвестиций не в реальное производство, а в финансовые пузыри, с помощью которых увеличивают свое состояние и влияние. Такое обесценивание ресурсов в физике называют диссипацией.

А в России 1 % богатейших присваивают аномально большую долю доходов – им принадлежит 71 % благосостояния. Эту ситуацию надо исправлять мирным и цивилизованным путем. Я предлагаю в качестве первого шага введение налога на сверхбогатство, т. е. на 0,5 % населения, которое является особенно богатым. (По оценкам на основе Росгосстраха, их суммарный доход составляет около 10 трлн рублей в год.) Например, с той части дохода, которая превышает 25 млн рублей в год, брать налог не 13, а 25 % (в Европе – 50 %), а с той части личной собственности, кадастровая стоимость которой превышает 100 млн рублей, брать налог 2 % (в некоторых графствах США – 3,5 %). Один-два триллиона рублей с супердоходов позволят поддержать образование, здравоохранение, науку и культуру, а значит, и покупательный спрос (поскольку это практически идет на зарплату среднего класса).

Во всех странах, где я бываю, спрашиваю – сколько стоит литр бензина и какая в стране минимальная месячная зарплата (в пересчете на бензин)? Получается примерно 1000 литров бензина (может быть – 800, 900, но не 250 литров, как в России). А средняя зарплата в два раза больше минимальной, т. е. среднемесячная зарплата должна равняться примерно стоимости 2000 литров бензина.

Посмотрим на соотношения между ценой простого товара, который все мы потребляем, и стоимостью того же бензина? В Европе, США и других индустриальных странах со сбалансированной экономикой 1 кг простого хлеба стоит столько же, сколько 3...4 литра бензина, а у нас хлеб стоит, как 1 литр бензина. Это значит, что топливно-энергетический комплекс финансируется избыточно, а производство простых (народных) товаров недофинансируется. Поэтому качество народных товаров низкое, а их производитель – беден.

Все реформы должны быть решительными, но осмотрительными. В физике есть понятие квазистатического режима, когда инерция не приводит к разрушениям. В экономике все надо менять в «квазистатическом» режиме, чтобы перераспределение ВВП не превышало 5 % в год, чтобы можно было корректировать, не разрушая производительные силы, как в 1992–1992 гг.

Наконец, последний тезис. Миру угрожает идиотизм. Этот идиотизм связан с игнорированием важнейших и простых правил и законов человеческой жизни, экономики, отношений между людьми, между государственными органами и народом, наконец, между народами. Это серьезная угроза, мы не должны переоценивать стабильность нашего государства, где все надеются только на одного человека. У нас уже два десятилетия не решаются коренные проблемы страны, в частности, проблемы бедности врачей, учителей и даже профессоров. И в то же время в ужасных пожарах гибнут старики и дети.

Казалось бы, все просто, но, к сожалению: «Не так просто понять простые вещи». Это сказал выдающийся русский композитор Георгий Свиридов. Наша задача – способствовать пониманию простых вещей.

R. I. Nigmatulin. «Thoughts that have important consequences are always simple». R. Nigmatulin emphasizes the need for the development of the power industry and chemical technologies; restoration of mechanical engineering; application of new technologies (including additive); and pro-

motion of renewable energy sources. The development of new technologies requires new knowledge, efficient research, quality education and a reformed system of economic relations. The current state of this field gives little reason to be optimistic. In order to secure investment resource, the government needs to ensure rational distribution of the national income between the poor, middle, rich and super-rich classes. The authorities need to expand solvent demand, and that necessitates a higher wage pool. It is also necessary to increase financial support of education, healthcare, science and culture which are paramount for the development of human potential.

Keywords: industrial development, additive technologies, reform of economic relations, solvent demand, financial support of social services.

О. Н. Смолин¹

ЭКОНОМИЯ НА ЧЕЛОВЕКЕ КАК МЕХАНИЗМ ТОРМОЖЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

На примере анализа последствий социально-экономического курса, проводимого в России, показано, что ключом к развитию экономики и модернизации страны в XXI в. становится человеческий потенциал, способный превращаться в человеческий капитал, поэтому экономия на человеке вредна не только с социально-гуманитарной, но и с экономической точки зрения. Анализируется отечественная политика в области заработной платы и пенсионного обеспечения, хроническое недофинансирование социальной сферы, включая здравоохранение, образование и науку. Доказывается, что социальная сфера не может рассматриваться как «бремя государства», тормозящее развитие экономики, напротив, инвестиции в человеческий потенциал во многом определяют темпы и направленность экономического роста. Без таких инвестиций нельзя решить поставленную Президентом РФ задачу обеспечения прорывного развития страны.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, доходы населения, пенсии, образование, наука.

УДК 330.354

В России определяется курс обновленного правительства. Хотелось бы предостеречь его от прежних ошибок, имея в виду экономическую философию монетаризма, согласно которой главная задача финансового блока в правительстве – экономить деньги и складывать их в «кубышку», красиво именуемую Фондом национального благосостояния. При этом так называемая социалка рассматривается как бремя государства, замедляющее темпы экономического развития.

Согласно одной из интерпретаций, в свое время Жорж Помпиду утверждал, что есть три способа разориться: самый быстрый – карты; самый приятный – женщины; самый надежный – высокие технологии. Насчет высоких технологий, разумеется, согласиться нельзя, зато можно добавить четвертый способ, самый вредный – экономия на человеке!

На наш взгляд, такая политика имела некоторые основания в XIX – начале XX в., в период экстенсивной индустриализации. В настоящее время наиболее серьезные экономисты признают: ключом к развитию экономики и модернизации страны становится человеческий потенциал, который способен превращаться в человеческий капитал. А это значит, что экономия на человеке становится вредной не только с социальных и гуманистических позиций, но и с точки зрения развития самой экономики. Попробуем доказать это методом «от противного». Вот лишь некоторые примеры из отечественной действительности.

¹ Олег Николаевич Смолин, академик РАО, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы СФ РФ по образованию и науке, д-р филос. наук.

1. Экономическая стагнация. На фоне увлечения политической элиты конспирологией, желания списать все на внешние факторы Президент страны в Послании Федеральному собранию признал: «Именно отставание – вот главная угроза и вот наш враг» [4].

Действительно, по данным научного руководителя Института народнохозяйственного прогнозирования РАН В. В. Ивантера, в 2008–2013 гг. экономический рост в России составил 1,2 %, а в последующие четыре года – (- 0,2 %)². По другим расчетам, в 2008–2016 гг. экономика «росла» в среднем по 0,2 % в год, т. е. на 1,7 % за девять лет³. И это при среднем темпе роста мировой экономики в 3,8 %!

По данным Всемирного банка, по уровню экономического развития Россия переместилась из второй группы в третью (доход от 17 до 25 тыс. долларов), где мы соседствуем с Румынией, Турцией, Чили, Уругваем и Экваториальной Гвинеей [1]. Напомним: ко второй группе Всемирный банк относит страны с доходом от 25 до 42 тыс. долларов на человека.

Как известно, федеральный бюджет на 2018–2020 гг. предусматривает рост на 2,1; 2,2 и 2,3 % соответственно. Этот «рост» гарантирует нам нарастание отставания от мировой экономики. При этом независимые эксперты утверждают, что в реальности он ниже запланированного. В такой ситуации все разговоры о прорыве могут оказаться пропагандой.

Среди главных факторов развития рыночной экономики (к поклонникам которой автор отнести себя не может) – дешевый кредит и платежеспособный спрос. В постсоветской России, за редким исключением, не было первого, а с 2014 г. нет и второго. В такой ситуации призывы к бизнесу инвестировать в экономику оказываются гласом вопиющего в пустыне: зачем инвестировать, если некому покупать? Это доказывает: социальная политика – один из главных факторов экономического роста.

2. Низкая зарплата. Высокопоставленные экономисты и управленцы в России часто повторяют: мы живем не хуже, чем работаем. Однако это верно лишь отчасти: производительность труда в стране действительно низкая, но большинство россиян живут значительно хуже, чем работают. Зарплата подавляющей части населения России отстает от зарплаты не только в странах «первого мира», но и в странах с аналогичным уровнем производительности труда.

Правительство и Парламент гордятся тем, что с 1 мая 2018 г. приравняли минимальную заработную плату к прожиточному минимуму за второй квартал предыдущего года – 11163 рублей, который рассчитан по нормам ООН для развивающихся стран Азии и Африки. Добавим, что с этой минимальной зарплаты работник уплачивает 13 %-ный налог и потому прожиточного минимума он не получает. Приведем некоторые данные Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) о соотношении минимального размера оплаты труда в России и некоторых государствах «Большой двадцатки»: Германия – 1400 евро (106 370 р.); Франция – 1100 евро (83 580 р.); Китай – 500 долл. (31 700 р.); Турция – 460 долл. (29 160 р.); ЮАР – 180 долл. (11 400 р.); Россия – 176 долл. (11 163 р.); Бразилия – 170 долл. (10 780 р.); Индия – 64 долл. (4060 р.).

² См.: выступление В. В. Ивантера на IV Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК – 2018) «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее». 2018 г. 2 апреля.

³ Ремчуков, К. В. // Радио «Эхо Москвы». 2017. 11 декабря.

Как видим, после необыкновенного повышения минимальная зарплата в России составляет примерно 176 долларов, что втрое больше, чем в Индии; чуть больше, чем в Бразилии; однако почти в три раза меньше, чем в Китае, и в 2,5 раза меньше, чем в Турции. Причина очевидна: более высокая степень эксплуатации. Доля зарплаты работника в созданном им продукте в России – 25...30 %, а в социальных государствах Европы – 55...60 %.

Социальные последствия также очевидны: крайне низкий уровень жизни и, как заметила заместитель Председателя Правительства РФ О. Ю. Голодец, уникальная российская бедность, т. е. бедность работающих⁴.

Менее очевидны экономические последствия, в частности, низкая и медленно растущая производительность труда. Когда бизнес получает дешевую рабочую силу, у него нет стимулов внедрять новейшие технические достижения.

3. Низкие пенсии. Пенсии в России также значительно ниже, чем в странах с аналогичным уровнем производительности труда. Приведем данные о размере средней пенсии в некоторых странах мира в 2018 г. (в долларах): Швейцария – 3400; Япония – 2850; Германия – 2650; Норвегия – 2340; США – 2150; Греция – 930; Чехия – 570; Польша – 510; Эстония – 440; Россия – 235; Казахстан – 160; Беларусь – 160; Азербайджан – 120; Украина – 100; Грузия – 90; Кыргызстан – 60; Таджикистан – 50.

Самая очевидная причина низких пенсий в России – низкая зарплата. Пенсионный фонд, как известно, формируется путем начислений на заработную плату. Кстати, и коэффициент замещения в России (33...34 %) явно ниже минимального размера в 40 %, установленного Конвенцией Международной организации труда № 102.

Социальный результат – все та же бедность. Экономический результат – все тот же низкий платежеспособный спрос, который тормозит развитие отечественного производства и рост экономики.

4. Отказ от индексации пенсий работающим. Пенсии работающим не индексируются с 2016 г., в результате работающий пенсионер получает примерно на 22,5 % меньше, чем неработающий: ему не доплатили 12,7 % в 2016 г., 5,8 % – в 2017 г. и 4 % – в 2018 г. С учетом сложных процентов пенсия работающего ниже на 24 %.

Среднемесячные потери, например инвалида первой группы при среднем размере пенсии данной категории граждан, считая от среднего размера пенсии в предыдущем году, выглядят следующим образом: 2016 г. – 1766 рублей; 2017 г. – 888 рублей; 2018 г. – 835 рублей; итого – 3490 рублей.

Последствия предсказуемы: часть пенсионеров уволилась, а гораздо большая часть ушла «в тень». По данным Росстата, на 1 января 2016 г. в стране было 15 259 000 работающих пенсионеров, а на 1 января 2017 г. – 9 883 000, т. е. на 5 376 000 меньше. Умножив разницу на средний размер пенсии в 2016 г., легко рассчитать потери: около 425 млрд рублей при экономии Пенсионного фонда около 300 млрд рублей. На наш запрос была получена справка из Пенсионного фонда, в которой наши расчеты, основанные на официальных данных Росстата, подвергались критике. По мнению руководства Пенсионного фонда, следует считать количество работающих пенсионеров не на 1 янва-

⁴ Заместитель Председателя Правительства РФ О. Ю. Голодец на конференции «Неделя российского бизнеса». 14 марта 2017 г. URL: <https://ria.ru/society/20170314/1489974515.html> (Дата обращения: 25.03.2018).

ря каждого года, а на 1 октября, когда решается вопрос об индексации пенсий в следующем году. Согласно новым данным Росстата⁵, на октябрь 2015 г. в стране насчитывалось 3,417 млн работающих пенсионеров, а на октябрь 2017 г. – 3,281 млн. Сокращение – менее 140 тысяч за два года. При этом данные на 1 января каждого года, на которых основывалось финансово-экономическое обоснование к нашему законопроекту «О внесении изменений в Федеральный закон «О страховых пенсиях», с официального сайта Росстата исчезли.

В итоге динамика численности работающих пенсионеров выглядит следующим образом: 1.10.2015 – 3 417 000 человек; 1.01.2016 – 15 259 000 человек; 1.10.2016 – данные отсутствуют; 1.01.2017 – 9 883 000 человек; 1.10.2017 – 3 281 000 человек⁶.

Прочитую в полном объеме справку Пенсионного фонда: «Численность работающих пенсионеров, осуществлявших работу в течение определенного времени, в 2015 г. составила 15,3 млн человек. В то же время Федеральный закон от 29 декабря 2015 года № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий» сузил круг пенсионеров, признающихся работающими, и установил, что индексации не подлежат страховые пенсии получателей, осуществляющих работу по состоянию на 30 сентября, а не в течение года.

В результате численность работающих пенсионеров, пенсии которым не были проиндексированы, с 1 февраля 2016 г. составила 9,9 млн человек, что позволило сэкономить средства бюджета ПФР в сумме 51,5 млрд рублей.

В течение 2016 г. численность работающих пенсионеров сокращалась, из них более 500 тыс. пенсионеров в целях индексации страховой пенсии оставили работу, а затем возобновили ее.

1 млн пенсионеров за 2016 г. уволились, в результате потери бюджета ПФР от непоступления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование за 2016 г. составили около 29 млрд рублей.

С 1 февраля 2017 г. пенсии не были проиндексированы 9,8 млн пенсионеров; с учетом того, что большинству из них пенсии не индексировались в 2016–2017 гг., экономия средств бюджета ПФР оценивается в сумме 124,9 млрд рублей, а сокращение поступления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование – в сумме около 27 млрд рублей.

В 2018 г. экономия средств бюджета ПФР от неиндексации пенсии работающим пенсионерам, являющимся получателями страховой пенсии, составит 202,8 млрд рублей».

⁵ См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/

⁶ Интересно, что на сайте Росстата есть и другие данные о численности рабочей силы в возрасте старше трудоспособного (женщины – 55–72 лет, мужчины – 60–72 лет) без учета ищущих работу (безработных): 2012 г. – 6 267 800; 2013 г. – 6 360 300; 2014 г. – 6 500 400; 2015 г. – 6 891 800; 2016 г. – 7 018 100; 2017 г. – 7 071 200. См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/ru/statistics/population/generation/#>

Очевидно: пенсионеры увольняются с работы перед 1 октября, чтобы получить индексацию пенсий как неработающие, и вновь трудоустраиваются с 1 января следующего года. Меняя закон, правительство и Государственная Дума пытались обмануть работающих пенсионеров, однако, похоже, вместе с ними обманули и продолжают обманывать и самих себя.

О социальных последствиях такой пенсионной политики на XVI съезде «Единой России» 21 января 2017 г. говорил министр труда и социального развития М. А. Топилин: он прогнозировал снижение жизненного уровня российских пенсионеров в среднесрочной перспективе⁷.

Экономические последствия, помимо снижения платежеспособного спроса, образуют потери: пенсионного фонда (24 % от фонда оплаты труда); Фонда социального страхования (2,9 %); Фонда обязательного медицинского страхования (5,1 %); региональных бюджетов в виде поступлений от налога на доходы физических лиц (13 % от фонда оплаты труда). Итого: 45 % от фонда оплаты труда пенсионеров, которые после отказа от индексации пенсии либо прекратили трудовые отношения, либо ушли в «тень».

Насколько можно понять из справки Пенсионного фонда, в правительстве никто не считал:

а) в течение какого именно «определенного времени» в среднем за год работают почти 10 млн пенсионеров, которым отказано в индексации пенсии, и каковы были бы доходы Пенсионного фонда, если бы они работали постоянно?

б) каковы суммарные потери консолидированного бюджета страны и внебюджетных фондов в результате подобной политики?

При этом очевидно, что суммарные потери примерно вдвое превышают то, что теряет собственно Пенсионный фонд.

Слабым утешением может служить ответ Д. А. Медведева на наш вопрос во время отчета Правительства в Государственной Думе 11 апреля 2018 г.: «Мы действительно платили или начисляли индексацию работающим пенсионерам. В какой-то момент мы вынуждены были от этого отказаться, ... скажем по-честному, только по экономическим причинам, просто потому, что у нас не хватало на это денег. ... К этому вопросу можно возвращаться, но при этом нужно помнить, что все-таки финансовое положение работающих пенсионеров и неработающих пенсионеров несколько разное. Но, подчеркиваю, этот вопрос не закрыт» [8]. Как видим, Председатель Правительства абсолютно убежден, что отказ от индексации пенсий работающим приводит к экономии, тогда как приведенные выше соображения и расчеты, скорее, показывают обратное.

5. Повышение пенсионного возраста. Очевидно, действующему составу депутатов Государственной Думы предстоит рассматривать такой законопроект, скорее всего, правительственный. Решение фактически уже принято. Как заявил Д. А. Медведев, «... при принятии решения о пенсионном возрасте... не должно быть резких, непродуманных и непросчитанных решений, но при этом государство, исполнительная власть должны все-таки ориентироваться на существующие реалии. Такого рода решения... уже назрели, значит, их нужно обсуждать и по ним нужно определяться» [8].

⁷ М. А. Топилин: реальный размер пенсий в ближайшие три года будет снижаться. URL: <https://ria.ru/society/20170121/1486201604.html> (Дата обращения: 21.03.2018).

Антисоциальные последствия очевидны: по данным Всемирного банка⁸, Россия – рекордсмен Европы по количеству мужчин, не доживающих до 65 лет, – 43 % (в Исландии, Швейцарии – 10 %; в Швеции, Италии, Нидерландах, Мальте, Норвегии – 11 %; в Литве – 36 %; в Молдове – 37 %; на Украине, в Белоруссии – 40 %). Очевидно, что с повышением пенсионного возраста мужчин до 65 лет смертность в возрастной группе 60–65 лет увеличится по нескольким причинам: дополнительные физические нагрузки, связанные с принудительным продолжением работы при ухудшающемся состоянии здоровья; стрессы, связанные с более высоким уровнем безработицы и др.

Согласно ст. 2 Конституции РФ, «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». О том, насколько пенсионная политика, приводящая к снижению продолжительности жизни значительной части граждан, соответствует этой норме, у разных юристов могут быть различные мнения. Однако, как представляется автору, основания для обращения в Конституционный суд по этому поводу существуют.

По данным ректора Финансового университета при Правительстве РФ М. А. Эскиндарова, в настоящее время до официального пенсионного возраста не доживают около 10 % женщин и 30 % мужчин (55 и 60 лет соответственно) [2].

К экономическим последствиям повышения пенсионного возраста, судя по всему, не просчитанным финансово-экономическим блоком в правительстве, относится увеличение расходов на пособия по безработице – в связи с очевидным ее увеличением; на лечение и выплаты по временной нетрудоспособности (больничным листам) для тех, кто будет продолжать работать – в связи с очевидным ростом заболеваемости с возрастом; на строительство детских яслей и садов, поскольку молодые пенсионерки, как это происходит в настоящее время, ухаживать за детьми не смогут. И т. д., и т. п. Но и это не все. Повышение пенсионного возраста породит массу дешевой рабочей силы. Предпринимателям будет проще нанимать ее «за копейки», чем тратиться на техническое перевооружение. И это очередной механизм торможения модернизации.

Обратимся еще раз к главному аргументу сторонников повышения пенсионного возраста в стране: «... люди в нашей стране меняются, и несмотря на цифры, которые Вы сейчас привели, все-таки невозможно не отметить, что в настоящий момент у нас уже принципиально другая продолжительность жизни.

Если говорить о моменте установления пенсионного возраста, то это произошло в 30-е годы. ... Средняя продолжительность жизни в середине 1930-х гг. была 39–41 год. Ну и можно посчитать, ... как это соотносилось с пенсионным возрастом» [8].

Эта аргументация примечательна в трех отношениях.

Во-первых, введение пенсий Советским Союзом в числе первых государств мира было выдающимся достижением нашей страны. Однако думать, что спустя 80 лет соотношение между пенсионным возрастом и средней продолжительностью жизни должно быть таким же, как в 1930-х гг., мягко говоря, странно. С тех пор социальные стандарты в передовых странах сильно изменились, в том числе и под влиянием советского опыта.

Во-вторых, несмотря на рост средней продолжительности жизни в России в последние годы, так называемые сроки дожития, т. е. разница между средней продолжи-

⁸ Исследование показало, сколько мужчин в России доживают до 65 лет. URL: <https://ria.ru/society/20171006/1506300652.html>. (Дата обращения: 28.05.2018).

тельностью жизни и пенсионным возрастом, при сравнении с социальными государствами Европы и Азии все еще не в нашу пользу (табл. 1)⁹.

Наконец, в-третьих, экономические последствия повышения пенсионного возраста, о которых речь шла выше, явно остались не просчитанными. Точнее, просчитан только один аспект: соотношение работающих и пенсионеров и дефицит Пенсионного фонда. О системном подходе говорить не приходится. Статистическое понятие демографической нагрузки (соотношение числа граждан трудоспособного и нетрудоспособных возраста) подменяется соотношением количества работающих и пенсионеров. При правильном расчете демографической нагрузки легко убедиться, что в настоящее время она меньше, чем была в 1970 г. Тогда количество неработающих (включая детей и пенсионеров) составляло примерно 790 человек на одну тысячу работающих, а в настоящее время – 710¹⁰!

Пенсионный возраст и дискуссия о базовом доходе. В наиболее развитых в экономическом отношении странах новый виток технологической революции, связанный с внедрением многофункциональных роботов, породил дискуссию о так называемом базовом доходе, т. е. о возможности каждого гражданина, независимо от трудового вклада в создание ВВП, получать определенный уровень материального благосостояния. Для России с ее технологическим отставанием эта проблема пока не актуальна. И все же повы-

Таблица 1

Средний возраст дожития в некоторых странах

Страна	Возраст выхода на пенсию (женщины)	Возраст выхода на пенсию (мужчины)	Средний пенсионный возраст	Средняя продолжительность жизни	Средний возраст дожития
Франция	60	60	60	82,2	22,2
Англия	60	65	62,5	80,7	18,2
Израиль	62	67	64,5	82,2	17,7
Испания	65	65	65	82,6	17,6
Канада	65	65	65	82	17
Германия	65	67	66	80,9	14,9
Норвегия	67	67	67	81,6	14,6
США	65	65	65	79,1	14,1
Беларусь	55	60	57,5	71,3	13,8
Япония	70	70	70	83,5	13,5
Россия	55	60	57,5	70,1	12,6
Грузия	60	65	62,5	74,9	12,4
Азербайджан	58	63	60,5	70,8	10,3
Казахстан	58	63	60,5	69,4	8,9

⁹ Журнал «Пенсионный вестник». 2017. 6 июля. <http://pf-magazine.ru/articles/obshhaya-informacziya/vozrast-vykhopa-na-pensiyu-v-raznykh-stranakh-mira.html> и [6].

¹⁰ Данные депутата Государственной Думы О. В. Шеина (фракция «Справедливая Россия»). См. стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 7 июня 2017 г.

шать пенсионный возраст, учитывая перспективу введения базового дохода для каждого гражданина, мягко говоря, странно. Убежден: прежде чем вводить так называемый базовый доход, следовало бы увеличить численность работников, которые развивают человеческий потенциал на платной основе (педагогов, медицинских работников, работников культуры и социальной защиты), а также оплачивать социальную работу по формированию и развитию человеческого потенциала, которая в традиционном и индустриальном обществах не оплачивалась, это считалось само собой разумеющимся. Одним из главных направлений последней должна стать работа по уходу и воспитанию детей их родителями, усыновителями и иными законными представителями.

На наш взгляд, преимущества такой системы очевидны:

- при современном уровне сознания базовый доход может стимулировать часть трудоспособного населения к отказу от общественно полезного труда, тогда как оплата части социальной работы в рамках семейных ролей этот труд дополнительно стимулирует;

- уравнивание доходов вообще не работающих (в прежней советской терминологии – тунеядцев) с доходами людей, выполняющих социально полезные функции, будет восприниматься массовым сознанием как несправедливость;

- опыт СССР и других стран «реального социализма» показал, что чрезмерно высокий для данного состояния общественного сознания уровень социального равенства тормозит экономическое развитие, как тормозит его и чрезмерно высокий уровень социального неравенства, например, в современной России. Полагаю, на референдуме 5 июня 2016 г. швейцарцы приняли правильное решение, отказавшись от базового дохода, не связанного с общественно полезным трудом работника;

- если мы признаем, что именно развитие человеческого потенциала, способного превращаться в человеческий капитал, является ключом к экономическому развитию и модернизации современного общества, работа по развитию этого потенциала, в том числе в рамках семейных ролей, должна оплачиваться никак не ниже, чем труд в сфере материального производства. А саму социальную сферу следует рассматривать не как сферу услуг, но как важнейшую составляющую производства – воспроизводство самого человека.

Возвращаясь к проблеме пенсионного возраста, не могу не заметить: довольно странно заставлять людей работать дольше, чтобы в обозримой перспективе выплачивать базовый доход тем, кто не работает вообще!

6. Экономия на здравоохранении. Напомню: в рейтинге Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) 1978 г. советская медицина занимала 22-е место¹¹; в рейтингах ВОЗ 2000 и 2010 гг. – 130-е¹². Надеюсь, в рейтинге ВОЗ 2020 г. наша страна улучшит показатели, но в первую тридцатку не вернется наверняка.

Добавлю: согласно опросу ФОМ, состоянием отечественной медицины озабочены 70 % граждан [11]. Одна из причин – хроническое недофинансирование. В настоящее время на нужды здравоохранения в стране выделяется 4,1 % от ВВП при норме

¹¹ Информация общероссийской общественной организации «Лига защитников пациентов»: http://ligap.ru/news/news_5350.html

¹² «Ведомости». 2000. 22.06. (<http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2000/06/22/diagnoz-mirovomu-zdravooohraneniyu>), <http://www.brimz.ru/rejting-sistem-zdravooohraneniya-ot-voz.html> и других записях в lovejournal

ВОЗ, в 6 %. Большинство развитых стран эту норму превышают¹³: Швеция – 10,0 %; Германия – 8,7 %; Чехия – 6,3 %; Молдова – 5,5 %; Эстония – 5,0 %; Судан – 3,6 %; Сирия – 3,5 %; Бангладеш – 3,4 %.

И хотя, по данным академика В. А. Черешнева, медицина определяет здоровье нации лишь на 10...15 %, экономия за ее счет оказывается не только антигуманной, но и разорительной. По экспертным оценкам, увеличение расходов на здравоохранение до положенного минимума в 6 % от ВВП позволило бы значительно уменьшить потери от временной нетрудоспособности, включая выплаты по больничным листам, а также от ранней смертности, особенно среди мужчин. В итоге вырастет фонд оплаты труда, а вместе с ним и отчисления в Пенсионный фонд, причем на столько, что этого может оказаться достаточно для покрытия его триллионного дефицита без повышения пенсионного возраста¹⁴!

7. Экономия за счет экологии. Как известно, 2017 г. был объявлен в России годом экологии. Окончание этого года ознаменовалось не только практически полным отсутствием результатов, но и массовыми акциями протеста в Подмоскowie из-за отравления людей свалочным газом.

Напомню: первые попытки массового раздельного сбора мусора в СССР относятся ко второй половине 1980 гг. Однако уже на рубеже 1990-х гг. они были прекращены. В настоящее время власть вынуждена будет либо их возобновить, либо согласиться с превращением страны в свалку. Это еще один пример того, как так называемая вторая русская революция 1990-х гг. двинула страну не вперед, но назад. Между тем, опыт Швеции показывает, что на переработке мусора можно сделать большой бизнес. Швеция не только перерабатывает практически весь свой мусор, но и закупает его у соседей. Закупала бы и у России, если бы мусор собирался раздельно. Впрочем, за 30 лет, прошедшие со времени окончания советского периода, российские компании при стимулировании со стороны государства могли бы делать это сами. Помимо вреда здоровью граждан и подрыва престижа власти, в данном случае мы также имеем механизм торможения: при отсутствии необходимых инвестиций приходится многократно увеличивать расходы на ликвидацию последствий.

8. Экономия на науке. В 1990-х гг. наука была едва ли не самой пострадавшей областью народного хозяйства. Расходы на нее сократились примерно в 20 раз. Затем некоторое время росли, однако в ближайшей перспективе планируется новое сокращение.

Согласно федеральным законам на соответствующие годы, в 2017 г. из федерального бюджета на гражданскую науку выделялось 439,4 млрд рублей, а на 2019 г. запланировано 324,4 млрд рублей, т. е. на 115 млрд рублей меньше [9]. При этом общеизвестно: наука – основа новых технологий, без которых невозможны ни промышленность, ни медицина, ни оборона.

Один из парадоксов современной России состоит в следующем: Президент требует обеспечить новый прорыв в экономике, а правительство вместе с большинством Государственной Думы и тем же Президентом, который подписывает федеральные за-

¹³ Данные депутата Государственной Думы А. В. Куринного (фракция КПРФ). См. стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 6 февраля 2018 г.

¹⁴ Данные депутата Государственной Думы О. В. Шеина (фракция «Справедливая Россия»). См. стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 7 июня 2017 г.

коны о бюджете, планируют деградацию! В XXI в. в стране, остро нуждающейся в модернизации и обложенной международными санкциями, иначе оценивать сокращение расходов на науку нельзя.

Остановимся лишь на одной составляющей потерь от экономии на науке — на кадровых потерях. По данным экспертов РАН¹⁵, количество высококвалифицированных работников науки за послесоветское время сократилось в 2,7 раза. При этом в 2013 г. за рубеж уехали 20 тысяч таких специалистов, а в 2016 г. — 44 тысячи! Напомню в этой связи известное высказывание Г. О. Грефа на Гайдаровском форуме 15 января 2016 г.: «Самый страшный наш экспорт и самый большой наш экспорт, который надо остановить, — это экспорт мозгов. Мы не считаем, сколько мы экспортируем в год, но это, я боюсь, по объему потерь самое большое количество того, чего мы экспортируем. Экспортируем безвозвратно, к сожалению»¹⁶.

При этом вывоз капитала из России, по данным Global Financial Integrity (GFI), за 1994–2012 гг. составлял в среднем 70 млрд долларов в год¹⁷. А с учетом предшествующих и последующих лет за весь послесоветский период вывезено не менее двух трлн долларов. Соответственно, по мнению Г. О. Грефа, потери от вывоза человеческого капитала этот показатель превышают. И это лишь часть цены, которую страна платит за стремление правительства сэкономить на человеке, включая науку.

9. Образование. Начнем со статистики. По данным Высшей школы экономики, если принять за 100 % расходы на образование в 2006 г., то в 2012 г. они составили в реальном исчислении 180 %, а в 2015 г. — 149 %, т. е. на 30 % меньше (табл. 2) [5, с. 72].

В 2016–2017 гг. сокращение реальных расходов на образование продолжалось, поскольку их номинальный рост был ниже официальной инфляции. В 2018 г. ситуация несколько улучшилась. Например, расходы на образование в федеральном бюджете

Таблица 2

Расходы на образование в Российской Федерации в постоянных ценах

Год	Всего, %	Государственные расходы, %	Расходы за счет внебюджетных источников, %
2010	144	161	94
2011	142	160	88
2012	159	180	95
2013	155	178	85
2014	141	162	78
2015	132	149	78

¹⁵ В РАН заявили о возросшей в два раза за три года «утечке мозгов». URL: <https://www.rbc.ru/society/29/03/2018/5abcc9f59a7947e576977387>. (Дата обращения: 28.05.2018).

¹⁶ Греф: России нужно быстро бежать, чтобы не остаться в дауншифтерах. URL: <https://ria.ru/economy/20160115/1360222849.html>. (Дата обращения: 28.05.2018).

¹⁷ Из России за 19 лет незаконно вывели более 1,3 трлн долларов. URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/09/2015/560264189a7947501326fc58>. (Дата обращения: 13.04.2018).

увеличены с 595 до 663,63 млрд рублей, т. е. примерно на 11 %. Однако при этом, по заявлению министра финансов А. Г. Силуанова, Минфин предполагает, что в 2019–2020 гг. дополнительные трансферты бюджетам регионов на исполнение майских указов Президента производиться не будут и субъектам РФ придется самостоятельно решать соответствующие проблемы.

Несмотря на публичные призывы министров образования и науки Д. В. Ливанова и О. Ю. Васильевой остановить ликвидацию сельских школ, процесс продолжается. Статистические данные доказывают: количество школ в послесоветское время сократилось почти на 28 тысяч, причем в последние три года – почти на 2,5 тысячи. И это результат не отсутствия денег, а «оптимизации», т. е. все той же экономии на человеке.

Количество общеобразовательных школ в России составляло: 1990/1991 гг. – 69,7 тыс.; 1995/1996 гг. – 70,2 тыс.; 2000/2001 гг. – 68,1 тыс.; 2005/2006 гг. – 62,5; 2006/2007 гг. – 60,3 тыс.; 2007/2008 – 57,3 тыс.; 2008/2009 гг. – 55,1 тыс.; 2009/2010 гг. – 52,4 тыс.; 2010/2011 гг. – 50,1 тыс.; 2011/2012 гг. – 47,7 тыс.; 2012/2013 гг. – 46,2 тыс.; 2013/2014 гг. – 44,7 тыс.; 2014/2015 гг. – 44,1 тыс.; 2015/2016 гг. – 43,2 тыс.; 2016/2017 гг. – 41,8 тыс. В том числе количество сельских школ: 2005/2006 гг. – 40,6 тыс.; 2015/2016 гг. – 26,1 тыс.

Растет недовольство педагогов. Так, по данным опроса учителей средних школ, проведенного Высшей школой экономики (ВШЭ) и «Левада-центром», доля учителей, которым все нравится в их работе в 2016/17 учебном году упала до 22 % (годом ранее было 42 %), хотя в предыдущие три года росла. Доля недовольных зарплатой в тот же период увеличилась с 28 до 34 % [3]. Однако, по данным аналитического обзора «Мониторинг эффективности школы. Чем привлекательна работа в школе — взгляд учителей», подготовленного Российской академией народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), ситуация еще хуже: по итогам 2017 г. почти 60 % учителей в России не устраивает их заработная плата.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 23 октября 2015 г. № 2145-р «О программе «Содействие созданию в субъектах Российской Федерации (исходя из прогнозируемой потребности) новых мест в общеобразовательных организациях» на 2016 – 2025 гг., на создание новых учебных мест в 2018 г. должно быть выделено 250 млрд рублей. Однако Федеральным законом о федеральном бюджете на 2018 г. и плановый период 2019–2020 гг. предусмотрено в 10 раз меньше – 25 млрд рублей. При этом Распоряжение Правительства не отменено и не исправлено.

В экономической теории стало едва ли не общим местом утверждение, что именно образование является ключом к развитию человеческого потенциала в целом и его последующему превращению в человеческий капитал. Российские политические лидеры регулярно цитируют высказывание нобелевского лауреата В. В. Леонтьева о том, что расходы на образование в долгосрочной перспективе являются самыми выгодными для государства инвестициями. Однако на реальной экономической политике это не сказывается.

Как известно, Президент страны поставил задачу обеспечить прорывное развитие России, в частности, выйти на среднемировые темпы экономического роста. Убежден: без изменения курса экономической и социальной политики, без прекращения экономии на человеке решение этой задачи будет провалено, а нарастающее отставание поставит под сомнение целостность и будущее государства.

Как минимум, необходимо концептуально поддержать предложения о так называемом бюджетном маневре, который предполагает некоторое увеличение вложений в человеческий потенциал, хотя многие конкретные направления этих вложений являются дискуссионными.

Вспоминая и перефразируя Д. И. Менделеева, берусь утверждать: в XXI в. экономить на человеке – хуже, чем топить ассигнациями!

Список литературы

1. Башкатова, А. Россию поставили рядом с Экваториальной Гвинеей и Румынией / А. Башкатова // Независимая газета. – 2018. – 4 апреля.
2. Возраст несогласия. «Деловой завтрак» с Михаилом Эскиндаровым // Российская газета. – 2015. – № 6808 (237). – 20 октября.
3. Ломская, Т. Учителя разочаровались в указах Путина / Т. Ломская // Ведомости. – 8 августа 2017 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/08/08/728387-uchitelya-gazocharovalis-putina>. (Дата обращения: 28.05.2018)
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. 1 марта 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>. (Дата обращения: 9.04.2018)
5. Расходы на образование в Российской Федерации в постоянных ценах. Индикаторы образования: 2017: стат. сб. / Высшая школа экономики. – М., 2017.
6. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни // Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2006–2018 (последняя ред. 16.03.2018). URL: <http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info>
7. Средняя пенсия в 2018 году в России и других странах мира. URL: <http://bs-life.ru/rabota/pensiya/srednuya2018.html> (Дата обращения: 21.03.2018)
8. Стенограмма выступления Д. А. Медведева в Государственной Думе с отчетом о деятельности Правительства Российской Федерации за 2017 год. – 2018. – 11 апреля URL: <http://government.ru/news/32246/> (Дата обращения: 13.04.2018).
9. Тодосийчук, А. О бюджетном финансировании науки и инноваций в среднесрочной перспективе / А. Тодосийчук // Экономист. – 2017. – № 2. – С. 45.
10. Федеральный закон от 5 декабря 2017 года № 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов».
11. Яковлева, Е. Прав? Да! / Е. Яковлева // Российская газета. – 2014. – № 6511. – 10 октября. URL: <http://www.rg.ru/2014/10/20/pamfilova-dz.html> (Дата обращения: 17.02.2015)

O. N. Smolin. Cutbacks on social sector expenditure as a slowdown mechanism: some socioeconomic aspects. The article is devoted to the methodological problems of socioeconomics analyzing the consequences of the socioeconomic course pursued in Russia at the present time. The main feature of the author's approach and the main thesis of the article is that the key to the development of the economy and modernization of the country in the 21st century is human potential, which can be transformed into human capital. And, consequently, skimping on an individual is harmful not only from the socio-humanitarian, but also from the economic point of view. The article considers domestic policy on wages and pensions, including proposals for raising the retirement age, as well as chronic underfunding of the social sphere, including health care, education and science. The influence of these factors economic growth of the country is discussed. The author argues that the social sphere should not be perceived as a «state burden» which hinders the

development of economy, but, on the contrary, it should be viewed as a sphere of investment in human potential, which largely determines the pace and direction of economic growth. Without such investments, it is impossible to solve the task set by the President of the Russian Federation to ensure the country's rapid development.

Keywords: human potential, human capital, incomes of the population, pensions, education, science.

Д. Е. Сорокин¹

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: БЛАГО ИЛИ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ?

Переход к цифровой экономике трактуется с точки зрения качественного изменения способа функционирования общественных производительных сил, порождающих цивилизационный сдвиг. Обосновывается необходимость адекватного требованиям цифровой экономики изменения системы организационно-экономического управления, сопряжения программ цифровизации с переходом к новому технологическому укладу и создания системы экономической заинтересованности субъектов хозяйствования и работников в осуществлении соответствующих мероприятий.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, цивилизационный сдвиг, организационно-управленческая система, технологическое перевооружение, экономический интерес.

УДК 332.354

Сформулированное в середине 1990-х гг. американским информатиком Николасом Негропonte понятие цифровой экономики как особой отрасли, производящей разнообразные информационные продукты в электронном виде, ныне трактуется гораздо шире. Многие указывают на то, что информационные технологии, проникая во все сферы создания, распределения, обмена и потребления реальных и виртуальных благ, влекут за собой качественное изменение способа функционирования производительных сил. Суть этого процесса в том, что логика взаимодействия вещественных элементов производительных сил (как в технологическом, так и в организационном плане) все чаще определяется не людьми, а все более интеллектуализирующимися, способными к самообучению информационными системами (интернет вещей). Более того, это взаимодействие начинает выходить за пределы отдельного хозяйствующего субъекта, постепенно включая в единое информационное пространство весь процесс общественно-го воспроизводства. Одновременно информационные технологии выходят за пределы собственно экономики и проникают во все сферы общественной и частной жизни, придавая им некое новое бытие. Именно такое понимание цифровой экономики как цивилизационного явления нашло отражение в выступлении В. Путина на экономическом форуме в Санкт-Петербурге (2017 г.): «Цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути, это основа, которая позволяет создавать качественно новые модели бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, госуправления, коммуникаций между людьми, а, следовательно, *задаёт новую парадигму развития государства, экономики и всего общества*» (курсив мой – Д. С.).

¹ Дмитрий Евгеньевич Сорокин, научный руководитель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, вице-президент ВЭО России, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор.

Понятно, что такого рода процессы не могли остаться вне сферы внимания обществоведческих наук, в рамках которых развернулась дискуссия о содержании и социально-экономических последствиях этого явления. В принципе, ясно, что новая реальность, формируемая цифровой экономикой, с одной стороны, создает потенциал для общественного прогресса, с другой – порождает определенные риски (угрозы). В этой связи для обществоведческих наук возникает двоякая задача: выявление возможностей, механизмов использования новой реальности в интересах общественного прогресса, а также рисков (угроз), которые несет эта новая реальность для социума, и предложений по их нейтрализации.

С большой долей вероятности можно предположить, что социумы, которые смогут «освоить» порождаемый цифровыми технологиями цивилизационный сдвиг, использовать его в собственных интересах, получают статус субъектов, определяющих конструкцию нового мира. В свою очередь, социумы, «выпавшие» из процесса, неизбежно превратятся в ресурсный потенциал для будущих полюсов развития. В этой связи у России нет альтернативы: в силу геополитических реалий, исторически сложившихся с момента ее образования как единого государства, она может сохранять свою целостность, лишь оставаясь одним из мировых центров силы. Представляется, что освоение возможностей, порождаемых цифровой экономикой, позволит России войти в группу стран-лидеров, уйдя с траектории догоняющего развития. Для реализации такого сценария необходимо обеспечить выполнение ряда условий.

Первое связано с пониманием того, что цифровизация экономики предполагает изменение организационно-экономических связей и процессов в каждом ее звене, каждом хозяйствующем субъекте и экономике в целом. Речь идет не просто о передаче тех или иных организационно-управленческих функций от человека к информационным системам, а об изменении самого содержания этих функций. Определенным аналогом (и уроком) здесь может служить история внедрения автоматизированных систем управления (АСУ), начавшаяся с середины 1960-х гг. По сути, отсюда можно отмерять время начала перехода к цифровой экономике. Однако, как известно, надежды на более эффективное экономическое развитие при переходе к АСУ не оправдались. Фундаментальная причина заключалась в том, что автоматизировались сложившиеся организационно-управленческие функции, в то время как АСУ требовали реформирования самой организационно-управленческой системы. При цифровизации экономики как в масштабах конкретного хозяйствующего субъекта, так и экономики в целом необходимо до начала «оцифровки» ясно представлять себе, как должна измениться логика организационно-управленческой системы, процесса принятия управленческих решений и т. п. при переходе к интернету вещей, где логику действий будут во все большей степени определять интеллектуальные и самообучающиеся информационные системы. Процессы оцифрования и организационно-управленческие изменения должны сопрягаться во времени и пространстве. В противном случае может возникнуть ситуация, когда сохранение традиционной организационно-управленческой системы, пусть и в оцифрованном виде, не только не принесет ожидаемых социально-экономических эффектов, но и создаст угрозу «выпадения» страны из формирующегося глобального информационного пространства.

Второе, на что следует обратить внимание, это производственно-экономический аспект перехода к цифровой экономике. Утвержденная в 2017 г. Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. определяет, что «цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства

являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяет существенно повысить эффективность различных форм производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Вместе с тем необходимо понимать, что само по себе оцифрование производственных процессов не ведет к автоматическому росту эффективности производства. Последняя определяется прежде всего состоянием материально-технологической базы экономики.² Так, оцифровка скоростного поезда «Сапсан» и соответствующего участка пути может способствовать предоставлению новых «виртуальных» услуг его пассажирам и повышению безопасности, но не сократит время движения, если рельсовый путь останется рассчитанным на обычные железнодорожные составы. Прорыв здесь может произойти лишь при переходе к принципиально новым технологическим решениям задачи перемещения грузовых и пассажирских потоков (например, к магнитно-левитационным технологиям).

С учетом состояния материально-технологической базы российской экономики этот аспект проблемы сегодня особенно важен. В конце прошлого десятилетия на основе проведенного в Российской академии наук исследования был сделан вывод, что страны – технологические лидеры находятся в пятом технологическом укладе с элементами шестого, в то время как российская экономика характеризуется четвертым технологическим укладом с элементами пятого.³ Напомним, что этот вывод был сделан, несмотря на то что еще в 2000 г. в проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу было заявлено, что к 2007–2010 гг. «будут созданы научно-технические и производственные предпосылки для кардинального технологического перевооружения основных экономически значимых секторов производства». Однако, несмотря на целый ряд организационно-экономических мер в этой области, доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, за прошедший период осталась на недопустимо низком уровне.⁴ Принятая в 2008 г. Концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г. поставила задачу доведения этого показателя до 40...50 %, что соответствовало ситуации в странах – технологических лидерах. В принятой в 2011 г. Стратегии инновационного развития России цель определена по «нижней планке» Концепции – 40 % (видимо, исходя из складывающихся реалий). Однако те же реалии привели к тому, что в утвержденной двумя годами позже Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» показатель был уменьшен до 25 %. Тем не менее, ныне и он представляется недостижимым: по итогам 2016 г. доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, осталась на уровне 2000 г. – 9,2 %.

Нынешние реалии российской экономики не позволяют обеспечить необходимые темпы ее роста, кроме как за счет повышения производительности труда. Отсюда

² Еще К. Маркс отмечал, что «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» (*Маркс, К.* Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 191).

³ См.: Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России» // Вестник РАН. Т. 79, № 3. 2009. Март.

⁴ В 2000 г. – 10,6 %, в 2010 г. – 9,3 % (здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата).

задача, поставленная в Послании Президента России Федеральному собранию (2018 г.), – обеспечить рост производительности труда «на средних и крупных предприятиях базовых отраслей (это промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство и торговля) ... темпами не ниже 5 процентов в год». Между тем, с учетом складывающихся трендов в этой области без технологического перевооружения соответствующих отраслей эта задача представляется невыполнимой (см. таблицу).

Именно поэтому в Послании Президента России Федеральному собранию отмечено, что «инвестиции должны пойти прежде всего на модернизацию и технологическое перевооружение производств, обновление промышленности. Нам нужно... выйти на уровень, когда в среднем каждое второе предприятие в течение года осуществляет технологические изменения».

Таким образом, программы цифровизации как экономики в целом, так и хозяйствующих субъектов должны быть сопряжены с программами технологического перевооружения. При этом важно, чтобы переход к цифровой экономике не сводился к оцифровыванию имеющейся технологической базы, по существу, консервируя технологическое отставание. Чтобы избежать этой угрозы, целевыми должны быть показатели не оцифровки, а производственно-экономической эффективности производства. Сами же цифровые технологии должны рассматриваться как инструменты для роста такой эффективности.

Наконец, третьим важным фактором успеха является создание системы заинтересованности в осуществлении программ цифровизации и субъектов хозяйствования, и работников. Об этом, в частности, говорит опыт перехода предприятий к инновационным факторам роста. В Стратегии инновационного развития России прямо отмечалось, что ключевой проблемой отсутствия должного уровня инновационной активности «является в целом низкий спрос на инновации в российской экономике... Ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций», тормозя тем самым технологическое перевооружение экономики. Отсутствие экономического интереса хозяйствующего субъекта к использова-

Среднегодовые темпы прироста производительности труда в 2010 – 2016 гг., %

Экономика в целом		1,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство		3,0
Промышленность	Добыча полезных ископаемых	1,6
	Обрабатывающие производства	2,4
	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,2
Строительство		- 0,1
Транспорт и связь		1,2
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования		- 0,2

нию цифровых технологий вкупе с технологическим перевооружением исключает реальные подвижки в этом направлении. В свою очередь, незаинтересованность работников, осуществляющих трудовые функции в рамках хозяйствующего субъекта, перед которым поставлена задача перехода к цифровым технологиям, неизбежно приведет к скрытому сопротивлению, с которым сталкивается всякое новшество, особенно когда призывы к переходу к цифровой экономике сопровождаются прогнозами о появлении в результате сотен тысяч «лишних» людей.

Таковы исходные предпосылки для предотвращения угрозы «выпадения» России из цивилизационного процесса, порождаемого переходом к цифровой экономике.

D. E. Sorokin. Digital economy: a blessing or a threat to Russia's national security? In the article the transition to a digital economy is interpreted in terms of a qualitative change in the method of functioning of the public produced force that produces a civilizational shift. In this regard, the justifies the need to meet the adequate requirements of the digital economy changes the system of organizational-economic management, the integration of two programs of digitalization with the transition to new technological structure and the establishment of a system of economic interests of economic entities and employees in the implementation of relevant activities.

Keywords: digital economy, digitalization, civilizational shift, organizational and managerial system, technological rearmament, economic interest.

Р. С. Гринберг¹

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИМПЕРАТИВАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Рассматриваются варианты экономической модернизации России; вопросы соответствия ее масштабов, целей и задач ресурсному обеспечению. Необходимо повысить долю инвестиций в ВВП хотя бы до 30...35 %, чтобы увеличить темпы роста до 5...6 % в год. Не менее важны доверие и согласие между обществом и властью по поводу целей и средств модернизации. Причины стагнации российской экономики – падение инвестиционной активности, рост доли инвестиций в сырьевой сектор при их снижении в основные фонды. Подчеркивается, что из трех потенциалов развития России (природные, интеллектуальный и пространственный) два первых как-то используются, а третий – практически нет. А для экономики пространственное развитие безальтернативно, но без финансовой поддержки государства масштабное строительство дорог невозможно. Государство должно установить приоритетные направления экономического развития и адекватные средства их реализации.

Ключевые слова: императивы экономической модернизации, ресурсное обеспечение, причины стагнации, потенциалы развития, государственная поддержка, приоритеты экономического развития.

УДК 330.354

Современный экономический миропорядок все в большей степени становится миром социальных контрастов: нарастают социальная несправедливость, непримиримые противоречия между островком богатства и благополучия и остальным миром бедности и нищеты. В этих условиях в мире идут поиски новых моделей социально-экономического развития.

В свете сказанного важно определить, какой тип модернизации нужен современной России: прорывной вариант, а может быть, широкая социально-экономическая модернизация? В любом случае не следует ориентироваться на технологические уклады вчерашнего дня. Мы не можем позволить себе «поэтапно догонять» лидеров, наверстывая то, в чем отстали вчера и позавчера.

Очень важен вопрос соответствия масштабов, целей и задач модернизации, с одной стороны, и их ресурсного обеспечения – с другой. Нам нужно уходить от идеологии расходов и трат, как это понимают бухгалтеры и счетоводы. Модернизации нужны новые генерации политиков, финансистов, финансовых менеджеров, которые понимают, что мы не «тратим и растрачиваем» деньги бюджета, а вкладываем и инвестируем.

¹ Руслан Семенович Гринберг, научный руководитель Института экономики РАН и ИНИР им. С. Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор.

Прежде всего необходимо повысить долю инвестиций в ВВП; сегодня она одна из самых низких в мире и составляет около 20 % (при незначительных колебаниях по годам). При такой норме ни одной стране не удавалось демонстрировать рост экономики более чем на 3 % в год. В советское время данная норма достигала 40 %. Переход к норме инвестиций хотя бы в 30...35 % позволил бы увеличить темпы экономического роста до 5...6 % в год.

Но дело не только в величине доли инвестиций в ВВП. Не менее важное значение приобретает вопрос о субъектах, движущих силах и ценностно-мотивационных предпосылках модернизации. Когда мы об этом забываем, уповая на пресловутую «политическую волю» и «принуждение к прогрессу», то, даже если пригласить лучших специалистов, постоянно плодить научные концепции, на выходе получим очередной образец литературного творчества, интересного лишь узкому кругу авторов-единомышленников и, возможно, историкам экономической мысли. Принять и разделить тяготы и издержки модернизации общество готово, только когда между ним и властью есть доверие, взаимопонимание и согласие по поводу целей и средств модернизации.

И еще. Модернизация всегда несет неизбежные риски и потери, социальные тяготы. Но надо иметь в виду, что нищета и простое воспроизводство, нищета и расширенное воспроизводство, определенное экономическое развитие и контрасты социального неравенства в определенных границах совместимы. Но представить сочетание нищеты и инноваций, модернизацию при одновременном фронтальном наступлении на социальные и человеческие права граждан, выстраивание новых инновационных институтов при деградации социальной и социокультурной инфраструктуры общества сегодня невозможно. Даже известные мобилизационные модели модернизации требовали системных решений в области развития социальной инфраструктуры, создания системы социальных прав и гарантий граждан.

Поэтому, если мы и дальше будем ориентироваться на известные опыты радикального неолиберального реформирования, то о модернизации, инновационном развитии, экономике, основанной на знаниях, придется забыть. Не может человек, вынужденный вкалывать ради заработка на пяти работах, думать об инновациях или других высоких материях типа «образование в течение всей жизни», о культурном досуге, творчестве и т. д.

Для креативного человека, для «класса развития», подлинного интеллектуального класса (а не пресловутого «среднего» – по уровню доходов и потребления) нужна совершенно иная среда. Поэтому существуют особые социальные аспекты модернизации, требующие устранения остаточных деформаций социального наследия 1990-х гг., корректировки курса в области науки, образования, здравоохранения, культуры, которые в 2000-е гг. превратили общее (общенациональное) дело Культуры в поприще для узкого круга элиты, а в области науки и образования привели к возникновению научно-образовательных «газпромов» и «роснефтей», обеспечивающих воспроизводство этой элиты, но не способных выполнять те социальные функции, которые эти институты несли в себе как публичные институты производства и распространения знаний; воспитания и становления личности; социальных лифтов и источника формирования «класса развития».

Сегодня лидеры мирового экономического развития (прежде всего США) все силы и ресурсы государства и нации концентрируют на управлении будущим, целенаправленном и планомерном создании научных, научно-технических, инновацион-

ных и технологических заделов. И здесь лидирует государство, отдавая странам второго эшелона прогресса и коммерческому сектору освоение ближнего космоса, значительную часть IT-экономики, других отраслей предыдущего уклада. Прорывные военные технологии, медицина, биотехнологии и фармацевтика, нанотехнологии, информационно-телекоммуникационные технологии, основанные на новых принципах, революция в материалах – все это поддерживается государством в специфических формах, характерных для американской системы регулирования интеллектуального производства, сотрудничества с бизнесом там, где лежат основополагающие национальные интересы и долгосрочные стратегические ориентиры, направленные на экономическое доминирование в будущем мире. Учет этих мировых трендов и императивов развития требует воссоздания в России систем стратегического целеполагания, стратегического планирования и управления, политических, экономических и институциональных механизмов выработки и реализации стратегических приоритетов.

Сегодня прогресс человеческой цивилизации и ее главные ценности – человек, его жизнь и здоровье, достоинство, права и свободы – обуславливают то, что человеческое измерение развития становится главным в системах глобальной экономики на всех ее уровнях, в региональных и национальных подсистемах. Защита прав и свобод человека представляет собой подлинное содержание обеспечения глобальной, региональной, национальной и иных локальных видов и разновидностей безопасности.

В системе западной цивилизации это понимание, сформированное в новое время, стало основой общества модерна и постмодерна, способствует продуктивному синтезу конкурентной рыночной экономики, развитию гражданского общества, правового государства с широким набором социальных функций и гарантий. Одновременно это является универсальной тенденцией, закономерностью, по которой можно судить о реальном прогрессе модернизирующихся обществ как стран третьего мира, так и постсоциалистических. Это важное методологическое положение, потому что любые варианты мобилизационного развития с принесением в жертву демократических ценностей, прав и свобод человека, с уступками авторитаризму могут дать лишь частичный и ограниченный во времени экономический результат, абсолютно не гарантирующий достижение стратегических целей модернизации, выхода на рубежи информационного общества и экономики, основанной на знаниях. Однако и сегодня, несмотря на исторические уроки и позитивный пример наиболее успешных стран, соблазн авторитаризма, развитие ценой ущемления прав и свобод личности остаются реальной угрозой и непреодолимым препятствием на пути социально-экономического прогресса, формирования свободного, открытого и демократического общества.

В России в период рыночной трансформации, по сути, полностью сменилась парадигма безопасности и развития, институтов и механизмов ее обеспечения. Права и интересы личности декларировались в качестве ценностей, стоящих выше интересов государства и общества. Но на практике самые насущные права и свободы личности, связанные с ее достоинством, материальными и нематериальными интересами, еще не стали безусловной ценностью, социальным и политическим императивом как для власти, так и для общества, государства, бизнеса, всех слоев общества и элит. Социальная поляризация и раскол общества, резкие социальные контрасты и конфликты интересов постоянно провоцируют соблазны, дополнительные стимулы и аргументы для использования авторитарных методов, сужают границы свободных конкурентно-рыночных отношений. Это толкает к историческим рецидивам мобилизационных моделей догоняющей модернизации с ее вечным парадоксом соревнующихся Ахилла и черепахи. Политичес-

ки это опять выталкивает модернизирующееся общество на «особые пути развития», в плоскость непонимания и напряженности в контактах с внешним миром.

Запад сегодня также во многом живет в координатах устаревшей парадигмы безопасности. Разрыв в образе, стиле и уровне жизни между странами «золотого миллиарда» и остальным миром в условиях глобального информационного общества, доступности любой информации в системе «онлайн» и недоступности для всех равных возможностей «здесь и сейчас» подрывает основы глобальной безопасности, создает принципиально новые вызовы и угрозы для национальной безопасности богатых стран. Глобальное доминирование США и ЕС, попытки унифицировать мир и навязать ему свои ценности, в том числе путем гуманитарных интервенций, не могут помочь в поиске новой парадигмы развития и безопасности, их гармонизации. Сегодня ни ограничения модели устойчивого развития, ни «обезболивающие» глобальные институты благотворительности не решают проблемы мира – проблемы несходимых параллельных миров социального Эдема и социального Ада.

Нужна новая парадигма – самоограничения полюса богатства и продуктивного развития полюса бедности. Словом, нужен такой миропорядок, в котором будет обеспечена прочная экономическая безопасность на основе социально ответственной рыночной экономики и модернизированного государства.

Теперь о том, как вывести экономику России на траекторию устойчивого развития. В последние годы российская экономика столкнулась с падением темпов роста, что вызывает большую тревогу за будущее страны, особенно в условиях вводимых экономических санкций со стороны США и ЕС и заметно ускорившихся темпов роста мировой экономики. За последние 5 лет (2013–2017 гг.) среднегодовой темп прироста российской экономики составил всего 0,2 %, в то время как мировая экономика ежегодно прирастала на 3...4 %. Важнейшими причинами стагнации российской экономики выступают падение инвестиционной активности в стране, от которой в решающей степени зависят темпы роста экономики, и нарастание в структуре инвестиций доли, идущей на развитие сырьевых отраслей. Инвестиции в основные фонды в сопоставимых ценах в 2013 г. приросли на 0,8 %; в 2014 г. сократились на 2,5 %, в 2015 г. – на 8,4 %, в 2016 г. – на 0,9 %; в 2017 г. возросли всего на 1,2 %². По абсолютному объему в 2017 г. инвестиции в России на душу населения в основные фонды, рассчитанные в долларах в постоянных ценах 2005 г. и по паритету покупательной способности рубля, были в 3-4 раза меньше, чем в США и других наиболее развитых странах.

Если мы посмотрим на инвестиционную активность в России в разрезе отраслей, то увидим, что сырьевая направленность развития российской экономики не только не сокращается, а, напротив, увеличивается. Так, в 2016 г. инвестиции в текущих ценах в добычу полезных ископаемых увеличились на 30 %, а в обрабатывающие отрасли и социальную сферу сократились в целом по всем обрабатывающим отраслям на 2,3 %.

Словом, инвестиционное состояние экономики страны незавидное. И простого выхода из ситуации нет. А как обстоит дело с непростыми? Есть много разных рецептов, но если отбросить самые радикальные и экзотические, то рассмотрения заслуживают две школы мышления. Первая – это, как я их условно называю, «перфекционисты», «улучшатели». Это люди, безоговорочно верящие в механизмы рыночного саморе-

² Инвестиции в России 2017: стат. сб. М., 2017. С. 11.

гулирования и личную ответственность граждан. Они любят говорить, что обожают частный бизнес, и демонизируют государство. Правда, в риторике. На практике они реально формируют и проводят экономическую политику страны вот уже четверть века, считают ее правильной и единственно возможной. Выход из стагнации «перфекционисты» видят исключительно в реализации комплекса мер по улучшению так называемого инвестиционного климата. Первое, чего они хотят, чтобы деньги были длинными и дешевыми. Для этого нужно прежде всего снизить инфляцию до 4 %; если это удастся, появятся дешевые кредиты, и будто бы встанут с печи потенциальные частные инвесторы, начнут занимать деньги и вкладывать их в производство отечественных товаров. Заметим, что из всего объема производственных инвестиций в стране только 8...10 % – банковские кредиты, а все остальное – это собственные средства предприятий и бюджетные деньги. Невольно возникает вопрос: почему эти деньги не идут в инвестиции? Мой ответ простой: дело не в дороговизне денег, а в том, что не ясно, зачем вообще их инвестировать. Инвестиционный климат, как говорят «улучшатели», плохой у нас еще и потому, что кругом коррупция, сплошь и рядом монопольные сговоры, бюрократический произвол в отношении малого и среднего бизнеса, слабые гарантии частной собственности и т. д. В советские времена все это (правда, применительно к западному капитализму) порождало «неуверенность в завтрашнем дне». Разумеется, равенство людей перед законом, независимое судопроизводство, охрана частной собственности исключительно важны и необходимы. Но ведь это долгий процесс. И «улучшатели» все это понимают. Известно, что они представили президенту проект, где заявили, что несколько лет мы будем медленно выздоравливать, решая отмеченные выше задачи. А когда выздоровеем, тогда и начнется стабильно высокий рост всей экономики.

Вторая школа мышления, на мой взгляд, более прагматичная и поэтому предпочтительная, может быть условно обозначена как сообщество «интервенционистов». Здесь есть разные мнения по вопросу «что делать?». Но всех объединяет идея, что запуск стагнирующей экономики России и тем более перевод ее на траекторию устойчивого роста невозможен без мощных государственных инвестиций. И похоже, такому подходу альтернативы нет. Страна не может бесконечно долго прозябать в ожидании позитивных социокультурных и институциональных изменений. В нашей специфической ситуации государство должно инициировать большие проекты, например развития транспортной инфраструктуры, и делать их привлекательными для потенциальных частных инвесторов.

У России есть три потенциала развития. Два из них так или иначе используются, а третий – нет. Первый потенциал – природный. Его плоды делятся неравномерно, что создает вопиющее материальное неравенство, и это нехорошо. Но все-таки он используется. Второй – интеллектуальный. Мощная инерция советской науки и образования тоже позволяет нам его использовать. Рождаются любознательные молодые девушки и юноши, которые могли бы сделать много хорошего, и они это делают, но зачастую не в России. А третий потенциал – пространственный. Вот он у нас почти не используется. А это очень важно для здоровой экономики вообще и для рынка труда, в частности. Поэтому считаю целесообразной реализацию идеи транспортного коридора между Европой и Азией через Россию со строительством высокоскоростной железной дороги. Тем более что в депрессивные времена, как сейчас, капиталовложения в мегапроекты, в принципе, безальтернативны. А для нас инфраструктурные проекты – это еще и единственный рычаг «стягивания» огромной территории, устраняющий фрагментарность рынка труда.

В общем, российская экономика требует существенного обновления материальной базы. Для этого есть проверенный способ – структурная политика: установление государством приоритетных направлений экономического развития и применение адекватных средств их реализации. Но очень важно определить критерии отбора приоритетов. Здесь есть свои особенности.

Во-первых, вряд ли существует совершенный и не зависящий от субъективных устремлений механизм определения приоритетов структурной перестройки экономики. Как нет «совершенного» рынка, обеспечивающего оптимальную аллокацию ресурсов, так нет и идеального научно обоснованного государственного механизма выявления потребностей общества в той или иной структуре экономики. Однако, чем демократичнее общество, тем быстрее при прочих равных условиях будет замечена ошибка в расстановке приоритетов.

Во-вторых, в приоритеты структурной и промышленной политики следует закладывать те направления развития, применительно к которым Россия еще сохраняет конкурентные преимущества (реальные или потенциальные). Это в целом подлежит тщательному системному изучению с участием научных коллективов, включающих представителей экономических и естественных дисциплин.

В-третьих, ряд приоритетов современной промышленной политики должен носить не отраслевой, а межотраслевой характер. Такие проекты характеризуются высокой степенью затратности, большими инвестиционными рисками и длительным производственным циклом. Иначе говоря, они не могут быть осуществлены без системной господдержки из-за «слабых рыночных стимулов». Важно постоянно помнить, что именно способность производить подобные системы удерживает страну в ряду ведущих мировых держав.

R. S. Grinberg. Ruminations on the imperatives of economic modernization in Russia. R. Grinberg considers various economic modernization options for Russia and discusses whether available resources match the proclaimed scope, objectives and goals of modernization. Russia needs to increase the share of investment in the GDP to at least 30-35% in order to ensure annual economic growth of up to 5-6% per annum. Another important aspect is the establishment of trust and understanding between the society and the authorities on relevant goals and means. The Russian economy is stagnating due to plummeting investment activity and an increase in the share of investment in the raw materials segment accompanied by a drop in investment into fixed assets. The author emphasizes that out of its three promising areas for development (natural, intellectual and spatial) Russia is somewhat using the first two and virtually ignores the third one. For the economy, there is no alternative to spatial development, but large-scale road construction is impossible without financial support from the state. The government needs to establish priority areas of economic development and adequate means for their implementation.

Keywords: imperatives of economic modernization, available resources, reasons for stagnation, development potential, state support, priority areas of economic development.

Г. Х. Попов¹

В СЕТЯХ АНТИНОМИЙ...

Рассматриваются некоторые глобальные несоответствия (антиномии) современного мира (разрыв между золотым миллиардом и людьми, живущими в странах третьего мира; продолжительность обучения и его оторванность от трудового процесса; экономические проблемы и реклама потребительства и т. д.). Автор формулирует существующие проблемы и предлагает нетривиальные решения (переход от экономики потребления к экономике ресурсосбережения, регулирование рождаемости, от экономики трудовой жизни к экономике всей жизни, от экономики всеобщего эквивалента к экономике прямых затрат, от концепции наций территориальных к нациям культурно-национальной автономии). Даются предложения по изменению налогообложения и решению проблемы социальной справедливости.

Ключевые слова: антиномии, разумное потребление, регулирование рождаемости, экономика прямых затрат, проблемы занятости, рациональная продолжительность обучения, налогообложение, социальная справедливость.

УДК 330.354

Когда мы обсуждаем будущие проблемы экономики, мы сталкиваемся с некоторыми глобальными несоответствиями. Эммануил Кант назвал бы их *антиномиями*.

С одной стороны, каких-либо перспектив преодоления разрыва между 6 миллиардами людей, живущих в странах третьего мира, и одним золотым миллиардом на обозримом историческом пути не видно. Жителям Азии и Африки остается только штурмовать границы Европы и США. Несомненная антиномия.

Миллионы молодых людей учатся чуть ли не до 25 лет. Две трети молодежи не видят смысла в этой учебе и впадают в депрессию. Отсюда – стрельба в американских школах, издевательства над сверстниками в наших школах, бунты европейских студентов, участие нашей молодежи в демонстрациях Навального, толпы исламских радикалов. И так далее. Несомненная антиномия.

Далее. Мы, с одной стороны, все время говорим о потеплении; с другой – ежедневные телепередачи убеждают нас в необходимости приобретать новые вещи, созерцать олимпиады, парусные регаты. Поощряются гигантские сферы затрат. Несомненная антиномия.

И, наконец, внутри страны у нас несомненное несоответствие между устойчивой, неоднократно проявленной, твердо сложившейся готовностью не уходить с исторической арены и остаться одной из великих держав, с одной стороны, и той програм-

¹ Гавриил Харитонович Попов, академик РАЕН, почетный президент ВЭО России, председатель Сената (Совета старейшин) ВЭО России, председатель Координационного совета МСЭ, д-р экон. наук, профессор.

мой стабильности, которую нам предлагают на ближайшие годы – с другой. Программа правительства никоим образом амбиции нации не реализует и не поддерживает. Антиномия.

Сталкиваясь с такими глобальными несоответствиями, чувствуешь необходимость выйти за рамки той системы рассуждений, в которой мы находимся, и попытаться рассуждать как-то иначе.

Приведу некоторые соображения.

Первая проблема. Переход от экономики потребления к экономике ресурсосбережения.

Вся экономика ориентирована на то, чтобы обеспечить потребление. Это вполне понятно – человечество должно выжить. Но что представляет собой потребление? Лев Николаевич Толстой в начале XX в. убедительно показал, что в так называемом спросе решающую роль играют факторы, не очень важные для жизни человека, вызванные иллюзорными потребностями и спросом.

Потом Герберт Маркузе сформулировал теорию о так называемых мнимых потребностях, которые господствуют над человечеством. Даже общество государственно-бюрократического социализма не вышло из этой схемы. Опять нам был предложен строй, где будет каждому по потребностям.

И только во второй половине XX в. в работах теоретиков Римского клуба впервые была выдвинута идея необходимости согласования потребления с имеющимися ресурсами. А сегодня, на мой взгляд, уже можно говорить, что рано или поздно главным для экономики станет забота о ресурсосбережении.

Конечно, можно преодолеть кризис углеводородных ресурсов, добраться до энергии Солнца. Но ясно и совершенно другое – в исторической перспективе само наше светило всего лишь желтый угасающий карлик, конечный, как и все во вселенной.

Поэтому, если главная задача человечества – сохранить возникший на Земле Разум, то логическим следствием должна быть экономика ресурсов. Переход к экономике ресурсов изменяет всю концепцию, все установки человеческой жизни.

Вот показывают по телевизору моды в Лондоне. Королева Великобритании дала старт новому циклу этих мод. А чему реально она дает старт? Новому циклу выбрасывания готовых вещей, если называть все своими именами. И ничего другого за этим нет.

Однажды на заседании ученого совета у нас на экономическом факультете я обратил внимание моего учителя, Льва Яковлевича Берри: «Смотрите, какой красивый костюм на этом профессоре». А Лев Яковлевич говорит: «Гаврила Харитонович, это все не наше. У нас, у русской интеллигенции, было правило: профессор может менять костюм только раз в пять лет. Это дворяне жили по другим моделям. Они гонялись за модой. А что касается нас, то мы жили вот по этим меркам».

Размышляя о будущем, я легко могу предположить, что люди, которые будут осваивать Луну или Марс, о модах на скафандры думать не станут. Они будут думать о чем угодно, но не о моде.

Но одежда и обувь – только одна из областей растраты ресурсов. Варианты мебели, посуды, телефонов, продуктов питания... На каждом шагу все выходит за рамки того, что можно назвать разумными ограничениями.

Вольное экономическое общество в XIX в. развернуло борьбу за внедрение в России сыроварения. Молока у крестьян и помещиков оставалось много, оно пропадало, а везти было некуда. Сыроварение было для них реальной перспективой. Но когда я сегодня прихожу в магазин и вижу количество сортов сыра, я начинаю понимать, что это уже далеко вышло за рамки потребности в сбережении молока.

Путь в будущее в одежде, в домах, в квартирах – это путь разумных норм. Человек вступает в борьбу, говоря словами братьев Стругацких, с Хищными Вещами Века.

И еще одно. Вместе с разумным потреблением исчезнет и одна из главных баз рынка. Что такое рынок? Это предложение массы вещей, из которой на рынке делают выбор. При разумных нормах потребления эта система вообще исчезнет.

Вторая проблема. Переход от принципа «плодитесь и размножайтесь» к регулированию рождаемости.

«Плодитесь и размножайтесь» – таково якобы первое напутствие Бога. Но уже Мальтус связал проблему бедности с проблемой рождаемости. Грандиозный экономический рывок Китая в последние десятилетия связан, несомненно, с провозглашением и соблюдением принципа «одна семья – один ребенок».

Как я уже отмечал, сегодня шесть миллиардов людей живут несопоставимо хуже золотого миллиарда. И никакой рост производительности эту проблему не решит ни сейчас, ни в обозримом будущем. Единственно верный путь решения этой проблемы – регулирование рождаемости.

Отдельные страны, например Россия, могут на протяжении короткого исторического периода заботиться о рождаемости, чтобы восполнить убыль населения в ходе великого эксперимента по насаждению бюрократического социализма. Но в целом ООН должна сделать главной заботой – обеспечение сокращения рождаемости в бедных странах любыми методами, вплоть до использовавшихся в Китае.

А что происходит сейчас? Прилетает самолет ООН в Африку, привозит вакцину, делают прививки 10 тысячам детей и потом бросают их голодать. На мой взгляд, регулирование рождаемости должно стать одной из главных задач.

Третья проблема. Переход от экономики трудовой жизни к экономике всей жизни.

В прошлом жизнь человека делилась на три этапа: подготовительный (детство), трудовой и заключительный. Сегодня очевидны изменения в самом цикле человеческой жизни. Есть объективная необходимость в длительной учебе, но почему эта учеба полностью оторвана от труда? До 25 лет человек выступает в роли «недоросля». Бесплатное образование и государственные стипендии стали своего рода попыткой общества откупиться от молодежи, дать ей взятку за готовность сидеть, ничего не делать и чего-то ждать. Вот эта взятка и определяет нынешнюю ситуацию.

Как известно, только у 20 % детей к 12-13 годам выявляются способности к занятию науками, теорией. Таких детей и надо учить дальше. А основной массе молодежи достаточно 7 лет обучения и на этом общее образование надо заканчивать. Дальше эта молодежь должна совмещать работу с учебой; начинать сразу после седьмого класса, к 18 годам получать несколько профессий и потом выбирать, какая из них подходит. Если с возрастом у них появится желание учиться дальше, то это должно быть дистанционное – заочное, вечернее образование. Миллионы молодых людей, которые начнут работать в 12-13 лет и одновременно будут учиться, составят сектор, который многие теоретики на Западе (и я с ними согласен) называют сектором безбродой занятости.

Не менее антиномной выглядит и так называемая старость. Когда-то главной заботой бабушек и дедушек была куча внуков, которыми они занимались. Теперь старшее поколение вообще не видит внуков. Благодаря успехам медицины здоровые люди могут работать и в 70, и в 75 лет. А мы всеми правдами и неправдами стараемся их выбросить из сферы труда.

Надо все изменить, надо дать возможность работать раз или два раза в неделю, или 2-3 часа в день. Сегодня наличие мощной системы интернета позволяет вообще не приходить на работу. С учетом перечисленных факторов возникает сектор, который на Западе исследователи называют «сектором серебряной занятости». Это тоже важная проблема экономики будущего.

И наконец, домашнее хозяйство и домашний труд. Сотни лет работа женщин дома была краеугольным камнем цикла воспроизводства человеческой жизни. Сегодня в семье, как правило, 1-2 ребенка. Стоит ли ради этих 1-2 детей создавать многолетнее домашнее хозяйство? Современная техника уборки, стирки, приготовления пищи буквально выбрасывает миллионы женщин из сферы домашнего труда в сферу общественного труда. Пустите этих женщин работать. То, что мы видим сейчас (какие-то сексуальные скандалы и пр.), – это только цветочки, а в перспективе – проблема женской занятости, необходимость трудоустройства миллионов женщин.

Один пример. Когда одна из первых советских делегаций была в Японии, нас в одной фирме поразила забота о молодых девушках, которые в 20...22 года после 2-3 лет работы уходят рожать. За ними сохранялись рабочие места и небольшие выплаты, чтобы они, как только дети чуть-чуть подрастут, возвращались в эту фирму и продолжили работать.

Я думаю, что сфера занятости женщин, фиктивно прикрываемая сейчас требованиями и лозунгами равноправия, должна стать предметом постоянного анализа экономистов.

Четвертая проблема. Миграция населения.

Лев Гумилев связывал гигантские переселения народов с изменениями климата. Сейчас одни ученые говорят о грядущем потеплении, другие – об оледенении, но все согласны в одном: миллионы людей должны будут поменять место жительства. Это процесс, к которому надо готовиться десятилетиями, его нельзя решать, собрав заседание Верховного Совета или Правительства. Чтобы справиться с предстоящей гигантской миграцией на нашей планете, надо решить много проблем. Одной из главных я считаю проблему национальности. Фундаментальным должен быть переход от концепции наций территориальных к нациям культурно-национальной автономии. Только на этих позициях можно решить проблему миграции. А иначе может возникнуть ситуация античности, когда миллионы варваров сотни лет нападали на цивилизацию Древнего Рима.

И наконец, пятая проблема. Переход от экономики всеобщего эквивалента к экономике прямых затрат.

Сейчас происходит массовое вторжение криптовалют. Но что такое криптовалюта? Это попытка замены единого эквивалента группой эквивалентов, а для чего нужна группа эквивалентов?

Когда я начинал работать в московском совнархозе (еще при Хрущеве), деньги на заводе делились так. Самыми ценными деньгами были три процента, составлявшие фонд, которым директор мог распоряжаться без всяких разрешений. Этим деньгам цены не было. За них давали станки, оборудование – все что хочешь. Другая группа денег – фонд зарплаты, эти деньги тоже ценились. Третья группа – деньги, обеспеченные планами материально-технического снабжения и тоже чем-то гарантированные. И, наконец, четвертая группа – деньги, ничем не обеспеченные. Деньги были, а обеспечения под них не было. Когда внедрялась хозяйственная реформа Косыгина, фонд развития, который предусматривала эта реформа, составили именно этими деньгами – ничем

не обеспеченными и ничем не гарантированными. А потом разводили руками – почему этот фонд пропал?

Что происходит сегодня? Сегодня происходит кризис самой системы, самой идеи денег. Ей явно не по плечу сложности современной экономики. Совершенно ясно, что деньги на науку и деньги на развитие медицины – это далеко не то же самое, что деньги на развитие промышленности. Длинные деньги, занятые в строительстве, радикально отличаются от денег потребительского спроса населения.

Думаю, что в движении захвата Уолл стрит, которое удалось временно прижать, были существенные рациональные звенья. Именно государственные инструменты позволили Соединенным Штатам создать государственный долг в 20 триллионов долларов, залезть в будущее своих детей, внуков – растрачивать деньги будущих поколений. Это факт. Не будь финансовых инструментов, никто не смог бы этого сделать.

Дальше, очень важный момент. Умственный труд (о нем говорил Сергей Дмитриевич) – это труд информационный. А вся наша экономическая наука основана на труде физическом – на теории трудовой стоимости. Но эта теория неприменима к информационному труду. Отдавая какую-то информацию, я ничего не теряю, я остаюсь с этой информацией, я ее не расходую. Поэтому ценность информации невозможно измерить в деньгах – будь то открытие ученого или картина художника.

Будущее – это ориентация на долгосрочные проекты: на образование, лечение, пенсии, космос, охрану окружающей среды... И единые деньги тут не подходят. Каждый раз нужны какие-то конкретные деньги. И современная техника учета затрат, интернет давно уже позволяют перейти к реализации учета прямых затрат.

Поэтому мне кажется, что финансовый капитал (тут я согласен с Сергеем Дмитриевичем) уйдет со сцены вместе с финансовой экономикой. Как ушли земельная собственность, крепостное право и другие инструменты, которые столетиями считались нормальными основами человеческой жизни.

Будущее экономики – это исчерпание финансового капитала. И когда я слышу, что создают комитет будущего, который возглавят финансисты, я понимаю, что из этого комитета ничего хорошего получиться не может. Потому что ни один финансист не в состоянии думать иначе, чем он привык думать в своей отрасли.

Пять рассмотренных выше позиций – только часть будущей экономики. На самом деле их гораздо больше. Например, проблема налогообложения. В свете сказанного выше нелепо брать налог с размера дохода – его надо брать с затраченных ресурсов. Дальше. Нелепо взимать налог при выдаче зарплаты, его надо брать при ее расходовании. Но еще важнее, чем экономика, социальные проблемы будущего. В этой области необходимы радикальные перемены.

Проблема социальной справедливости. Разве можно ожидать нормальной жизни в мире, где 14 % валового продукта принадлежит трем тысячам миллиардеров? В XX в. революции начинались при гораздо меньшем соотношении богатых и бедных.

Основную часть ежегодного высокого дохода получатель должен перечислять в особые фонды. В Советском Союзе существовал партмаксимум. И этой частью получатель должен был распоряжаться с участием общества, эти деньги тратились на цели, которые устанавливает общество.

Дальше. Необходимо изменить порядок наследования. Почему кто-то должен наследовать кем-то полученные гигантские деньги? Следует установить предел наследования и жесткую предельную величину фонда наследования. Надо ограничить круг

наследников больными, несовершеннолетними детьми, неработающей женой и т. д., а остальное наследство передавать обществу.

Но самой главной проблемой будущего я считаю *проблему элиты России*. Мы все видели зал, который слушал Послание Президента Путина. Можно ли сказать, что люди, сидевшие в этом зале, способны понять проблемы будущего, которые стоят перед обществом?

Если мы не хотим повторить ошибку 1917 г., когда избрали бесперспективную модель будущего, или ошибку 1989 г., когда начали ломать старое, не проведя необходимой дискуссии, то мы должны более серьезно отнестись к будущему.

G. Kh. Popov. Entrapped by antinomies... G. Popov considers several global discrepancies (antinomies) of the modern day and age: gap between the «golden billion» and inhabitants of third-world countries; lengthy education process and its disengagement from the labor process; economic issues and popularization of consumerism, etc. The author identifies current issues and offers unorthodox solutions: population control, transition from consumer economy to resource saving economy, from the economy of work life to the economy of the entire life, from the economy of universal equivalent to the economy of direct costs, from the concept of territorial nation states to cultural and national autonomies. Popov also suggests changes in the tax system and offers solutions to the issue of social injustice.

Keywords: antinomies, sustainable consumption, population control, direct cost economy, employment issues, rational training time, taxation, social injustice.

Г. Б. Клейнер¹

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ²

Предлагается концепция «промышленного будущего» России, основанная на предположении о ведущей роли в индустриальном развитии промышленных экосистем – устойчивых социально-экономических образований, органически сочетающих черты кластеров, холдингов, финансово-промышленных групп, технопарков и бизнес-инкубаторов. Такие социально-экономические системы станут наиболее вероятными претендентами на роль основных структур в промышленности и в организации экономики в целом. С точки зрения экономической методологии социально-экономические экосистемы представляют особый интерес, объединяя концепции экономических, экологических и природно-биологических систем, что позволяет реализовать междисциплинарные подходы и методы анализа. Рассматриваются возможности системного моделирования социально-экономических экосистем и показывается, что четырехэлементный комплекс (тетрада), включающий объектную, средовую, процессную и проектную составляющие, взаимодействующие путем передачи пространственно-временных и энергетических ресурсов, является эффективным инструментом моделирования социально-экономических экосистем. Анализируются особенности организации промышленного производства в России в средне- и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: экосистема, социально-экономические экосистемы, организация промышленности, перспективы промышленного развития, системное моделирование, тетрада.

УДК 330.354

Целевые программные установки и общие тенденции развития отечественной реиндустриализации в среднесрочной перспективе широко обсуждаются в литературе [2, 3, 4, 6, 18]. Вместе с тем вопрос об основных акторах, структуре и формах организации промышленности в долгосрочной перспективе изучается значительно реже [12]. Мы предлагаем концепцию «промышленного будущего» России, основанную на предположении о ведущей роли в индустриальном развитии промышленных экосистем – устойчивых социально-экономических образований, органически сочетающих черты кластеров, холдингов, финансово-промышленных групп, технопарков и бизнес-инкубаторов. Такие системы станут наиболее вероятными претендентами на роль основных структур в промышленности и в организации экономики в целом. Социально-экономические экосистемы объединяют концепции экономических, экологических и природ-

¹ *Георгий Борисович Клейнер*, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, зав. кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, канд. физ.-мат. наук, д-р экон. наук.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-02-00513.

но-биологических систем, что позволяет реализовать междисциплинарные подходы и методы анализа.

1. Социально-экономические экосистемы как объект концептуального анализа

Концепция социально-экономических экосистем возникла примерно так же, как эволюционная экономическая теория. Теория происхождения видов Ч. Дарвина, объяснявшая эволюцию и многообразие видов животного и растительного мира, послужила своеобразным прототипом, точнее, аналогом для разработки Р. Нельсоном и С. Уинтером эволюционной теории фирмы и популяции экономических агентов [17]. Аналогичным образом через полвека после появления работ А. Г. Тэнсли [20] по теории природно-биологических экосистем Дж. Мур выдвинул концепцию предпринимательских экосистем – сообществ, функционирующих и развивающихся по законам, близким к закономерностям развития экологических систем [19]. Сегодня ясно, что данная концепция имеет право на существование не только для бизнес-сообществ, но и для значительно более широкого класса любых социально-экономических систем, включающих организации любых форм собственности, а также физических лиц и их формальные или неформальные группы [5].

Характерными для концепции социально-экономических экосистем являются следующие отличительные особенности:

1. *Геолокализация*. Пространственная локализация – функционирование в пределах ограниченной территории. Границы этой области с той или иной долей неопределенности известны данному и следующим поколениям участников социально-экономической экосистемы. Члены экосистемы ощущают географическую близость других членов, и это влияет на их поведение.

2. *Производственно-воспроизводственный кругооборот*. Функционирование участников социально-экономической экосистемы осуществляется главным образом за счет потребления продуктов, производимых участниками системы. В состав социально-экономической экосистемы включаются юридические и физические лица, которые испытывают существенное влияние участников данной системы и в какой-то степени зависят от них, в противном случае они относятся к внешней среде. Таким образом, функционирование социально-экономической экосистемы обеспечивается в основном за счет кругооборота продуктов жизнедеятельности участников, а также за счет реорганизации (слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования) самих участников.

3. *Адаптивность*. Социально-экономическая экосистема стремится к сохранению системы в целом и ее участников в условиях изменений внешней среды путем продления или сокращения жизненных циклов участников, усиления или ослабления событийного фона и т. п.

4. *Разнокачественность*. В состав социально-экономической экосистемы входят компоненты средового и процессного характера, обеспечивающие связность (интегрированность) системы и взаимодействие с внешней средой. Резкие изменения внутренней и внешней среды, прекращение жизнедеятельности или реорганизация участников образуют событийный фон социально-экономической экосистемы. В итоге внутренняя среда системы отличается разнообразием, изменчивостью и разнокачественностью составляющих. К социально-экономической экосистеме обычно относят и производимые ее участниками продукты жизнедеятельности.

5. *Междисциплинарность*. Изучение особенностей экосистем требует привлечения таких дисциплин, как экономика, социология, психология, антропология, история, культурология, и т. п. Соответственно необходимы междисциплинарные вставки и перемычки, обеспечивающие согласование между моделями экосистем, формируемыми в рамках подобных дисциплин [13]. По сути, здесь должны быть интегрированы междисциплинарные теории фирмы, комплексная теория человека, теория техноценоза [16] и др.

2. Социально-экономические экосистемы как предмет экономического анализа

Возрастание роли социально-экономических экосистем в экономике России в средне- и долгосрочной перспективе обусловлено обстоятельствами, сложившимися к настоящему времени.

Можно отметить процессы размывания экономико-управленческих границ предприятий. На подавляющем большинстве российских предприятий имеет место явление, которое можно назвать эксцентриситетом управления. Лицо, принимающее реальные решения относительно поведения предприятия, может находиться за тысячи километров от него. Собственники периферийных предприятий находятся обычно либо в Москве, либо за рубежом. Зачастую их местонахождение неизвестно. Соответствие между юридическими лицами и реальными товаропроизводителями нарушено. Между предприятием и рынком располагается целый ряд структур: холдинги, формальные и неформальные финансово-промышленные группы, кланы и т. п., которые искажают информационное взаимодействие между предприятием и рынком. Это приводит к снижению эффективности экономики в целом. Намечившаяся тенденция скорее всего сохранится в обозримом периоде. Реальными действующими лицами в экономике станут различные социально-экономические экосистемы. В качестве примера приведем бизнес-структуру «Сумма» братьев З. и М. Магомедовых. Это – многоуровневая, многофункциональная и разветвленная система, в которой отдельные предприятия представляют собой часть сложного целого. Поучительным примером является ситуация, сложившаяся к моменту недавней трагедии в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня» (г. Кемерово). С юридической точки зрения он представлял собой совокупность самостоятельных предприятий, а с экономической – функционировал как единый комплекс, от действий которого зависели благополучие и жизнь многих сотен граждан. Вывод состоит в том, что социально-экономические экосистемы подобного типа должны официально регистрироваться и контролироваться.

С точки зрения экономической иерархии социально-экономические экосистемы относятся, как правило, к объектам мезоэкономического уровня. Это означает, что основной их целью должно быть не получение прибыли, а эффективная реализация общеэкономических функций (производство, распределение, обмен, потребление), необходимых для жизнеобеспечения определенной группы социально-экономических объектов (поселений, отраслей, комплексов).

Рассмотрим промышленные экосистемы как вид социально-экономических экосистем. Промышленность как отрасль народного хозяйства характеризуется значительными масштабами производства (массовое, серийное) однородной продукции. Даже если речь идет об индивидуальном потребителе, промышленное производство, как правило, предполагает разработку технологии, обеспечивающей воспроизводство данного изделия (возможно, с иными параметрами) для другого индивидуального потребителя.

Соответственно, промышленные экосистемы создаются с целью минимизации затрат на функционирование всех элементов промышленного производства: научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, маркетинга, изготовления оснастки, подготовки производства, создания опытных образцов, массового или серийного производства, сервисного обслуживания. Это требует от промышленной экосистемы создания условий для поддержания устойчивого взаимодействия между участниками экосистемы, краткосрочными (турбулентными) и долгосрочными (ламинарными) бизнес-процессами в условиях благоприятной для промышленного производства бизнес-среды и институциональной сферы в целом. Промышленные экосистемы должны стать своеобразными прототипами разнообразных социально-экономических экосистем как ключевых акторов экономики будущего.

3. Социально-экономическая экосистема как объект системного анализа

Современная версия системной социально-экономической теории опирается на три основных постулата [7, 8, 15]:

1. Основной предмет изучения – социально-экономические системы, т. е. доступные для наблюдения в пространстве–времени образования, в состав которых входят (неисключительным образом) агенты, институты, исторические прецеденты, инициативы и тенденции. Такие системы подлежат комплексному исследованию со стороны экономики, социологии, политики и других дисциплин.

2. Социально-экономическая сфера представляет собой поле реализации процессов возникновения, взаимодействия, трансформации и ликвидации систем.

3. Каждая система имеет свои имманентные качественные характеристики, допускающие сопоставление с характеристиками других систем, так что основным методом анализа служит качественное сравнение систем по известному ограниченному кругу характеристик.

Для описания социально-экономических экосистем используются две группы характеристик. Первая характеризует размещение системы в пространственно-временном континууме (иными словами, возможность доступа к определенным ресурсам пространства и времени), вторая – наличие у системы способностей (возможностей, потенциала, перспективы) эффективного использования ресурсов пространства и времени. Первую группу характеристик будем называть экзистенциальными, вторую – энергетическими, имея в виду, что в физике различают два вида механической энергии: потенциальную, связанную с взаимодействием тел, и кинетическую, связанную с движением тел. Энергия социально-экономических систем тоже складывается из двух составляющих: интенсивности, направленной на освоение пространства (аналог потенциальной энергии), и активности, направленной на освоение времени, т. е. развитие (аналог кинетической энергии).

Выделяют четыре группы систем:

1. Системы объектного типа, на жизнедеятельность которых ощутимо влияет наличие пространственных границ, известных участникам деятельности системы, и не оказывают заметного влияния (или вовсе отсутствуют) временные ограничения. Примеры: предприятие, регион, государство.

2. Системы средового типа, где границы доступного пространства и времени не оказывают ощутимого влияния на функционирование системы или вовсе отсутствуют. Примеры: инфраструктура, федеральное законодательство, инвестиционный климат.

3. Системы процессного типа, где присутствуют и оказывают ощутимое влияние временные ограничения, в то время как пространственные ограничения не оказывают ощутимого влияния или отсутствуют. Примеры: бизнес-процессы на предприятии, распространение информации, логистика.

4. Системы проектного типа, испытывающие ощутимое влияние ограничений как на пространство функционирования системы, так и на продолжительность ее жизненного цикла. Примеры: выпуск нового изделия, реорганизация предприятия, строительство здания.

В итоге системы объектного типа (объекты) обладают определенными запасами пространства S и имеют доступ к неограниченным ресурсам времени T , а также демонстрируют способности к эффективному использованию доступного пространства (I); системы средового типа (среды) обладают неограниченным доступом к ресурсам пространства S и времени T , но не наделены достаточными способностями по их эффективному использованию (I и A); системы процессного типа (процессы) обладают неограниченным доступом к пространственным ресурсам S , ограниченными запасами времени T функционирования без перезагрузки и имеют способности для его эффективного использования (A); системы проектного типа (проекты) обладают ограниченными запасами времени T и пространства S и достаточными способностями по их эффективному использованию (A , I).

В свободном социально-экономическом пространстве каждая система в ходе жизнедеятельности стремится восполнить недостаток дефицитных экзистенциальных и энергетических ресурсов, для чего вступает в альянсы с другими системами, обладающими избыточным количеством ресурсов данного типа. Активной силой при формировании таких альянсов являются проектные системы. Они вступают во взаимодействие с объектными и процессными системами, получая от первых доступ к ресурсам времени T , а от вторых – к ресурсам пространства S . В свою очередь, проектные системы позволяют объектным развивать зачатки способностей по эффективному использованию ресурсов времени (A), а процессным системам – зачатки способностей по эффективному использованию ресурсов пространства (I). Средовые системы делятся с объектными ресурсами пространства S , с процессными – ресурсами времени T , получая от первых возможности эффективно управлять ресурсами пространства (I), а от вторых – ресурсами времени (A).

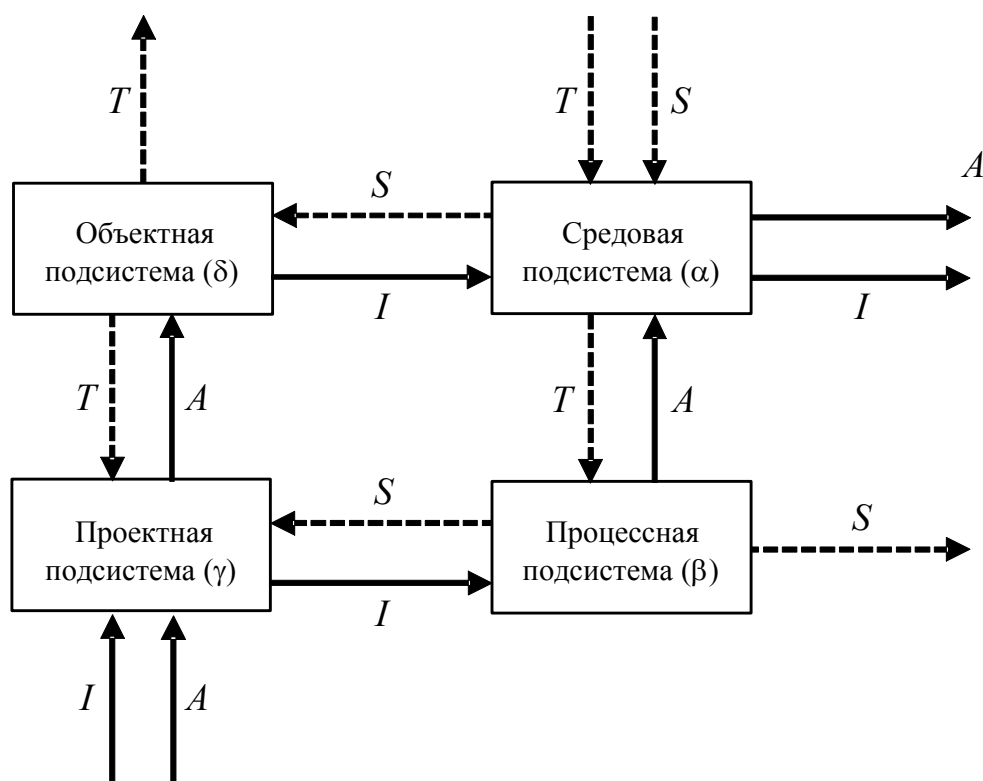
«Поиск» системами партнеров для устойчивого взаимодействия приводит данные системы к включению в *тетрады* – комплексы из четырех стабильно взаимодействующих систем объектного, средового, процессного и проектного типов [8] (см. рисунок).

Из рисунка видно, что средовая и событийная подсистемы осуществляют наполнение тетрады ресурсами, необходимыми для существования (экзистенциальные ресурсы) и функционирования (энергетические ресурсы) тетрады. Обе группы ресурсов поступают в систему из внешней среды, причем пространственно-временные ресурсы являются расходуемыми [10] и восполняются в процессе функционирования, в то время как способности к эффективному использованию пространства и времени не расходуются и не восполняются, сохраняя первоначальный уровень запаса. Тем не менее с помощью средовой подсистемы они, не будучи аддитивными, подобно знаниям, смогут передаваться другим системам.

Функции двух оставшихся подсистем тетрады можно охарактеризовать следующим образом. Объектная подсистема получает от средовой пространственный ресурс S

и передает проектной (событийной) системе имеющийся у нее ресурс времени T . Симметрично процессная подсистема получает от средовой ресурс времени T и направляет в событийную ресурс пространства S . Тем самым объектная подсистема осуществляет преобразование $S \rightarrow T$, процессная – преобразование $T \rightarrow S$.

В итоге баланс распределения ресурсов A, I, S, T между компонентами тетрады (внутренний $AIST$ -баланс) достигается путем предоставления для каждой подсистемы доступа ко всем ресурсам A, I, S, T (табл. 1). Внешний $AIST$ -баланс реализуется:

Структура и функции тетрады

Таблица 1

Функции подсистем тетрады

Подсистема тетрады	Функции подсистемы
Объектная подсистема	Преобразователь $S \rightarrow T$, $A \rightarrow I$. Донор T для внешней среды
Средовая подсистема	Реципиент S, T (получение из внешней среды), донор A, I (направление во внешнюю среду)
Процессная подсистема	Преобразователь $T \rightarrow S$, $I \rightarrow A$. Донор S для внешней среды
Проектная (событийная) подсистема	Реципиент A, I из внешней среды, реципиент S, T из внутренней среды. Преобразователь S, T в A, I

по ресурсам пространства и времени – путем постоянного получения из внешней среды (через средовую подсистему) ресурсов S , T и возврата ресурса T через объектную подсистему и ресурса S через процессную; по ресурсам активности и интенсивности – путем разового получения проектной подсистемой из внешней среды запаса ресурсов A , I , а также предоставления для внешней среды доступа к этим ресурсам через средовую подсистему.

Представление системы в виде тетрады отражает пространственно-временной баланс: а) между компонентами системы; б) между системой и окружающим миром. Баланс здесь понимается как соответствие между ходом, состоянием и выходом каждой рассматриваемой системы в пространственно-временном измерении. Тетраду можно рассматривать как фундаментальную модель функционирования социально-экономической экосистемы.

В реальности каждая социально-экономическая система в разных пропорциях обладает чертами всех базовых типов. Можно говорить о четырех ипостасях одной системы. В [11] показано, что каждая социально-экономическая система может рассматриваться как комплекс из четырех макроподсистем – объектной, средовой, процессной и проектной. Иными словами, каждая реальная система представляет собой тетраду.

Ключевые каналы взаимодействия между компонентами тетрады связывают их в кольцевую структуру «объектная подсистема – средовая подсистема – процессная подсистема – проектная подсистема», отражающую в общем случае производственно-воспроизводственный цикл метаболизма социально-экономической экосистемы (табл. 2).

Перечислим особенности социально-экономической экосистемы по сравнению с иными видами экономических систем с точки зрения системного анализа:

1. Устойчивая локализация (размещение) социально-экономической экосистемы в фиксированной области географического пространства и астрономического вре-

Таблица 2

Тетрада как модель социально-экономической экосистемы

Составляющие и характеристики экосистемы	Элементы тетрады
Организационная составляющая	Объектная подсистема δ
Средовая составляющая	Средовая подсистема α
Процессная составляющая	Процессная подсистема β
Инновационная составляющая	Проектная подсистема γ
Виды потоков экзистенциальных ресурсов, циркулирующих в экосистеме	Обмен ресурсами пространства S и времени T между подсистемами тетрады, а также с внешней средой
Виды потоков энергетических ресурсов, циркулирующих в экосистеме	Обмен способностями активной A и интенсивной I деятельности тетрады по использованию пространства и времени
Ареал экосистемы	Объем пространства, доступного для функционирования тетрады
Жизненный цикл экосистемы	Период функционирования тетрады

мени. Связность контролируемого экосистемой пространства (ареал) и занимаемого экосистемой временного периода (жизненный цикл).

2. Высокая значимость обмена пространственно-временными ресурсами между подсистемами и активный обмен этими ресурсами между экосистемой и окружающей средой.

3. Высокая степень интегрированности экосистемы и наличие прочных связей между объектной, средовой, процессной и проектной подсистемами.

4. Повышенная значимость объектной и средовой подсистем, обеспечивающих максимально возможную продолжительность жизненного цикла экосистемы в условиях пространственной (территориальной) ограниченности.

5. Размытость границ ареала экосистемы, наличие переходной полосы между экосистемой и внешней средой.

6. Внутренняя уравновешенность экосистемы, преобладание длительных ламинарных процессов над краткосрочными турбулентными процессами.

4. Социально-экономическая экосистема как объект междисциплинарного анализа

Перенос понятия экосистемы в экономический контекст, по нашему мнению, позволяет: 1) интегрировать и конкретизировать применительно к экономике два взаимодополняющих подхода к общему понятию системы (система как совокупность взаимосвязанных элементов – «взгляд изнутри» [1], и система как относительно устойчивое в пространстве и во времени образование – «взгляд извне» [9, 14]; 2) акцентировать внимание на аналогиях между миром экономики («экосом») и биологии («биосом»); 3) ориентирует аналитика на рассмотрение экономической системы в пространственно-временном контексте. В итоге появляется возможность исследовать социальные явления одновременно с позиций четырех научных платформ: экономической («экос»), биологической («биос»), географической («геос») и временной («хронос»).

Выводы

1. Фундаментальная связь между составляющими экосистемы основана не на обмене материальными и информационными потоками, а на передаче прав доступа к экзистенциальным ресурсам пространства и времени, а также прав доступа к использованию энергетических ресурсов – активности и интенсивности.

2. Функцию абсорбента экзистенциальных ресурсов играет среда как составляющая экосистемы; функцию аккумулятора энергетических ресурсов – инновационная составляющая экосистемы; функцию преобразования экзистенциальных и энергетических ресурсов – организационная и процессная составляющие экосистемы.

3. Системная тетрада как модель экосистемы позволяет исследовать поведение и структуру экосистем, определять наиболее эффективные пути распределения и потребления основных видов ресурсов экосистемы.

4. Центр тяжести управления на всех уровнях должен быть перенесен на управление экосистемами как самостоятельными социально-экономическими образованиями, относительно устойчивыми в пространстве и во времени, а также являющимися аккумуляторами способностей по эффективному ведению хозяйственной деятельности. В рамках управления самими экосистемами и их взаимоотношениями с внешним миром важнейшей частью обеспечения жизнеспособности экосистем является обеспечение *AIST*-баланса. Здесь соединяются и взаимно дополняют друг друга управление

пространством (стратегия пространственного развития и размещения), управление временем (time-management) и управление талантами (talent-management).

5. Каждая экосистема представляет собой высокоинтегрированную систему, включающую разнокачественные элементы и подсистемы. Управление таким конгломератом должно осуществляться на принципах «мягкого менеджмента», где административно-приказные воздействия уступают место влиянию «полевых (безадресных)» сил, создающих атмосферу взаимного целенаправленного сотрудничества. Среди четырех видов организационной культуры («культура инноваций», «культура регламентации», «культура власти», «культура благоприятной среды») наиболее органичным для управления экосистемами является последний.

Список литературы

1. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Л. фон Берталанфи // Системные исследования: Ежегодник. – М.: Наука, 1969. – С. 30–54.
2. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: НИО.2. / С. Д. Бодрунов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. – 327 с.
3. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
4. Глазьев, С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.
5. Дорошенко, С. В. Предпринимательская экосистема в современных экономических исследованиях / С. В. Дорошенко, А. Г. Шеломенцев // Журнал экономической теории. – 2017. – № 4. – С. 212–221.
6. Ивантер, В. В. Новая экономическая политика / В. В. Ивантер // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 2 (33). – С. 7–12.
7. Клейнер, Г. Системная парадигма и теория предприятия / Г. Клейнер // Вопросы экономики. – 2002. – № 10. – С. 47–69.
8. Клейнер, Г. Б. Системная парадигма и системный менеджмент / Г. Б. Клейнер // Российский журнал менеджмента. – 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 27–50.
9. Клейнер, Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения / Г. Б. Клейнер // Журнал экономической теории. – 2010. – № 3. – С. 41–58.
10. Клейнер, Г. Б. Ресурсная теория системной организации экономики / Г. Б. Клейнер // Российский журнал менеджмента. – 2011. – № 3. – С. 3–28.
11. Клейнер, Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории / Г. Клейнер // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. – С. 4–28.
12. Клейнер, Г. От «экономики физических лиц» к системной экономике / Г. Клейнер // Вопросы экономики. – 2017. – № 8. – С. 56–74.
13. Клейнер, Г. Б. Междисциплинарная теория фирмы и проблемы развития образовательных организаций / Г. Б. Клейнер // Гуманитарий Юга России. – 2017. – № 6. – С. 33–48.
14. Клейнер, Г. Б. Системная сбалансированность экономики / Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук. – М.: ИД «Научная библиотека», 2017. – 320 с.
15. Корнаи, Я. Системная парадигма / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 4–23.
16. Кудрин, Б. И. Ценология и ценоз / Б. И. Кудрин // Через тернии к общей и прикладной ценологии. Основы ценологии, технетики, электрики: антология публикаций и интервью за 2016–1980 гг. – Вып. 57/30. «Ценологические исследования». – М.: Технетика, 2016. – С. 17–22.

17. Нельсон, Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер. – М.: Финстатинформ, 2000. – 474 с.
18. Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз / под ред. С. Д. Валентя. – М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015.
19. Moore, J. F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition / J. F. Moore // Harvard Business Review. – 1993. – May/June. – P. 75–86.
20. Tansley, A. G. The use and abuse of vegetational terms and concepts / A. G. Tansley // Ecology. – 1935. – Vol. 16 (3). – P. 284–30.

G. B. Kleiner. Industrial ecosystems: foresight. The author introduces the concept of Russia's industrial future based on the idea of the leading role of industrial ecosystems in industrial development. Industrial ecosystems are defined as sustainable socioeconomic formations which organically combine characteristics of clusters, holdings, financial and industrial groups, technoparks and business incubators. Such socioeconomic systems will become the most likely contenders for the role of the main structures in industry in particular and the economy in general. From the perspective of economic methodology, socioeconomic ecosystems are especially interesting because they incorporate concepts of economic, ecological and natural/biological systems and, therefore, allow for the application of interdisciplinary approaches and analytical methods. G. Kleiner also considers opportunities offered by system modeling for socioeconomic ecosystems and shows that the four-element complex (tetrad), i.e. objective, environmental, process and project components which interact through the transfer of time-space and energy resources, is an efficient instrument for socioeconomic ecosystem modeling. The article also analyzes peculiarities of industrial production organization in Russia in the medium and long-term perspective.

Keywords: ecosystem, socioeconomic ecosystems, industrial structure, industrial development prospects, system modeling, tetrad.

Я. М. Миркин¹

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: РОСТ ПОД САНКЦИЯМИ (СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО)

Показана точка отсчета, в которой находится российская экономика. Предложены четыре сценария на 2018–2025 гг.; оценены вероятности их реализации; дана их краткая характеристика. Особое внимание уделено сценарию экономической либерализации, «внезапного поворота», связанного с переходом российской экономики к сверхбыстрому росту. Дано описание основных идей и приведены целевые индикаторы в рамках этого сценария.

Ключевые слова: налоговый стимул, политика развития, регулятивное бремя, финансовое развитие, экономическая либерализация, экономическое чудо.

УДК 330.354

Первое, в России в 2017 г. продолжительность жизни составляла 72,7 лет – это 96-е место в мире. Малайзия обогнала нас по продолжительности жизни и объему ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. *Второе*, Россия – страна функциональной зависимости от сырья и двух основных клиентов: Евросоюза – 43 % от внешнего товарооборота и Китая – 15 %. Один из этих клиентов (Евросоюз) хотел бы как можно большей независимости от России. Такое видение энергетического будущего включено во все официальные политики Евросоюза. *Третье* – очень высокие технологические риски. И не только из-за санкций, но и потому, что мы во многом утратили экономику сложных вещей. В России за месяц производится 320...350 металлорежущих станков, что в два больше, чем три года назад, но это по-прежнему несколько процентов от потребности в их замещении. Как свидетельствует статистика (без учета теневой экономики), утрачена и экономика простых вещей: у нас производится один пиджак на 75 человек, одна кофемолка на 1500 семей. То же самое по ключевым товарам народного потребления, кроме продовольствия, холодильников, стиральных машин, автомобилей. Мы так и не создали экономику инноваций. В 2016 г. объем вычислительной техники на душу населения составлял 4,6 доллара, чтократно ниже, чем, например, в Малайзии.

Хозяйственный и финансовый механизмы настроены на торможение. Представьте себе экономику как автомобиль, в котором нажаты тормоза, не включен двигатель, и он к тому же завяз в грязи. Масса людей пытаются его растолкать, вытащить, но тянут в разные стороны. При этом еще и бензина нет.

Но есть и хорошие новости. Первое – после 2014 г. сохранены объемы добычи и экспорта сырья. Второе – созданы маленькие островки экономического чуда, где госу-

¹ Яков Моисеевич Миркин, член Правления ВЭО России, зав. отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, д-р экон. наук, профессор.

дарство искусственно нормализовало рыночные условия. В зерновом хозяйстве, по заявлению председателя правительства, ссудный процент – 4...5 %. Там доступней кредиты, проще получить бюджетное софинансирование, сильнее налоговые стимулы, ниже административные издержки. А что в ответ? Быстрый рост. В каких еще отраслях? Фармацевтика, производство продовольствия для импортозамещения, военно-промышленный комплекс, некоторые отрасли машиностроения. Так же и в отдельных регионах с особыми режимами хозяйствования. Там, где мы создаем нормальные условия, предпринимательство отвечает быстрым ростом.

Рассмотрим сценарии на будущее, основываясь на точке отсчета.

Первый – шоковый сценарий с вероятностью 10...15 %. Сегодня доля государства в экономике и банковском секторе достигла 70 %. Понятно, что, если этот тренд будет продолжаться и доля государства достигнет 80...85 %, то это уже будет иная экономика, очень приближенная к административной.

Второй сценарий, его шансы, по оценке, равны 45...50 %. Это то, что мы имеем сегодня: замороженная, стагнационная, полузакрытая сырьевая экономика с устаревающими технологиями и отдельными островками сверхбыстрого, искусственно созданного роста.

Третий сценарий – «управляемый холод», его шансы – 30...35 %. Аналог – Испания периода Франко конца 1950-х – начала 1960-х гг., когда все в государстве было подчинено развитию, создано правительство молодых технократов, возникли островки экономической либерализации (экспорт рабочей силы), много средств было вложено в инфраструктуру, развивался туризм, курорты и т. д.

Четвертый сценарий (вероятность – 5...10 %) «внезапного поворота», «экономики роста» – альтернативная финансовая и экономическая политика, противостоящая политике торможения. Цели очень просты: прежде всего увеличение продолжительности и улучшение качества жизни (на всей территории России). Для этого требуются быстрый рост, модернизация, строительство открытой социальной рыночной экономики.

Все технические инструменты известны, в том числе популярные реформы, стимулирующие рост деловой и потребительской активности и не связанные с понятием «болезненные». Существует обширная международная практика реализации «экономического чуда». Она относится не только к азиатским «тиграм», но и к европейским экономикам (Германия, Италия, Испания, Португалия, Франция), к Израилю – феномену роста и качества жизни в условиях высоких геополитических рисков.

Это государство развития, министерство финансов развития, центральный банк развития – экономика развития. Экономика прежде всего стимулов, а не наказаний и надзора, как сегодня. Пошаговая экономическая либерализация, в которой каждый инструмент (кредит, налоги, процент, валютный курс, бюджет, цены и тарифы, регулируемые государством, таможенная политика, инвестиции, административная нагрузка) подчинен очень простой задаче: рост, модернизация, продолжительность жизни. Это бизнес-среда, создающая меньшие риски, множество стимулов, подталкивающая к высокой динамике экономики, когда инструменты применяются все вместе, системно. Иначе (в случае разового, отдельного применения) могут последовать разбалансирование, шок, вывод капитала, вспышка инфляции.

Это системное лечение. Такой подход потребует очень серьезного операционного вмешательства государства, потому что амбулаторное лечение уже не спасет экономический организм.

Фактов успешной модернизации и сверхбыстрого роста в рамках рыночных экономик много. После Второй мировой войны не менее 15 экономик прошли периоды догоняющей модернизации и стали (или почти стали) развитыми. Чтобы такие «чудеса» произошли, требуется выполнение ряда условий.

Первое – руководитель проекта. Кто же станет автором российского «чуда» – вопрос по-прежнему открыт.

Второе – наличие администрации развития с особыми полномочиями. Мы живем в «экономике по поручениям» – деятельность министерств и ведомств во многом ограничена операционной, исполнительской (выполнение поручений высших эшелонов власти). Они не успевают работать на дальних горизонтах.

Третье – макроэкономическое программирование, ясное обозначение целей, в системе которых рост и модернизация должны быть подчинены повышению продолжительности и улучшению качества жизни. На практике – полное переустройство политики, сложившейся в последнюю четверть XX в.

Четвертое – поэтапная нормализация рыночной среды. В частности, осторожное снижение ссудного процента (но не за счет процентных субсидий из нашего кармана), в том числе с использованием временного вне рыночного вмешательства (потолки по процентам, ограничение процентной маржи).

Прежде всего речь идет о регионах. Сегодня на Москву приходится больше денежной массы и кредитов, чем на регионы, в которых постепенно складывается денежная пустыня, к тому же все меньше банков с местными корнями. Еще в начале 2010-х гг. ситуация была иной. Можно предложить механизмы рефинансирования Центральным банком портфелей кредитов среднему и малому бизнесу в регионах – это так называемая целевая кредитная эмиссия. Существуют специальные механизмы рефинансирования Центрального банка, низкопроцентные кредиты через отраслевые фонды и другие финансовые институты развития, лимиты на проектное финансирование и т. п. Напомним, что доля среднего и малого бизнеса в экономике у нас очень низка – 20...25 %.

При этом возможно подавление немонетарной инфляции, прежде всего за счет цен и тарифов, регулируемых государством. В 2017–2018 гг. эта идея уже сработала. Очень важен умеренно ослабленный курс рубля – как инструмент, стимулирующий рост. У Центрального банка есть масса вполне рыночных инструментов, позволяющих в рамках мягких ограничений «устроить» такой курс в рублевом пространстве. В международной практике во всех случаях «экономического чуда», при всех ситуационных особенностях использовался именно этот подход (а Китай даже неоднократно обвинялся в валютном манипулировании).

Вместо постоянного увеличения налогового и квазиналогового бремени (в последнее время мы слишком часто слышим о возможном росте налогов, сборов, платежей) следует применять сильные и простые налоговые стимулы за рост и модернизацию. При налоговой нагрузке в России на уровне развитых европейских стран (37...39 % ВВП) быстрый рост невозможен, доля налогов и квазиналогов в ВВП должна быть хотя бы на уровне 30...33 %. Необходим максимум налоговых стимулов для прямых иностранных инвестиций, прежде всего в несырьевую сферу (сегодня число компаний и банков с участием нерезидентов сокращается).

Следует расширить практику ускоренной амортизации. Надо использовать протекционистскую таможенную политику, которая содействует локализации производства, делает ее более выгодной в сравнении с импортом. Необходимо резко и жестко сократить регулятивные издержки (объемы Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях выросли почти в три раза с момента их принятия).

Максимум льгот для среднего класса, среднего и малого бизнеса позволит нарастить внутренний спрос. Максимум возможного – в регионы. Примерно 10 регионов у нас – это зоны национального бедствия, где продолжительность жизни и доходы населения на уровне беднейших стран.

Как следствие, неизбежен рост нормы накопления, превращение России из страны, на протяжении четверти века импортирующей капитал, в страну, его привлекающую даже в условиях санкций. Перед темпами роста выше 4...5 % инвестору устоять невозможно.

Когда экономика придет в движение, упростится решение структурных вопросов – приватизации, разгосударствления, демонополизации, защиты прав собственности, независимости суда.

Одним из позитивных следствий станет перезагрузка отношений с развитыми странами. Можно быть уверенным, что, когда темпы роста экономики составят 4...6 %, локальные конфликты будут заморожены. Это хорошо видно на примере Китая.

Каковы целевые ориентиры? Выход на устойчивую, долгосрочную траекторию роста в 5...8 %; норма накопления – 30...34 % ВВП; рост – все менее сырьевой; новая индустриализация; «замораживание» внешних конфликтов; активный трансфер технологий и мозгов в Россию.

Налоговая нагрузка – 28...32 % ВВП, конечное потребление государства – 14...15 % ВВП. Осторожный рост монетизации (М2/ВВП) с 40...45 % до 80...100 %. Насыщенность кредитами – до 70...80 %. Инфляция (не только розничная, но и в оптовых ценах), проценты снижаются до 2...4 %. Валютный курс – стабилизация: сначала в районе 68...70 р./долл., затем все медленней, в меру ослабления инфляции; годами ползет к 75...90 р./долл. и т. д. Рубль «умеренно ослаблен» к доллару и евро. Капитализация рынка акций – до 100...120 % ВВП. Огосударствление экономики падает с 50...60 % до 20...30 %. Взрывной рост прямых иностранных инвестиций. Сокращение доли инвестиций через офшоры с 70...80 % до 20...30 %. Уверенный рост доли среднего и малого бизнеса в ВВП, производительности труда, реальных доходов населения.

И последнее. Доля российской экономики в глобальном ВВП очень незначительна – всего 1,8 %. Доля финансовой системы в глобальных финансовых активах никогда не превышала 0,5...0,6 % ВВП. Сверхбыстрый экономический рост – это всегда «финансовый форсаж», пусть и очень осторожный. Только так создается внутренний инвестиционный потенциал.

В 2001 г. денежная масса Китая в долларовом выражении составляла 25 % от уровня США, а в 2016 г. – уже 133 % (МВФ). Как финансовый гигант Китай догоняет США еще быстрее, чем в реальной экономике (при инфляции в среднем в 1,5...2,5 % и ссудном проценте, значительно более низком, чем в России). В 2000 г. в Китае внутренний кредит государству, бизнесу и населению равнялся 8 % от уровня США, в 2016 г. – около 60 %. В деньгах – это 27,3 трлн долларов (255 % ВВП), и рост продолжается.

Это пример того, как макроэкономические инженеры смогли найти финансовые инструменты для взрывного роста при сохранении устойчивости всей системы. Именно такие решения должны быть в центре нашего внимания.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР, 2015. – 551 с.

2. Гринберг, Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора / Р. С. Гринберг. – М.: Магистр; Инфра-М, 2012. – 416 с.

3. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / Я. М. Миркин [и др.]. – М., 2015. – 494 с.

4. Caldentey, E. P. The Concept and Evolution of the Developmental State / E. P. Caldentey // International Journal of Political Economy. – Vol. 37, № 3. – Fall 2008. – P. 27–53.

Y. M. Mirkin. The Russian economy: growth under sanctions (future scenarios). The article shows the starting point in which the Russian economy is located. Four scenarios of the future are proposed in 2018–2025, the probabilities of their realization are estimated, and their brief characteristic is given. Particular attention is paid to the scenario of economic liberalization, the «sudden turn» associated with the transition of the Russian economy to ultra-fast growth. A description of the main ideas is given and target indicators are given in the framework of this scenario.

Keywords: developmental policy, tax incentive, regulatory burden, financial development, economic liberalization, economic miracle.

Е. Б. Ленчук¹

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Обосновывается возрастающее значение технологического фактора в обеспечении конкурентоспособности отечественной экономики и ее устойчивого развития, анализируются ключевые технологии новой волны технологического развития и их влияние на трансформацию производственного процесса. Особый акцент сделан на рассмотрении проблем новой индустриализации и использования передовых производственных технологий в промышленном секторе, показано отставание России от развитых стран в их разработке и использовании. Предложена комплексная система первоочередных мер для ускорения процессов новой индустриализации в России.

Ключевые слова: новая индустриализация, передовые производственные технологии, четвертая промышленная революция, промышленная политика.

УДК 330.354

В условиях динамично развивающегося научно-технического прогресса роль технологического фактора в обеспечении конкурентоспособности отечественной экономики и ее устойчивого развития становится определяющей. В последнем Послании Президента России Федеральному Собранию отмечалось [1]: «Насколько эффективно мы сможем использовать колоссальные возможности технологической революции, как ответим на ее вызов, зависит только от нас. И в этом смысле ближайшие годы станут решающими для будущего страны. <...> Технологическое отставание, зависимость означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате – потерю суверенитета».

По сути, технологический фактор становится ключевым в решении основных задач экономического развития, предусмотренных программой Путина на 2018–2024 гг. Речь идет о повышении темпов роста выше мировых, производительности труда – не менее чем на 5 % в год и удвоении несырьевого экспорта.

Действительно, вектор конкурентной борьбы между странами мира смещается в сторону обладания современными технологиями. Причем речь идет не просто о появлении новых технологий, а об их интеграции, дающей колоссальный эффект в экономике. Особая роль отводится ключевым технологиям следующего технологического уклада: искусственный интеллект, робототехника, интернет вещей, аддитивное производство, новые материалы, нейротехнологии, биоинжиниринг, беспилотный транспорт, большие данные, блокчейн и т. п. Именно они определяют содержание четвертой промышленной революции, которая будет определять устойчивое развитие национальных экономик. Их использование кардинально изменяет порядок функционирования эко-

¹ Елена Борисовна Ленчук, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук.

номических систем, совершая революцию в управлении, финансовой системе, промышленном производстве, формируя новые бизнес-модели.

С точки зрения влияния на экономическую динамику наибольшее значение имеет развитие передовых производственных технологий, поскольку именно в реальном секторе формируются предпосылки экономического роста. Они изменяют индустриальный ландшафт, создают новые рынки, новый конкурентный продукт. В частности, при их активном использовании происходят:

- резкое повышение производительности труда в обрабатывающих отраслях;
- создание новых рынков и исчезновение некоторых традиционных видов деятельности;
- формирование глобальных очагов быстрого промышленного роста;
- радикальная перестройка системы мирового разделения труда за счет сокращения устаревших элементов технологической цепочки предыдущих укладов преимущественно в развивающихся странах;
- сокращение потребности в неквалифицированных видах труда и обострение глобальной проблемы безработицы;
- усиление технологического превосходства промышленно развитых стран над остальным миром.

Под воздействием новых передовых производственных технологий изменяется представление о традиционном производстве (табл. 1).

Во-первых, происходят изменения на стадии разработки продукта. За счет перехода к цифровому проектированию повышается эффективность НИОКР, возникает возможность анализа большого массива данных, быстрого прототипирования продукта.

Во-вторых, изменяется ресурсная база производственного процесса. При традиционном производстве использовались преимущественно природные ресурсы, основу цифрового процесса производства составляют конструкционные материалы с новыми внутренними и поверхностными свойствами, которые нельзя получить естествен-

Таблица 1

Основные различия традиционного производства и производства в XXI в.

Основные стадии производственного процесса	Традиционное производство	Производство XXI в.
Создание продукта	Традиционная разработка продукта	Цифровое проектирование
Сырье и материалы	Природные ресурсы, химическая обработка, синтетические материалы	Конструкционные материалы (материалы с заданными свойствами)
Процесс производства	Производство деталей, сборка (массовое производство)	Единый непрерывный процесс производства и сборки (кастомизированное производство)
Выход на рынок и сбыт продукции	Склад-магазин	Электронная торговля, прямые поставки
Снятие с производства	Утилизация продукта	Переработка, повторное использование продукта

ным способом. Это может влиять на производственный процесс, отменяя целый ряд операций (применение специальных покрытий, дополнительная обработка и т. п.).

В-третьих, если в традиционном производстве множество отдельных этапов (выпуск деталей и сборка) были разделены во времени и пространстве, то современное цифровое производство, по сути, размывает границы между изготовлением деталей и сборкой, производство становится непрерывным с использованием ультраэффективных процессов автоматизации. В то же время это требует более сложного оборудования и глубоких знаний.

В-четвертых, новый продукт превращается в интегральный, объединяя физический продукт и соответствующее программное обеспечение к нему.

Таким образом, современное производство XXI в. – это интегрированное решение по созданию новых продуктов, когда из специально разработанных материалов на базе ультраэффективного современного оборудования создается физический продукт в сочетании с программным обеспечением и разными дополнительными сервисами.

Происходит изменение самих рынков, на которых реализуется новая продукция. Они приобретают сервисный характер, добавленная стоимость смещается в сторону услуг, связанных с обслуживанием и эксплуатацией продукта. За счет использования программных продуктов, развития технологий облачных вычислений, аналитики больших данных, усиления потребительских свойств продукта информационными потоками происходит переход к бизнес-модели «продукт как сервис», основанной на концепции управления жизненным циклом изделий [2].

Эти технологии формируют новые рынки, масштабы которых, по оценкам экспертов, будут стремительно расти. Возможный эффект от применения некоторых из этих технологий в 2025 г. оценивается в 5...10 трлн долларов.

Именно поэтому на Западе в условиях растущей конкуренции и поиска новых драйверов экономического роста основная ставка делается на использование передовых производственных технологий. Это находит отражение в промышленной политике, проводимой государством. Есть немецкая программа Индустрия 4.0, американская Программа развития передовых производственных технологий. На государственном уровне принято решение об освоении ключевых технологий новой промышленной революции во Франции, Великобритании, Японии, Китае. Поддержка передовых производственных технологий, цифровизации и платформенных решений должна обеспечить увеличение темпов роста ВВП развитых стран до 2035 г. в 1,5–2 раза (до 2,3...2,6 %).

Сегодня в России много говорят о цифровой экономике, с которой связывают возможность получения дополнительной прибыли. Уже принята программа ЦЭ, на которую российское правительство готово выделять огромные деньги. Однако эта программа создает риски ухода от главного вопроса – цифровизации промышленности и использования новых производственных технологий – именно в той сфере, где создаются предпосылки для экономического роста.

Задача технологической модернизации и освоения новых передовых производственных технологий является актуальнейшей. Без ее решения не представляется возможным перейти на инновационную модель развития. Отсталая технологическая база сегодня не позволяет увеличить производительность труда и делает проблемным выход на экономический рост даже 2 % ВВП.

Анализ российской статистики свидетельствует, что в 2016 г. в стране использовалось 232388 передовых производственных технологий, из них более 50 % – это тех-

нологии, которые применяются более 6 лет, 30 % технологий приобретаются за рубежом (в большинстве случаев это технологии, не являющиеся принципиально новыми).

Динамика создания собственных передовых производственных технологий (табл. 2) является положительной, но явно не достаточной для технологического рывка. При этом уровень создаваемых технологий также не высок – чуть более 10 % соответствуют мировым стандартам. Таким образом, Россия сегодня явно уступает западным странам в разработке и освоении новых производственных технологий. Это ведет к нарастанию зависимости от импорта технологий, что в условиях сложной геополитической обстановки влияет на снижение конкурентоспособности российской экономики, деградацию собственных компетенций и сокращает возможность занять достойные позиции на новых формирующихся рынках. К сожалению, комплексных решений по осуществлению технологической модернизации на базе передовых производственных технологий пока нет. И хотя в 2016 г. была принята Стратегия научно-технологического развития РФ до 2030 г., в ней нет ни слова о технологиях. Слабо ориентирована на решение этой задачи и национальная технологическая инициатива (НТИ).

Слабая готовность России к освоению технологий формирующегося нового технологического уклада подтверждается оценками ВЭФ. В докладе «Readiness for the Future of Production Assessment 2018 edition» эксперты ВЭФ оценили готовность 100 стран к освоению производств четвертой промышленной революции. Оценка проводилась по двум параметрам: структура производства и основные драйверы его развития. Были выделены четыре группы стран: страны-лидеры; страны с предыдущим технологическим укладом, но с недостаточным потенциалом развития; страны с высоким потенциалом развития, но со слабой базой; страны, не имеющие ни базы, ни потенциала. Первая десятка стран-лидеров выглядит по этим показателям следующим образом (табл. 3). Россия не вошла в группу лидеров, а была отнесена к странам второй группы.

Таблица 2

Разработка передовых производственных технологий в России*

Технологии	2012	2013	2014	2015	2016
Передовые производственные технологии:	1323	1429	1409	1398	1534
проектирование и инжиниринг	305	426	445	359	402
производство, обработка сборка	548	517	506	548	509
автоматизированные погрузочно-разгрузочные операции, транспортировка материалов и деталей	23	22	22	12	34
аппаратура автоматизированного наблюдения	121	137	110	117	160
связь и управление	204	206	202	232	285
производственные информационные системы	60	68	65	84	83
интегрированное управление	62	53	59	46	61
Принципиально новые технологии	135	153	164	175	192

* Источник: Росстат РФ.

Таблица 3

**Ранжирование стран по степени готовности к развитию
будущих производств**

Структура производства	Драйверы развития
1. Япония	1. США
2. Южная Корея	2. Сингапур
3. Германия	3. Швейцария
4. Швейцария	4. Великобритания
5. Китай	5. Нидерланды
6. Чехия	6. Германия
7. США	7. Канада
8. Швеция	8. Швеция
9. Австрия	9. Дания
10. Ирландия	10. Финляндия
.....
35. Россия	43. Россия

К сильным позициям России, которые могут выступить в качестве драйверов развития современных производств, относятся человеческий капитал и масштабы рынка (25-е и 20-е места соответственно). Наибольшей преградой для развития передовых производств выступает слабая институциональная среда (87-е место) [3].

Что же следует предпринять России, чтобы не остаться на технологической периферии и активизировать драйверы развития производства? Прежде всего, новая индустриализация должна стать одной из приоритетных задач Стратегии социально-экономического развития РФ на долгосрочный период, разработка которой затянулась, и мы по-прежнему не знаем, какую экономику мы строим.

Нужна грамотная промышленная политика, определяющая структурные приоритеты, драйверы развития новых производств и точек роста. При этом в условиях динамичной научно-технологической революции научно-технологическая и инновационная политика выступают неотъемлемыми частями промышленной политики.

Выстраивание нового индустриального ландшафта возможно лишь в рамках ФЗ №172 «О стратегическом планировании в РФ», реализация которого предполагает комплексную последовательную увязку прогнозов, стратегий, планов, программ, конкретных проектов в рамках системы документов стратегического планирования.

Должна быть активизирована работа по формированию институциональных условий для достижения поставленных целей и задач в рамках принятых программ и проектов. Частично эту задачу решает Закон о промышленной политике, принятый в 2014 г., но совершенствование институтов и разработка новых организационно-экономических институтов должны быть продолжены.

Чрезвычайно важны задачи сохранения и развития собственной фундаментальной и прикладной науки, а также формирования национальной инновационной системы, которая остается фрагментарной.

Широкомасштабная технологическая модернизация и освоение новых производственных технологий требуют серьезных инвестиций. Чтобы наладить переток ин-

вестиционных ресурсов в реальный сектор экономики, требуются изменение денежно-кредитной политики, активизация деятельности финансовых институтов развития, использование механизмов государственно-частного партнерства.

И конечно, требуется соответствующий человеческий потенциал, креативные кадры, способные создавать и внедрять в производство новые передовые технологии, мотивированные на развитие и инновационную деятельность. Нужны также новые подходы в образовании.

Список литературы

1. Послание Президента Федеральному Собранию Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
2. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад / под рук. В. Н. Княгинина. – М.; ЦСР, 2017. Режим доступа: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>
3. Readiness for the Future of Production Assessment 2018 edition // World Economic Forum. Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/readiness-for-the-future-of-production-report-2018>.

E. B. Lenchuk. Technological aspect of new industrialization in Russia. The paper considers the growing importance of the technological factor in ensuring the competitiveness of the domestic economy and its sustainable development, analyzes the key technologies of a new wave of technological development and their influence on the transformation of economic systems. Particular emphasis is placed on addressing the problems of new industrialization and the use of advanced manufacturing technologies in the industrial sector of Russia in comparison with the developed countries of the world. The paper proposes comprehensive system of priority measures that can be implemented to turn the country towards new industrialization in Russia.

Keywords: new industrialization, advanced manufacturing technologies, the fourth industrial revolution, innovative development, industrial policy.

Ч. Т. Лаумулин¹

РОЛЬ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЕАЭС

Рассматриваются особенности и взаимосвязь новой индустриальной революции и развития стран ЕАЭС, подчеркивается значимость эндогенных научных изысканий и академических институций для глобальной технологической парадигмы. Отмечается необходимость укрепления тройной инновационной спирали взаимодействия государства, индустрии и науки для развития страны и увеличения ассигнований на НИОКР.

Ключевые слова: новая индустриальная революция, наука и инновации, тройная инновационная спираль, развитие Евразии, социальная политика.

УДК 330.354

Жизнь человечества за последние 200 лет изменилась, в первую очередь, благодаря научно-техническому прогрессу, а не под влиянием политики, идеологий и пр. Сейчас мир вступил в эру новой индустриальной революции. Ее первой фазой называют взрывной рост цифровой информатизации и коммуникации, который ведет к скачкообразному ускорению и изменению научно-технологических, культурных, экономических, социально-политических и других отношений. Цифровизация, совершенствуя коммуникации между людьми и способствуя обмену информацией, актуализирует вопрос о знании и содержательности передаваемой информации.

Вопрос о месте Евразии в глобальных технологических цепях имеет первостепенную важность, для его решения необходимо развитие научно-исследовательской базы. В фундаменте такой базы должны лежать исследования в области геологии, физики, химии, математики и других дисциплин. Говоря о ядре нового центра экономического роста в Евразии, важно понимать, что во всех сильных экономиках мира подобным ядром является развитие естественных наук, а отсюда – технологий, формирующих львиную долю ВВП (включая постиндустриальный рынок услуг), созданных и получивших развитие в результате научных открытий. Фундаментальная наука (в особенности физика и химия) – это резервуар знаний, на которых базируются прикладные научные решения, появляются технологии, стимулирующие развитие инновационной экономики. Забвение данного фундаментального постулата в индустриальной политике при одновременном недофинансировании культуры, гуманитарных наук, образования и здравоохранения (важнейших составляющих инновационной среды экосистемы в осуществлении социальной политики) грозит современным обществам упадком и деградацией. И напротив, инвестиции в данном направлении – залог общего развития системы и экономики, наращивания международного веса и влияния конкретной

¹ Чокан Турарович Лаумулин, исследователь Центра наук о развитии и Кембриджского Центрально-Азиатского форума Кембриджского университета (Великобритания).

страны и региона. Именно социальное развитие предопределяет развитие общественной экосистемы, в которой формируются наука и культура – идущие рука об руку феномены высшей интеллектуальной деятельности человека.

Следующие фазы новой индустриальной революции будут предопределены новейшими открытиями и разработками в областях: материаловедения, сохранения и транспортировки энергии (к примеру, сверхпроводимость), криогеники, квантовой материи, астрофизики, оптической физики, физики высоких энергий, опто- и микроэлектроники (в частности, некремниевой электроники), теории сжатой материи, биологии, химии, биотехнологий, медицины, наук о земле и множестве других направлений. Уже подготовленный и почти созревший научно-технологический рынок сформирует новый характер политико-экономических, финансовых, международных и прочих отношений, определит необычные среду, уклад обитания и развитие человека в XXI в.

Новейшие открытия, подавляющее большинство которых еще даже не осуществлено, лягут в основу событий, связей и вида грядущей истории. Человеческое воображение не способно представить последствия этого процесса. Несомненно, одно – он будет движим институциональным развитием человеческого интеллекта. Именно человеческий фактор, образование и развитие человеческого капитала, создание благоприятной культурной и социальной экосистемы становятся залогом успеха развития в условиях этих изменений.

С другой стороны, немаловажной предпосылкой данной революции является наличие (или доступ) к материальным и природным ресурсам как фундаменту для преобразований и исследований. Для пространства ЕАЭС, самого крупного территориального образования в мире, вероятно, нет более важной области познания, чем развитие наук о Земле, за которыми должны идти научные исследования в мульти- и междотраслевых дисциплинах. Центральная Евразия – уникальный регион Земли, в недрах которого сосредоточены все элементы периодической таблицы, и дальнейшее исследование их свойств важно не только для стран ЕАЭС, но и для глобального технологического развития, особенно в условиях уже разворачивающейся очередной промышленной революции. Одной из наиболее заметных особенностей этой революции является открытие новых свойств новых материалов. Эти свойства могут быть открыты при изучении свойств старых материалов в процессе экспериментирования и проведения исследований с известными базовыми материалами, имеющимися или производимыми на территории ЕАЭС. Более того, многие элементы, в частности редкоземельные металлы, являются чрезвычайно важными частями глобальных технологических цепочек настоящего и будущего. Сегодня, по признанию профессора квантовой физики Кавендишской лаборатории Кембриджского университета Сиддхарта Саксены, в большинстве проводниковых устройств в любом помещении в мире есть элемент, добытый из недр России или Казахстана. Минерально-ресурсное богатство недр, развитая горно-металлургическая база и высокий человеческий потенциал, включая многообразные и древние культуры, делают Центральную Евразию одним из самых важных регионов развития мировой цивилизации.

Примат и основополагание научно-исследовательской деятельности и открытий в новой индустриальной экономической реальности есть базис экономики знаний, создание которой является одной из целей всех развитых стран. Многие развивающиеся страны могут осуществлять трансферт технологий. Однако для этого также требуется развитие собственной научно-исследовательской базы, поскольку при адаптации технологии покупатель должен быть так же технологически подготовлен, как экспортер.

А это невозможно без развития эндогенной фундаментальной науки как источника экспертизы, нового знания и подготовки компетентных специалистов. Кроме того, при трансфере технологий есть опасность попасть в зависимое и подчиненное положение, что может представлять стратегическую угрозу для суверенитета страны. Географическое расположение, климат, исторические и социальные особенности большей части Центральной Евразии делают неэффективным или неконкурентоспособным в глобальном масштабе большинство технологических трансфертов, тогда как эндогенные научные исследования могли бы стать основой для развития уникальных технологий и инноваций. Любое собственное высокотехнологичное производство имеет значительный запас прибыли и незначительную (относительно конечной цены) стоимость транспортировки. Развитие исследований в областях естествознания помогает сформировать фундаментальное ядро новых современных отраслей для промышленного и сельскохозяйственного развития, обогатить, углубить и расширить национальную моральную, социальную, культурную и политическую парадигму в постсоветских обществах. Одновременно институт академической мысли и исследований выступает внутренним процессором всей системы и поставщиком по-настоящему компетентных кадров для управления государственной и частной экономикой и обществом.

Инновация, через которую приходят меняющие нашу жизнь технологические достижения, имеет в своей основе собственно технологию как следствие усилий в прикладной науке, т. е. инжиниринга. Последнее является результатом развития фундаментальной науки, которое невозможно без определенного уровня культуры и движимо любознательностью и чисто духовным стремлением к познанию сущего. Кроме того, наука и культура представляют собой самый важный источник глобального влияния и «мягкой силы». Данный довод призван придать дополнительный импульс к концентрации усилий постсоветских научных кругов, общества и государства на организации и осуществлении исследований в указанных выше областях познания как безальтернативного в исторической перспективе успешного пути национального развития. Это может привести к возникновению высокотехнологичной и уникальной экономики, основанной на «индустрии открытий», и обеспечить региону устойчивое развитие и международное влияние в эпоху неизбежно наступающих бурных и непредсказуемых глобальных перемен.

Согласно современной концепции инновационной тройной спирали², поступательное развитие общества осуществляется за счет ротационного взаимодействия трех (накладывающихся друг на друга краями) центров (условно круглых) внутри спирали: государства, академии (институционализированных науки и культуры) и индустрии, создающих инновационную сердцевину развития. Она заставляет центры вращаться, обеспечивая поступательное развитие всей модели, подстраховывая при недоработках и дублируя функции других центров. Это, однако, идеальная модель. Во многих развитых странах, включая США, автономное функционирование этих центров развития вызывает проблемы их сближения, и на решение этих проблем направлена соответствующая индустриальная политика. Формирование этих центров происходило столетиями, и они представляют собой сложную эволюционную общественную модель той

² Ranga, M., Etzkowitz, H. Triple Helix Systems // An Analytical Framework for Innovation Policy and Practice in the Knowledge Societ., Stanford University. retrieved from the Web, https://triplehelix.stanford.edu/images/Triple_Helix_Systems.pdf.

самой «индустрии открытий». Развивающимся странам очень трудно скопировать данную эффективную модель из-за неразвитости самих центров и отсутствия времени. В ЕАЭС государство может взять на себя роль локомотива развития остальных центров индустрии и исследований, чтобы привести в движение всю систему, мирясь с неизбежными потенциальными рисками потери снижения эффективности взаимодействия отдельных элементов при довлеющей ключевой роли государства.

К примеру, страны ЕАЭС могут направить свои национальные усилия на исследования в области производства, передачи, хранения и применения энергии с использованием сверхпроводимости. Еще одна область прорывов – разработка новых структур, способных «революционизировать» производительность солнечных элементов, батарей, топливных элементов, легких конструкционных материалов, холодильного оборудования, очистки воды и т. д. (во избежание провала от участия в нынешней промышленной гонке за небольшими транзисторами). В глобальном масштабе подобные новые «волшебные» технологии не получают развития из-за отсутствия соответствующих элементов, которых в избытке в наших недрах. Тем временем мировая индустрия продолжает чрезмерно инвестировать в классические технологии. Это открывает перед ЕАЭС огромные глобальные возможности. Заметим, что большинство из 9 полученных СССР премий по физике напрямую связаны с физикой низких температур.

Задача запуска научно-исследовательских изысканий на новом витке исторического развития подразумевает не только вовлечение ведущих мировых ученых в сфере естественных наук и инженеров, но и развитие отечественной культуры во всем ее многообразии, равно как и развитие социальных и экономических наук для укрепления собственной философской базы, академической культуры и знания. Однако для достижения не декларативного, а реального успеха странам ЕАЭС потребуются реформа и эволюция подходов как к организации столь чувствительной отрасли, так и к поиску ценных профессионалов – организаторов взаимодействия науки и индустрии. Разработка и осуществление успешной общеевразийской и отсюда – глобальной индустриальной политики – задача сама по себе инновационная. Но ведь именно наличие институционально укоренившихся науки и культуры напрямую свидетельствует о степени развитости и цивилизованности общества, его готовности совершить прыжок в развитии.

Развитие науки и исследований – необходимое условие глобального развития. По размеру отчислений на фундаментальную науку и НИОКР можно достоверно судить о степени развитости страны. Согласно средним данным по странам ОЭСР, сегодня в развитой стране расходы на НИОКР составляют около 2,4 % от ВВП в год (около трети средств идет на прямое финансирование государством фундаментальной науки). Для трех стран – основательниц ЕАЭС – существующего ныне уровня (~ 1,1 % ВВП в России; 0,67 – в Беларуси и 0,17 – в Казахстане) явно недостаточно. Для примера: СССР в 1980 г. преодолел планку в 5 % от ВВП. Нет более выгодных инвестиций для любой нации, чем вложения в развитие науки и культуры. Объединение возможностей ресурсной базы Центральной Евразии с мировыми исследованиями, развитие собственной научно-исследовательской парадигмы вкупе с развитием научного потенциала СССР способны внести значимый вклад в глобальное развитие и упрочить положение нового Союза на мировой арене. И начинать следует с оживления и воссоздания научно-исследовательской и экспериментальной инфраструктуры и привлечения соответствующих кадров. Ежегодные ассигнования в размере до 2 % от общего ВВП стали бы стратегическими инвестициями в будущее, позволив Евразийскому экономическому союзу занять новое место в будущем мировом укладе.

Ch. T. Laumulin. Role of science and culture in EAEU reindustrialization. The connection between a new industrial revolution and the development of the EEU countries is considered in the article highlighting the importance of endogenous research and academia for global technological paradigm. The establishment of the triple innovation helix of the interaction between the state, industry and science for the development of a country within the demand for increasing the R&D allocations is emphasised.

Keywords: new industrial revolution, science and innovation, the triple innovation helix, development of Eurasia, social policy.

М. И. Воейков¹

ГОСУДАРСТВО И РЫНОК: НОВАЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Показано, что государство в современных условиях выполняет ключевую роль в экономике. Государство постепенно заменяет рынок. Это видоизменяет саму экономику. В современной экономике рыночный процесс максимизации прибыли заменяется процессом максимизации общественной полезности. Соизмерение полезного эффекта человеческой деятельности и затрат сохраняется, но главным становится не прибыль, а общественная полезность. Экономика и экономическая деятельность приобретают новые свойства и качество. Все это ведет к трансформации политической экономии.

Ключевые слова: государство, рынок, экономические функции государства, политическая экономия, новое качество экономики.

УДК 332.354

Введение

Для индустриального периода было верно утверждение, что рынок является наиболее эффективным механизмом экономического развития. Действительно, смысл рыночного механизма состоит в соизмерении индивидуальных издержек на производство какого-либо товара со средней (или предельной) величиной, которая складывается на рынке. На этой основе происходит разделение всех участников экономического процесса на лучших и худших. Лучшие производители товаров и услуг достигают максимальных преимуществ, а худшие, в конце концов, выводятся за пределы экономического процесса. Остаются только наиболее эффективные. Каждый четко понимает, что возможности существенного роста материального благосостояния или резкого его снижения прямо зависят от его деятельности и результатов производства. Это элементарный рыночный механизм, а конкуренция – его главный стержень. Вместе с тем не следует переоценивать возможности рыночного механизма. В долгосрочной перспективе его воздействие весьма незначительно, слабое влияние он оказывает и на развитие современных сложнейших отраслей и промышленных комплексов (атомная промышленность, ракетостроение, космос и т. п.). Таким образом, говоря о проблемах реиндустриализации в России, когда высокотехнологичные отрасли производства, а также наука и образование приобретают ключевое значение, надо выбирать иную экономическую парадигму – не либерально-рыночную. Тем более, как отмечается в современной научной литературе, «опора на идеологию «рыночного фундаментализма» привела к стагнации в экономике со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для страны» [1, с. 7].

¹ Михаил Илларионович Воейков, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

России для перехода на инновационный путь развития нужна специальная государственная политика. Необходимо ограничивать монополизацию рынка, развивать науку, технический прогресс, образование. Нужно государство с его антимонопольным регулированием, большими финансовыми и материальными ресурсами для развития. Сами по себе люди в условиях рыночного общества умней и образованней не становятся. И тут возникает парадокс: чтобы страна могла достойно конкурировать на мировом рынке, государство у себя дома должно ограничить свободное рыночное саморегулирование. И это делают многие современные государства.

К теории современного государства

Политическая экономия практически никогда не изучала государство как таковое. Меркантилизм, который государству отводил решающую роль, еще не был политэкономией в полном смысле слова. Политическая экономия начинается с Адама Смита, который в центр исследования поставил не государство, а индивида и рыночный процесс производства и обмена между индивидами. А. Смит в своем знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» специальный раздел назвал «О доходах государя или государства» (книга V), т. е. он еще не отличал феодальное государство («государь») от буржуазного, хотя весь текст исследования посвящен буржуазному способу производства. А, как известно, политическая экономия изучает отношения между людьми, которые складываются в процессе рыночного производства и обмена.

Для классического капитализма государство – это лишь политическая форма существования мира. Государство не вмешивается в рыночный процесс производства и обмена, а лишь сохраняет его. Таким образом, государство не является предметом изучения классической политической экономии – примерно так считалось довольно продолжительное время. К сегодняшнему дню накопилось много фактов радикальной трансформации современного капиталистического общества: государство начинает выполнять ключевую роль в экономической системе, что существенно меняет само понимание этой системы. Экономика – это уже не только рыночный обмен между индивидами, это процедура сложного согласования индивидуальных и общественных экономических интересов и поиска наиболее эффективных путей приращения общественной полезности. Современное государство, вторгшись в экономическое регулирование, глубоко погрузилось в экономику, и само превращается в экономическую категорию. Это ведет к трансформации нашего понимания и политической экономии.

В научной литературе государство обычно рассматривается как политическая форма организации (точнее, самоорганизации) общества. Например, Э. Гидденс пишет: «Государство – политический аппарат (правительственные институты плюс чиновники государственной службы), управляющий на определенной территории, власть которого закреплена законом и возможностью использовать силу» [2, с. 604]. Это было общим местом для любой социальной науки, в том числе и экономической. Современные отечественные исследователи отмечают, что «тенденция отождествления государства с органами политической власти закладывается в западной философии уже с конца XVII века» [3, с. 26]. Действительно, экономистов до недавнего времени не интересовал вопрос – что такое государство. Правда, в среде советских экономистов велась дискуссия об экономической роли государства при социализме и сегодня полезно изучить эту дискуссию с новых позиций.

После того, как государство погрузилось в экономику, с политэкономической точки зрения его следовало бы определять не только как политическую форму самоор-

ганизации общества, но и как экономический механизм этой самоорганизации. Теперь дело дошло и до политической экономии. Если «экономикс» стремится усовершенствовать функциональные связи в экономике, то политическая экономия призвана объяснить этот процесс и ключевую роль в нем государства. Стало быть, государство становится предметом политэкономического исследования.

По логике старых либеральных экономистов, политическая форма мешает нормальному протеканию экономического процесса. «Основная идея классического либерализма, – пишет Ноам Хомский, – заключается в оппозиции ко всем формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь, кроме предельно ограниченных и минимальных» [4, с. 11]. Либералы упорно обходят вопрос – откуда эта форма взялась и почему она сейчас мешает? Во времена Адама Смита государство как политическая форма самоорганизации общества не мешала экономическому процессу, а сегодня мешает. Можно привести высказывание Карла Поппера середины 1940-х гг.: «Принцип государственного невмешательства в экономику – принцип, на котором основывается не ограниченная законодательно экономическая система капитализма, должен быть отброшен. Если мы хотим защитить свободу, то должны потребовать, чтобы политика неограниченной экономической свободы была заменена плановым вмешательством государства в экономику» [5, т. 2, с. 146]. Устарелость концепции невмешательства заключается в том, что современное государство перестает быть только политической формой, она наполняется экономическим содержанием.

Государство сегодня становится активным экономическим субъектом. Экономика все больше попадает под влияние государства (огосударствление экономики), а государство все глубже погружается в экономику. «Экономическая система, – замечает Хабермас, – лишилась своей функциональной автономии по отношению к государству» [6, с. 155]. Это понимание все чаще проникает в массовые учебники. Так, П. Самуэльсон и В. Нордхаус указывают: «Государство решает три основные экономические задачи: способствует повышению эффективности, обеспечению справедливости и макроэкономической стабильности и осуществлению экономического роста» [7, с. 54]. Иными словами, рынок без государства не в состоянии ни обеспечить экономический рост и макроэкономическую стабильность, ни повысить эффективность. Что-то меняется в самой экономике, и это ставит новые задачи перед политической экономией.

Итак, почти все (даже американские консерваторы) признают факт роста объема, значения и влияния государства в современной экономике. Так, современный либерал-консерватор Р. Хиггс пишет: «Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан» [8, с. 9]. Ему вторит другой американский экономист, Ч. Уилэн: «Министерство сельского хозяйства США в настоящее время требует, чтобы каждая замороженная мясная пицца содержала по меньшей мере 10 % мяса» [9, с. 309]. Если Министерство сельского хозяйства США устанавливает нормативы на производство пиццы, значит с рыночной экономикой в США что-то не так.

На наш взгляд, основная объективная причина современного роста государства состоит в развитии более сложного производства и усложнении технологий, в переходе к новому технологическому укладу, что отражается в трансформации экономической организации общества. Именно экономическая организация наполняет содержанием все остальные формы человеческого общежития, в том числе и государство. Современное производство ставит на место индивидуального производителя сложную коопера-

цию многих производителей и их объединений. Новая технология кладет конец экономическому индивидуализму и либеральному капитализму. Обобществление производства, о чем много писали советские экономисты, стало сегодня очевидным и бесспорным фактом. Более того, информационные технологии, которые приобретают все большее значение, превращают государство в почти единственного экономического актора. Ведь информация только посредством государства приобретает экономическое значение. Информация как таковая не может быть частной, «для себя», она всегда носит общественный характер.

В XX в. мы наблюдаем все большее распространение расширительного понимания государства, где субъектом власти выступает не только правительство, но весь народ и его самостоятельные организации. Более того, государство все чаще выполняет разнообразные общественные и экономические функции, что позволяет говорить о государстве как экономическом институте современности. Меняется и понимание самой экономики. Государство рассматривается как противовес рынку, как механизм, ограничивающий и корректирующий рыночное «самодействие». «Правительства, – пишет известный американский экономист Л. Туроу, – всегда активно использовались для изменения результатов рыночного хозяйства с целью более равномерного распределения доходов по сравнению с тем, какое рынок произвел бы сам по себе» [10, с. 288].

Сильное государство нужно для обеспечения целесообразного, разумного и сбалансированного общественного развития. Но целесообразная и сознательная деятельность государства может выражаться только в различных формах народнохозяйственного и социального планирования, т. е. осознанной и одобренной большинством населения политики, направленной на развитие высоких технологий, на глубокую реиндустриализацию народного хозяйства.

Возможности и пределы рынка

Рынок действительно наиболее эффективный механизм экономического развития. Рыночный механизм есть великолепный калькулятор экономической эффективности, и в этом, пожалуй, его единственная ценность. Проблема заключается в том, чтобы этот калькулятор работал исправно, не искажался. То есть, другие социальные ценности не должны вводиться внутрь этого калькулятора, рынок не должен давать ничего, кроме экономической эффективности. Другие ценности привносятся в социально-экономическую сферу через сознательно вырабатываемую и проводимую государством политику. Государственная политика заменяет рынок, вытесняет его. Для функционирования рыночного механизма не нужна никакой политики, даже экономической. Отсюда стремление либеральных экономистов ограничить или максимально снизить экономическую роль государства – «минимизировать государство». Государственная экономическая политика в любом вопросе ограничивает рыночное самодействие, сужает рынок, особенно социальная политика, которая в пределе стремится к уничтожению рынка или к сильному его ограничению.

Рынок всегда и везде ограничен и регулируем, господство только экономической эффективности может привести к нелепым и антигуманным последствиям. В научной литературе об этом написано очень много. Сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», широкие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и

успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Здесь экономика не сводится к рынку, а охватывает широкое поле человеческой деятельности, где принцип соизмерения затрат и результатов по-прежнему важен. Затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но и в экономии времени, усилий, в достижении благополучия, т. е. в приращении общественной полезности.

Государство и политическая экономия

Экономические функции государства состоят не столько в извлечении выгод из менового процесса, сколько в стабильном и благополучном развитии общества, в достижении общественной полезности. «Интервенционистское государство, в отличие от либерального, вовлечено в процесс воспроизводства; поэтому оно не только обеспечивает общие условия производства, но и само становится своеобразным исполнительным органом закона стоимости» [6, с. 88]. При этом меняется и само содержание стоимости. Современное государство не отменяет отношения стоимости, но трансформирует их самым существенным образом. Трансформируются также отношения собственности и социальная структура общества.

Трансформация денег и стоимости. По мнению специалистов, за последние 30...50 лет в мире накопились колоссальные финансовые ресурсы. Существует перенакпление капитала, тем самым капитализм, по-видимому, переходит в какую-то иную стадию. Одним из важнейших факторов является финансиализация капитализма. Финансовый сектор приобрел самостоятельное значение, оторвался от реального сектора экономики и, по существу, концентрируется на финансовых спекуляциях. Основой этого процесса, на наш взгляд, являются фидуциарные деньги. Итак, что же такое современные деньги?

В старом капитализме деньгами выступали драгоценные металлы (золото и серебро) или бумажные деньги, свободно конвертируемые в золото. В современном мире никакие бумажные деньги на золото не обмениваются. Человеческий труд, заложенный в производство бумажной купюры, ничтожен по сравнению с ее номиналом. Сегодняшние деньги вообще ничем не обеспечены. Даже в тех странах, где было в ходу золотое обращение – обмен банкнот на золото, полного или 100 %-ного золотого обращения не было. Так, в США, где до Первой мировой войны действовал золотой стандарт, выпускались бумажные деньги, банковские депозиты. При этом количество золота в виде монет или золотых сертификатов составляло в разные годы от 10 до 20 % денежной массы. Остальные 80...90 % состояли из «серебра, фидуциарных денег и банковских депозитов, не обеспеченных золотым резервом». Сегодня про золото или серебро как основу денежной системы почти никто не вспоминает. Об этом прямо пишут П. Самуэльсон и В. Нордхауз: «Много лет назад эту роль [обеспечения ценности банкнот – М. В.] выполняли золото или серебро. Сегодня это уже не так, и все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. Этот термин означает, что нечто может называться государственной валютой, даже если это нечто не имеет ценности» [7, с. 425].

Недавний мировой финансовый кризис вообще выводит деньги и в целом финансовую систему развитых стран из-под рыночного саморегулирования. Поразительно, как это деньги, по природе своей самый рыночный инструмент регулирования экономики, сегодня становятся государственным рычагом регулирования рынка. Строго говоря, деньги превратились в особый документ политического соглашения (фидуциарные деньги, от лат. *fiducia* – сделка, основанная на доверии). И как утверждает ряд экономистов, ничего рыночного в таких деньгах почти не осталось.

Современный мир сильно изменился, но рыночные фундаменталисты по-прежнему объясняют финансовые неурядицы и кризисы чрезмерной ролью государства. Экономика, основанная на рыночном процессе и экономическом индивидуализме, что было предметом исследования классической политической экономии, постепенно превращается в огосударствленную экономику, где цель экономической эффективности замещается приращением общественной полезности. При этом важно, что в приращение общественной полезности входит и достижение экономической эффективности. Понимание экономики расширяется, изменяется и предмет политической экономии, которая приобретает новое качество.

Итак, деньги есть показатель, знак или символ отношений стоимости, т. е. особого социального отношения между людьми в рыночной экономике. Однако в современном товарно-капиталистическом хозяйстве деньги, перестав размениваться на золото (оторвавшись от своей объективной основы), перестали быть символом абстрактного труда. Теперь они лишь символ политического соглашения в обществе между гражданами и правительством, которое просто печатает бумажки (деньги) по своему усмотрению. Тем самым подрывается объективный механизм существования и развития товарно-капиталистического хозяйства.

Трансформация собственности. Вокруг категории собственности идут нескончаемые споры. Обычное понимание собственности сводится, как правило, к юридической формуле, зафиксированной во французском гражданском кодексе: «Право собственности – это абсолютная власть над вещью в рамках, установленных законом». Посмотрим, как эта формула воспроизводится в зарубежной литературе праволиберального толка. Так, у Л. Мизеса читаем: «Собственность означает полный контроль над услугами, которые можно извлечь из некоего блага» [11, с. 640]. Это определение довольно корявое и мало что определяет, в отличие от французского кодекса. Дело в том, что совсем не всегда понятие собственности связано с услугами, которые часто не имеют вещной формы, и не всякое благо может генерировать услуги. Так, услугу парикмахера трудно совместить с формулой Мизеса: где тут благо и где собственность? И не случайно в современной экономической литературе собственность обычно рассматривается с юридической точки зрения. Может быть, поэтому в учебниках «Экономикс» эта категория не рассматривается вовсе. Но есть и экономическое понимание собственности как особых, исторически определенных отношений между людьми по поводу использования того или иного блага. Исторические условия меняются, эволюционируют и отношения собственности.

Государство всегда, в любое время и в любом месте поддерживало, поощряло наиболее близкую ему форму собственности. Например, феодальное государство стремилось всеми силами поддерживать и сохранять феодальную собственность и феодальный тип хозяйства. Так, в феодальном государстве был, по существу, один собственник – феодал, который владел собственностью не в результате экономических процессов, а силой. Сила была первопричиной, а собственность – следствием и не всегда юридически (политически) оформленным. «Государство сливается с государем» [12, с. 5].

Следующий этап эволюции государства был связан с процессом модернизации средневекового общества, когда частная собственность заняла господствующее положение. В буржуазном обществе собственность уже есть следствие экономического процесса. Здесь государство становится объективно необходимой формой осуществления экономического процесса, базирующегося на частной собственности. То есть, имеется

продукт или материальное благо, на которое оформляется право собственности, и поддержание этого права – основная функция государства.

При этом все собственники (вне зависимости от размера собственности) в правовом отношении равны. В этом и состоит суть либерального капитализма и господство экономического индивидуализма. «Главным в учении либерализма, – пишет Мизес, – является утверждение о том, что общественное сотрудничество и разделение труда возможны только в системе частной собственности на средства производства, то есть только в условиях рыночной экономики, или капитализма. Все остальные принципы либерализма – демократия, личная свобода, свобода слова и печати, религиозная терпимость и мир между народами – вытекают из этого главного постулата. Они возможны только в обществе, базирующемся на частной собственности» [11, с. 69]. В главном Мизес прав: частная собственность на средства производства есть основа либерального капитализма. Государство здесь выступает политическим гарантом частной собственности и, стало быть, гарантом экономического процесса. Господство частной собственности потребовало буржуазной революции – утверждения другой формы или типа государства, буржуазного или либерального государства, основанного на частной форме собственности.

Частная собственность, как известно, экономически более результативна и больше соответствует рыночному критерию. Вместе с тем в современном мире не все определяется рынком и чисто экономическим критерием эффективности. Например, пенсионная система, которая есть в любых развитых странах, выведена из-под критерия рыночной эффективности. В самом деле, выплата пенсий с точки зрения рынка не имеет никакого смысла, однако их выплачивают, считая это большим социальным достижением. И все же наиболее благоприятные условия буржуазное государство создает для частной формы собственности. Государственная форма собственности в западных странах считается собственностью второго сорта – ее то сокращают, то увеличивают (в зависимости от решений очередного правительства). Государственная политика в том и состоит, чтобы поощрять или придерживать развитие тех или иных форм хозяйствования.

Но собственность не является застывшей категорией, она меняется вслед за изменениями условий жизни и, главное, производства. Частная собственность, рыночная экономика и «минимальное государство» (в основном как политическая форма) – вот постулаты либерального капитализма.

Дальнейшая трансформация собственности ведет к изменению модели государства. Развитие корпоративной собственности снижает значение сугубо частной собственности. В экономическом процессе появляются сложные иерархические структуры, где значение частной собственности становится минимальным. Об этом писали западные экономисты еще лет 50 тому назад, например, Дж. Гэлбрейт: «С конца прошлого столетия гигантская корпорация становится все более характерной чертой делового мира. Ее влияние признавалось везде, кроме экономических учебников» [13, с. 40]. Доля же мелкого и среднего бизнеса заметно сокращается. Создается так называемая планирующая система из крупных корпораций, трансформирующих рыночную экономику, которая, по мысли Дж. Гэлбрейта, является миром мелких фирм. Другим важнейшим элементом трансформации является отделение собственности от контроля или диффузия собственности и, если можно так сказать, угасание частной собственности. Но если в современной экономике господствуют крупные корпорации, которые монополизировали рынки и существенно снизили накал конкурентной борьбы, то час-

тная собственность отходит на второй план. Для крупных корпораций характерна акционерная собственность, рассеянная среди тысяч мелких акционеров. В такой корпорации уже нет реального собственника и, как отмечал Гэлбрейт, «власть собственников капитала, то есть держателей акций, равна нулю» [13, с. 70].

Стратегические решения принимает высший менеджмент, функции которого может выполнять наемный персонал. Таким образом, частная собственность на средства производства в корпоративном секторе развитых западных стран угасает. Исчезает и объективная основа либерального капитализма и минимального государства. На ее место приходят технократические и бюрократические структуры, основной целью которых является не укрепление мифической для них «частной собственности», а развитие и процветание собственных структур.

Новый этап развития государства начинается с появлением интеллектуальной собственности, которая становится экономически значимой лишь после оформления прав собственности. Материальный продукт был экономически значим и до оформления прав собственности, в феодальном обществе такого оформления часто не было, а в буржуазном оформление является необходимым моментом существования материального блага. Государство в данном случае выступает оформителем, констататором материального блага и его экономического значения. Иное дело интеллектуальное благо – государство создает его экономическое значение и по необходимости начинает выполнять роль основного экономического агента.

Подчеркнем: экономическое значение интеллектуального блага порождается не экономическим процессом, а государством. Интеллектуальное благо подчиняется иным законам, чем материальное. Рыночная экономика без помощи государства не может превратить интеллектуальное благо в товар. Но роль государства здесь обратная: вместо выведения некоторых материальных благ из рыночного процесса государство, наоборот, некоторые интеллектуальные блага включает в экономический процесс. Это касается гуманитарного сектора экономики: культуры, науки, образования. В этих сферах создается особый рынок, где экономический процесс нацелен на максимизацию не столько прибыли, сколько общественной полезности.

Трансформация социальной структуры и неравенство. Современное общество (и западное, и российское), вопреки утверждению неоклассической экономической теории, состоит не из отдельно бродящих индивидов, а из определенных социальных групп, слоев, страт или классов. Ибо экономическое поведение каждого человека определяется не совершенно уникальными и неповторимыми складками его одежды, а под воздействием объективных факторов его жизни и прежде всего участия в общественном производстве. А в этом производстве люди объединяются даже помимо своей воли и сознания в определенные классы, группы или слои.

Необходимость оперировать в теоретическом анализе категорией социальной группы или общественного класса, а не индивидуума обосновал в начале XX в. П. Б. Струве: «Понятие «класс» есть попытка для сложной системы многообразных текущих общественных отношений указать как бы точку кристаллизации, выделить такое единство, какое могло бы мыслиться как верховный субъект и деятель этих отношений. Это вполне законная операция, но необходимо помнить ее границы и смысл» [14, с. 75]. Социальные слои и группы представляют социальные силы, определявшие динамику либерального капитализма. По существу, речь идет о научном понимании социальной структуры современного общества, т. е. о научном понимании этого общества и его трансформации.

Однако сегодня явно недостаточно оперирования только категориями начала прошлого века. Классы и классовое деление общества в большей мере или в более развернутом виде присущи обществу с развитой рыночной экономикой. Классы – это категория либерального буржуазного общества. Перерастание буржуазного общества, скажем, в постиндустриальное ведет к потере рынком его стратификационных свойств, что вызывает переход от примитивной классовой структуры к более сложной – социальной.

Классовый подход можно рассматривать как часть (или характеристику) социальной стратификации общества, которая всегда была и по мере развития общества имеет свойство усложняться. Классовое деление возникает лишь на этапе либерального капитализма и когда-нибудь перестанет существовать. Если общество «строит» классический (либеральный) капитализм, то оно создает и классы с их противоречивыми интересами и противоборством. Если же общество «уходит» от состояния либерального капитализма, то и классовый подход теряет свою актуальность. Угасание частной собственности на средства производства смягчает классовые противоречия, но это не значит, что проблем становится меньше.

Может ли сегодня собственность выступать главным, исчерпывающим критерием социальной стратификации? Простой факт поможет ответить на этот вопрос совершенно отрицательно. Сегодня в развитых странах Запада и в любой индустриально развитой стране 70...90 % занятого населения работает по найму, основной источник их существования – заработная плата. Таким образом, подавляющее большинство занятых лишены собственности на средства производства, но при этом они не составляют одного класса или социального слоя.

Даже работники акционерных компаний, которые имеют в собственности некоторое количество акций своего предприятия и получают по ним дополнительный доход, не могут считаться собственниками, ибо их индивидуальный пакет акций незначителен и не играет решающей роли. Собственность в таких компаниях разпылена среди тысяч мелких держателей акций, и не она определяет экономическое и социальное положение работников.

Мы находимся в стадии перехода от традиционной классовой структуры к новой структуре, которая будет состоять, если можно так выразиться, из профессионально-функциональных групп. Все это обусловлено капитальными изменениями социальной структуры общества и трансформацией экономических интересов. Наблюдается переход от старой модели, состоящей из 2-3 классов (крестьянство, рабочий класс, владельцы капитала), к профессиональным группам и массовым слоям (элита, креативный класс, средний класс, прекариат, андеграунд и др.).

Классовые отношения теряют политико-конфронтационную форму, политическое заменяется профессиональным. И все это начинает осуществляться благодаря новой роли государства. «Классовые отношения, – пишет Хабермас, – смогли принять неполитическую форму отношений наемного труда и капитала лишь при том условии, что общие предпосылки сохранения капиталистического производства стали обеспечиваться государством. Лишь дополняющие рынок государственные функции, которые не подчиняются механизмам рынка, делают возможным не политически осуществляемое господство через частное присвоение общественно производимой прибавочной стоимости» [6, с. 86]. Главная причина трансформации состоит в существенном усложнении производственного процесса, диверсификации материальной базы, что ведет к изменению социальной структуры общества.

Все это проявилось и в трансформации отношений собственности. Так, креативный класс стал обладателем интеллектуальной собственности, владельцы капитала (капиталисты) теряют свое значение, ибо в крупных корпорациях их роль равна нулю, главенствующие позиции там занимают топ-менеджеры. Таким образом, политэкономический подход в данном случае состоит в концентрации внимания не на развитии рыночных отношений, а на проблемах государственного регулирования рынка, его ограничений и «провалов». Заинтересованность в решении этих проблем проявляют средние слои современного общества. Их экономические интересы состоят не столько в поддержании рыночного равновесия и саморегулирования (хотя в какой-то части это тоже их интересы), сколько в укреплении государства и государственной или общественной поддержки культуры, образования, науки, здравоохранения и др.

С появлением среднего класса в последние годы много проблем связывается с элитами общества. В современном обществе, где государство стало доминирующей силой, элиты превращаются в одну элиту, формирование и функционирование которой обеспечивает государство. Массовым слоем остается средний класс и близкие к нему слои. При этом формируются слои населения, находящиеся по социальному статусу и доходам на нижней ступени общества. В современном обществе вместо классового деления и классовой проблемы в распределении социального продукта на первое место выдвигается проблема экономического неравенства, или проблема одного процента. Основная роль в решении этой проблемы принадлежит государству (с его функциями патернализма).

Вместо заключения

Итак, государство растет и уже довольно глубоко погрузилось в экономику – стало демиургом экономики. Нравится это кому-либо или нет, но это объективный и неизбежный процесс. Хорошо это или плохо – вопрос очень сложный. Если рост государства сопровождается рациональными установками (как, например, обязательные для всех правила орфографии или уличного движения), то это, видимо, хорошо. Если же государственные установки переходят рациональные границы (скажем, центральное правительство начинает регулировать куриное поголовье в домашнем хозяйстве или размер цветочных горшков, как это делается в США), тогда это, безусловно, плохо. Жизнь общества должна основываться на мирных занятиях людей, «не стесняемых ничем, кроме потребностей благоустроенного общежития». Это понятно, но интересен другой вопрос: какая наука должна изучать государство как главного благоустроителя общества?

Если основная экономическая наука, которая изучает и объясняет экономику, это политическая экономия, то, стало быть, государство становится предметом ее изучения. Но классическая политическая экономия изучала и объясняла рыночную экономику, отношения между людьми, прикрытые вещами. Конечно, эти отношения сохраняются и в современной экономике. Но основные отношения между людьми, которые производят и потребляют вещи (и услуги), регулируются уже не «вещами» (рыночным обменом вещей), а государством. Государство же в процессе регулирования руководствуется не столько максимизацией прибыли, сколько максимизацией общественной полезности, т. е. «потребностями благоустроенного общежития». Хотя прибыль и рыночный обмен остаются и продолжают играть важную роль, цель государственного регулирования иная. Можно сказать, что в государственную цель максимизации общественной полезности входит обеспечение максимизации прибыли для индивидуаль-

ных производителей. Государство не отвергает экономический индивидуализм, но гармонизирует его с общественными интересами. Поэтому трансформируется предмет изучения политической экономии: на первое место выдвигается изучение и объяснение процессов достижения общественной полезности. Думается, в этом и состоит суть «политической экономии в широком смысле» (А. Пашков), что было сформулировано в Советском Союзе еще в 1930-х гг., но тогда толком ее объяснить не смогли. В этом же состоит смысл и «новой политической экономии» (Дж. Бьюкенен), объяснение чего, на мой взгляд, недостаточно полно и точно.

В последнее время в западной литературе получил некоторую популярность так называемый экономический империализм, под которым можно понимать распространение экономического принципа, экономизма, экономической рациональности на процессы, явления и предметы, которые ранее не относились к экономике; распространение основных понятий современной экономической теории (редкость, издержки, предпочтения и др.) на любые формы человеческой жизни, а ее главных принципов (оптимизации и равновесия) – на все социальные явления. Смысл «экономического империализма» не раскрывался в достаточно поверхностных текстах западных авторов и вызывал у читателя недоумение. Например, Гэри Беккер считает, что экономику следует понимать не как привязанную к определенному предмету изучения (в частности, деньгам или богатству), а как метод, применимый ко многим аспектам человеческого поведения [15, с. 697]. Но ни Беккер, ни другие сторонники «экономического империализма» толком не могли объяснить этот феномен. Они (или многие из них) считали, что рыночная экономика с каждым годом все больше захватывает различные сферы человеческой деятельности, которые, не будучи по природе своей экономическими (как, например, культура и образование), становятся предметом изучения экономической теории. Но дело оказывается не в расширении рынка, а в его сужении. Сама экономика из процесса максимизации прибыли превращается в процесс максимизации общественной полезности. И это становится предметом изучения экономической теории.

Таким образом, политическая экономия сегодня получает новое поле исследований. Культура и образование становятся предметом ее изучения, ибо для повышения эффективности этих сфер необходимо соизмерение затрат по производству культурных или образовательных благ с их общественной полезностью, которая далеко не всегда выражается в прибыльности.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 4(54).
2. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
3. Соколова, Р. И. Государство в современном мире / Р. И. Соколова, В. И. Спиридонова. – М.: ИФ РАН, 2003. – 253 с.
4. Хомский, Н. Государство будущего / Н. Хомский. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – 104 с.
5. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Поппер. – М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
6. Хабермас, Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас. – М.: Практика, 2010. – 264 с.

7. Самуэльсон, П. Экономика / П. Самуэльсон, В. Нордхаус. – 16-е изд. – М.: Издат. дом «Вильямс», 2005.
8. Хиггс, Р. Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства / Р. Хиггс. – М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016.
9. Уилэн, Ч. Голая экономика. Разоблачение унылой науки / Ч. Уилэн. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. – 368 с.
10. Туроу, Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л. Туроу. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
11. Мизес, Л. Либерализм / Л. Мизес. – М., 2001.
12. Мишель, А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени Революции / А. Мишель. – М.: Типография Тов-ва И. Д. Сытина, 1909. – 802 с.
13. Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества / Дж. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1976. – 408 с.
14. Струве, П. Б. Избранные произведения / П. Б. Струве. – М.: РОССПЭН, 1999.
15. Беккер, Г. Экономический взгляд на жизнь / Г. Беккер // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т.; сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. – Т. V: в 2 кн. Всемирное признание: лекции нобелевских лауреатов. – Кн. 1. – М.: Мысль, 2004.

M. I. Voeikov. The state and the market: new political and economic paradigm. A new role of the state is considered, which in modern conditions plays a key role in the economy. The state is gradually replacing the market. This is changing the economy itself. The commensuration of the useful effect of human activity and costs is preserved, but the main thing is not profit, but public utility. Such branches as education, science, and culture begin to enter the sphere of economic activity, but do not become branches of the market economy. The economy and economic activity acquire new properties and quality. Reindustrialization requires a new quality of the economy.

Keywords: state, market, economic functions of the state, reindustrialization, new quality of the political economy.

А. А. Пороховский¹

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Рассматривается роль обрабатывающей промышленности в экономике развитых стран, включая эпоху цифровой экономики, и возрастание роли сферы услуг. Показано, что обрабатывающая промышленность остается основой экономической независимости любой страны и определяет уровень ее конкурентоспособности в мире. Цифровизация не меняет рыночные принципы, но создает новые вызовы и угрозы рыночной модели.

Ключевые слова: обрабатывающая промышленность, производительность, национальная экономическая независимость, конкурентоспособность, цифровая экономика.

УДК 330.354

В современном мире идет поиск адекватных времени социальных форм экономического развития. Такие формы отличаются друг от друга в зависимости от уровня развития национальных экономик, их региональных союзов или объединений, а также от соотношения экономических и неэкономических факторов развития. В мировом хозяйстве в XXI в. священный принцип рыночной экономики – конкуренция – все больше попадает в зависимость от неэкономического воздействия (политического, военного, блокового и т. п.). Так как неравномерность развития национальных экономик усиливается, на глобальном уровне продолжается перераспределение ролей основных игроков.

В последнем обзоре мировой экономики, выпущенном МВФ в апреле 2018 г. [14], авторы обращают внимание на растущую неопределенность будущего, обусловленную глубокими общемировыми противоречиями, когда в межстрановых отношениях на первый план выдвигаются проблемы обеспечения работой своих граждан и вопросы повышения производительности труда как ключевого фактора национальной конкурентоспособности.

Специалисты МВФ провели расчеты структуры мирового ВВП на основе паритета покупательной способности национальных валют. За год до мирового экономического кризиса 2007–2009 гг. ВВП мира в 2006 г. составил 66,2 трлн долларов. При этом доля США равнялась 19,7 %, Японии – 6,3 %, КНР – 15,1 %, Индии – 6,3 %. К развитым экономикам было отнесено 30 стран и территорий, доля которых равнялась 52 %.

Что же произошло за 10 лет и как сложилась расстановка экономических потенциалов стран в мире в 2017 г. Во-первых, мировой ВВП вырос больше, чем в два раза,

¹ *Анатолий Александрович Пороховский*, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор.

достигнув 127 трлн долларов. Во-вторых, количество развитых экономик и территорий достигло 39, но их доля в мировом ВВП упала до 41,3 %. Такая же участь постигла и ведущую экономику мира: доля США снизилась до 15,3 %, т. е. на 4,3 %. В-третьих, на азиатском континенте сформировалась иная тенденция. Доля ВВП КНР в мировом ВВП достигла 18,2 %, т. е. выросла на 3,1 %. Доля Индии увеличилась до 7,4 % [14, р. 219, 240]. При этом в КНР оказалась львиная доля обрабатывающей промышленности мира. Ни одна из стран мира (и прежде всего развитые) не обходится без продукции с маркировкой «Сделано в Китае».

Уступая мировое лидерство по общеэкономическим показателям и обрабатывающей промышленности, США сохранили передовые позиции по другим параметрам – финансовая сфера и цифровизация экономики. Однако для обеспечения национальной экономической и военной безопасности США именно обрабатывающая промышленность в третьем тысячелетии вновь стала ведущим фактором.

Фундамент независимости – обрабатывающая промышленность

История становления американской экономики после обретения независимости США напрямую связана с государственной поддержкой обрабатывающей промышленности. В конце XVIII в. в стране 90 % населения проживало в сельской местности. Молодое государство по промышленным товарам практически целиком зависело от Великобритании, экономика которой в три раза превосходила американскую. Если в США в то время производились товары для потребления домохозяйств, то в Великобритании уже разворачивалась промышленная революция, которая позволила Англии стать «мастерской мира». В США понимали, что политическая независимость страны может стать прочной, если она будет опираться на мощный промышленный фундамент. Александр Гамильтон, генерал революционной армии в войне за независимость, вошел в администрацию первого президента США Дж. Вашингтона, заняв должность министра финансов; он направил в палату представителей Конгресса три доклада: О государственном кредите (январь 1790 г.), О национальном банке (декабрь 1790 г.) и О промышленности (5 декабря 1791 г.) Эти доклады заложили основу роли федеральных властей и содержание экономической политики по системному формированию американской рыночной модели [10, р. 173–276]. Тематика докладов четко показывает, что *государство может и должно создать все условия не только для старта экономического развития, но и для перманентного движения вперед при адекватных времени кредитах и налогах*. Дальнейший ход истории подтвердил, насколько глубоко понимал А. Гамильтон закономерности экономики, чтобы не идти против них, а использовать их в практической деятельности [8, р. 26–29].

Обрабатывающая промышленность получила поддержку не только внутри страны, но и вне ее. Таможенные пошлины оградили от относительно дешевых изделий английской промышленности. Политика протекционизма при одновременном стимулировании со стороны федерального и штатных правительств позволила обрабатывающей промышленности, целиком представленной частным бизнесом, довольно быстро стать конкурентоспособной на мировом уровне. Однако уже в тот период стало ясно, что даже в условиях открытой экономики без взаимодействия бизнеса и государства компаниям трудно отвечать на мирохозяйственные вызовы. *Защита «национального мундира» своих фирм и сегодня является мировым трендом*. И здесь США не упускают лидерство.

5 декабря 2016 г. США отметили 225-летие доклада А. Гамильтона о промышленности. Подчеркивалось, что, хотя американская экономика повсеместно овладевает

цифровыми технологиями, по-прежнему актуальны заявления А. Гамильтона об особой важности для страны обрабатывающей промышленности, которая генерирует разнообразную занятость с растущей производительностью, используя машины и высококвалифицированных работников, что обеспечит стране независимость от других государств в военной и других сферах. Он также отмечал, что обрабатывающая промышленность совместно с сильным аграрным сектором сделает США величайшей экономической державой в мире. Так и произошло. Понятно, что в этом процессе сыграли свою роль многие факторы, но стержнем развития всегда оставалась обрабатывающая промышленность.

С октября 2011 г. в США стали ежегодно отмечать день обрабатывающей промышленности. А в 2016 г. президентом США был официально провозглашен общенациональный День обрабатывающей промышленности (первая пятница октября), когда празднуются и отмечаются достижения и мотивируются новые поколения промышленников. Обычно под эгидой федерального правительства организуется серия мероприятий по всей стране для популяризации промышленности среди населения, особенно подрастающего поколения. В этот день проводится День открытых дверей во всех компаниях обрабатывающей промышленности.

В стране создана национальная сеть «Государственно-частное партнерство развития обрабатывающей промышленности», которая имеет отделения во всех 50 штатах и Пуэрто Рико. Эти отделения через более чем 400 сервисных центров оказывают консультационную поддержку компаниям малого и среднего бизнеса. Партнерство объединило 26313 промышленных компаний, объем продаж которых в 2017 г. составил 12,6 млрд долларов и 3,5 млрд долларов новых инвестиций. Это позволило создать за год более 100 тысяч новых рабочих мест.

Для подготовки граждан к работе в обрабатывающей промышленности в современных условиях возникла общеамериканская сеть «Обрабатывающая промышленность США», которая объединяет различные институты, нацеленные на активную совместную работу по преодолению технических барьеров, подключению государственных и штатных возможностей и оборудования для подготовки будущей рабочей силы. Девиз сети – *мы конкурируем за каждого из вас, а не против каждого из вас*.

При анализе размещения обрабатывающей промышленности по штатам и городам США американцы часто вспоминают слова профессора У. Р. Томпсона: «Назови мне свою отрасль, и я скажу о твоём будущем» [12]. Действительно, промышленный ландшафт Америки с тех пор сильно изменился. Обрабатывающая промышленность не только относительно сократила свою долю в ВВП страны, но и существенным образом повлияла на судьбу отдельных территорий и городов. Если в 1965 г. Детройт по праву считался автомобильной столицей страны, то к концу XX в. от его величия мало что осталось. Американцы стали чаще покупать зарубежные автомобили. Подобная участь постигла и многие другие города, тесно связанные с металлургией, металлообработкой и другими видами производств. Недалеко ушли и такие традиционно высокотехнологичные компании, как ИБМ. С 1980-х гг. ее персонал сократился почти на 75 %, были закрыты заводы, составляющие экономическую опору небольших городов. Резко обострилась проблема занятости. Безработица достигла пика во время экономического кризиса 2007–2009 гг. И только к 2018 г. она опустилась до естественного уровня – около 4 %. В условиях цифровизации компании стали под разными предлогами увольнять работников, принуждая их досрочно выходить на пенсию. Растет число людей с неполной занятостью – работающих меньше 35 часов в неделю (в 2016 г. – 27,7 млн чело-

век). При этом 4,7 млн человек (3,1 % от всех занятых в стране) имели такой статус по экономическим причинам, а не добровольно [5, р. 1–25].

Экономические причины влияют и на численность профсоюзов. Традиционно крупные компании промышленности имели большие профсоюзные объединения, но поскольку именно такие компании сокращали свой персонал, уменьшалась и основа для профсоюзов. А новые компании старались обходиться без профсоюзов. Если в 1983 г. 20,1 % всех занятых (17,7 млн человек) входили в профсоюзы, то в 2017 г. доля членов профсоюзов упала почти вдвое – до 10,7 % (14,8 млн человек). При этом в обрабатывающей промышленности членами профсоюза считали себя 1461 тыс. работников (13,6 % от всех членов профсоюзов страны) [13]. Фактически только каждый десятый работник компаний обрабатывающей промышленности является членом профсоюза. Как известно, в своих правах члены профсоюза больше защищены перед компаниями, чем остальные работники.

Из табл. 1 видно, что за один год число занятых в обрабатывающей промышленности сократилось на 0,5 %, но выросло в компаниях, производящих транспортные средства (особенно в автомобилестроении), на 5,3 %. Немного отличается динамика производственных рабочих. В целом, по обрабатывающей промышленности в 2016 г. (по сравнению с 2015 г.) их численность уменьшилась на 1,1 %. И хотя в машиностроении число производственных рабочих сократилось на 6,4 %, в автомобилестроении их количество выросло на 5,8 %. Нельзя не заметить, что в 2016 г. в американском автомобилестроении было 82360 занятых, среди которых 71122 производственных рабочих. В общем числе занятых в обрабатывающей промышленности производственные рабочие составляют почти 70 %. При расчете производительности труда, как правило, прежде всего принимается во внимание выработка именно производственных рабочих, хотя при общих подходах определяется выпуск на одного занятого вообще.

Рассмотрим показатели, которые характеризуют промышленность в воспроизводственном ракурсе за период 2015–2016 гг.

Таблица 1

Число занятых в отдельных отраслях обрабатывающей промышленности США, чел. (составлено и подсчитано автором по [1, pp. 3–76, 180–256])

Отрасль	2015 г.	2016 г.	Уменьшение/ увеличение, %
Вся промышленность	11168264	11112764	-0,5
Металлургическое производство	379426	364199	-4,1
Машиностроение	1042664	988688	-5,2
Полупроводники и другие электронные компоненты	255263	250257	-2,0
Транспорт и транспортные изделия	1470862	1478941	0,5
В том числе колесные изделия	190464	197666	3,8
В том числе автомобилестроение	78185	82360	5,3

Окончание табл. 1

Отрасль	2015 г.	2016 г.	Уменьшение/ увеличение, %
<i>Производственные рабочие</i>			
Вся промышленность	7813966	7733162	-1,1
Металлургическое производство	297279	283625	-4,6
Машиностроение	657473	615740	-6,4
Полупроводники и другие электронные компоненты	154345	148921	-3,6
Транспорт и транспортные изделия:	1056818	1050089	-0,6
В том числе колесные изделия	165081	170775	3,4
В том числе автомобилестроение	67210	71122	5,8

С формальной точки зрения почти все показатели демонстрируют отрицательную динамику. Однако смысл снижения или роста показателей качественно различен. К примеру, нетрудно видеть, что в отрасли повышается эффективность использования топлива и электроэнергии, тем самым уменьшилась энергоемкость выпускаемой продукции. Компании отрасли смогли на 6,6 % увеличить продажи электроэнергии в другие отрасли, сокращая при этом ее выработку в своей отрасли. За счет увеличения экономии на закупленных материалах уменьшилась стоимость потребленных, что означает сокращение материалоемкости выпускаемой продукции. Хотя число отработанных производственными рабочими часов сократилось на 2 %, их годовая зарплата выросла на 0,9 %, что косвенно свидетельствует о росте производительности труда. При этом сокращается кооперация со сферой услуг, за исключением собственных работ по поддержанию оборудования и зданий в необходимом для качественной работы состоянии. Особенно заметно выросли затраты (16 %) на транспортные средства для собственных перевозок отрасли. В обрабатывающей промышленности сокращаются запасы готовой продукции на начало и конец года, что свидетельствует о развитии производства по заказам потребителей на определенные сроки. Тем самым ускоряется оборот капитала, что способствует росту доходов и сокращению капитальных затрат [1].

Однако нельзя не обратить внимание на то, что компании обрабатывающей промышленности наращивают расходы на содержание и закупку компьютерного оборудования и соответствующего программного обеспечения. Цифровые технологии сильно изменяют структуру и управление компаний, но одновременно им приходится решать задачи по обеспечению кибербезопасности своих локальных сетей.

Как раз в период, когда США достигли пика своего лидерства в мире (конец XX – начало XXI в.), темпы роста производительности труда стали снижаться. Тогда стали проводиться многочисленные исследования по выявлению причин снижения темпов. Как выяснилось, одна из главных причин – перемещение эффективных обрабатываю-

щих производств в развивающиеся страны, прежде всего в КНР. Причем именно высокотехнологичные компании информационного сектора разместили изготовление своей продукции вне США. Это тоже повлияло на общие показатели производительности. Известный американский ученый, много лет возглавлявший Национальное бюро экономических исследований, профессор Гарвардского университета Мартин Фельдстейн посвятил несколько работ изучению проблем экономического роста и влиянию на него производительности в последние десятилетия [7].

Другие исследователи показали, что отрицательное влияние на уровень производительности и состояние обрабатывающей промышленности оказывает практика офшоризации бизнеса крупными американскими транснациональными компаниями. Даже если компания сохраняет предприятия в США, но регистрируется в офшорах, она не показывает свои реальные результаты, занижая, в том числе, полученную прибыль. Из-за такой практики ежегодно в 2008–2014 гг. объем добавленной стоимости в стране в среднем недополучал 2 %, или 280 млрд долларов [9, р. 27]. В других странах офшоризация еще больше сокращала добавленную стоимость и весь ВВП.

Не случайно федеральное правительство США не просто развернулось в сторону обновления обрабатывающей промышленности и возвращения предприятий американских компаний в страну, но и стало строго регулировать взаимодействие транснациональных фирм с офшорными зонами.

Обрабатывающая промышленность в сервисном окружении

Ключевую роль в оценке роли отдельной отрасли занимает ее доля в ВВП страны. Другим существенным индикатором выступает занятость – распределение работников по отдельным отраслям и видам деятельности. Либеральная экономическая модель подтверждается тем фактом, что в последние годы доля частных отраслей колеблется вокруг 88 %, а в 2016 г. приблизилась к 89 %. Это значит, что общественный сектор занимает чуть больше 10 %. Но все остальные товары и услуги обеспечиваются частным сектором. Налицо тенденция сокращения доли обрабатывающей промышленности: 20,3 % – в 2008 г., 17,8 % – в 2016 г. [3]. Известно, что в 2008 г. страна находилась в состоянии рецессии, но циклический кризис не отменил указанную тенденцию, имеющую глубокие технологические корни. В рамках обрабатывающей промышленности динамика выпуска товаров как *длительного*, так и *текущего пользования* с небольшими отклонениями отражает изменение параметров всей обрабатывающей промышленности.

Обратим внимание на отрасли, которые определяют суть экономики США в условиях утверждающегося господства информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в их сетевом исполнении. Если в 2008 г. доля отраслей информации равнялась 4,6 %, то через 8 лет она повысилась до 5 %. Доли финансовой сферы выросли почти на 1 %, еще выше рост показателей сфер образования, здравоохранения, профессиональных и деловых услуг. Несмотря на повышение значимости государственных институтов для защиты прав собственности, прав личности и потребителя, обеспечения кибербезопасности в современном сетевом обществе доля государства в ВВП постепенно уменьшается, но одновременно растут дефицит федерального бюджета и государственный долг США.

С точки зрения рыночной экономики товары и услуги на рынке являются равноправными. Они продаются и покупаются, не делятся на материальные и нематериальные. Однако их функции и функции отраслей, их производящих, значительно разли-

чаются. Именно из-за функциональных особенностей товаров и услуг статистически экономика делится на две сферы: отрасли, выпускающие товары, и отрасли, предлагающие услуги.

Согласно данным табл. 2, абсолютное преимущество за сферой услуг: если в 2008 г. их доля составляла 59,6 %, то в 2016 г. она достигла 64 %. Интересно, что отрасли, производящие ИКТ, также делятся на две части: товары и услуги. Однако связь между ними настолько тесная, что они входят в один сектор экономики. По доле в ВВП динамика этого сектора по траектории напоминает изменение роли отрасли информации. За этим статистическим пересечением скрывается глубинная природа современной экономики США и других стран. Она заключается в том, что информационно-коммуникационные технологии на основе цифровизации, с одной стороны, связывают все отрасли и все аспекты общества в единое онлайн-пространство, а, с другой – унифицируют внутриотраслевые модели управления, а также сбора, хранения и использования различных баз данных. Не только финансовый сектор, но и многие другие части экономики получили возможность работать в режиме реального времени, что особенно важно в условиях глобальных связей большинства стран и компаний.

Таблица 2

**Функциональная структура экономики США в текущих ценах
(составлено и подсчитано по [3])**

Группы отраслей	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2016 г.	
	Выпуск, млрд долл.	Доля, %	Выпуск, млрд долл.	Доля, %	Выпуск, млрд долл.	Доля, %	Выпуск, млрд долл.	Доля, %
Отрасли, производящие частные товары ¹	7696,8	28,9	6282,0	25,5	6836,9	26,2	7941,3	24,7
То же частные услуги ²	15993,0	59,6	15143,9	61,4	15917,1	61,0	20538,3	64,0
Отрасли, производящие ИКТ ³	1493,9	5,6	1422,4	5,8	1497,8	5,7	1942,1	6,0

1. Сельское, лесное, рыболовное, охотничье хозяйство, добывающая промышленность, строительство и обрабатывающая промышленность.

2. Коммунальное хозяйство, оптовая и розничная торговля, транспорт и складское хозяйство, информация, финансы, страхование, недвижимость, аренда, лизинг, профессиональные и деловые услуги, образовательные услуги, здравоохранение, социальная помощь, искусство, развлечения, общественное питание, другие услуги, кроме государственных.

3. Производство компьютеров и электронных изделий (исключая навигационное, измерительное, электронно-медицинское и контрольно-измерительное производство), программное обеспечение, радио- и телевидение, информационное обеспечение, базовое и взаимосвязанное обслуживание, интернет-издания и вещание, поисковые порталы, дизайн компьютерных систем и соответствующего сервиса.

Сервисное доминирование в американской экономике становится еще более очевидным, если рассмотреть, как распределяется занятость по отраслям и сферам. Вообще, распределение рабочих мест по отраслям наиболее точно характеризует структуру национальной экономики. Доля занятых в отраслях, производящих услуги, в 2016 г. достигла почти 86 % (с учетом неаграрных самозанятых) от общего числа рабочих мест в стране. Доля сферы услуг по параметру занятости намного превышает долю по выпуску в ВВП – около 70 %. Что же касается отраслей, производящих товары, то здесь ситуация иная. Работники этих отраслей вместе с аграрным сектором составляют 14,1 % от всех занятых в 2016 г. Между тем в этом же году ими выпущено товаров в количестве почти 25 % ВВП. [3]. Получается, что производительность работников, выпускающих товары, значительно выше средней производительности занятых в сфере услуг.

Конечно, сфера услуг неоднородна. В структурах государственного управления всех уровней в 2016 г. – 22,3 млн человек, или 14,2 % от всех занятых в стране. Примерно столько же работников (14,1 %) трудятся в отраслях, производящих товары. Известно, что характер занятости в бизнесе и на государственной службе сильно различается. У чиновников зарплаты ниже, но зато трудоустройство у госслужащих носит почти гарантированный характер, что и предопределяет относительную стабильность спроса на рынке со стороны потребителей указанной категории.

Рабочие места среди отраслей сферы услуг распределены неравномерно: более 10 % работников занято в таких отраслях, как розничная торговля, профессиональные и деловые услуги, здравоохранение и отдых. Это свидетельствует о том, что распространение роботизации и цифровизации экономики происходит по-разному. Так, в информационной отрасли, несмотря на рост ее вклада в ВВП, число занятых сократилось как в абсолютном, так и в относительном выражении. Значит, здесь важную роль сыграло повышение производительности труда [4].

Если рассматривать десятилетний период (2006–2016 гг.), то за это время отраслевая структура американской экономики изменялась в пользу сферы услуг, разнообразие которых возрастает. С одной стороны, распространение цифровизации экономики унифицирует многие процессы, а с другой – происходит усиление индивидуализации спроса, что требует индивидуального подхода к каждому потребителю даже на основе массового, конвейерного производства и сетевой организации розничной торговли. В здравоохранении современные технологии произвели поистине глубинную революцию, что не снижает занятость в данной отрасли, наоборот, число работников разных профессий растет в абсолютном и относительном выражении. А дебаты в разных странах, включая США, о назревших реформах здравоохранения в значительной мере нацелены на решение вопросов доступности медицинских услуг для большинства населения. Парадокс цифровизации и растущей технологической оснащенности здравоохранения состоит в том, что при этом происходит, как правило, не удешевление, а удорожание медицинского обеспечения (включая профилактику заболеваний) [6, р. 219–278]. Не случайно как в научной, так и в научно-популярной литературе все чаще ставится вопрос о цене прогресса на базе цифровых и других высоких технологий, роботов и искусственного интеллекта [6, р. 48–62]. Такая цена имеет не только денежное выражение, но и нравственно-социальное, и ментально-психологическое.

При сравнении отраслевой структуры национальной экономики со структурой ее экспорта нетрудно видеть, что в развитых странах в экспорте преобладают товары обрабатывающей промышленности. Получается, что конкурентоспособность национальной экономики зависит преимущественно от состояния обрабатывающей промышленно-

сти. У американского бизнеса вызывает тревогу тенденция относительного затухания темпов роста производительности труда. Если за период 1953–2017 гг. производительность ежегодно росла в среднем на 2,2 %, то за последние девять лет 2007–2016 гг. темп роста едва достигал 0,5 % в год [6, р. 420]. Определенное влияние на снижение темпов роста производительности труда оказал мощный экономический кризис 2007–2009 гг. Не совсем оправдались также надежды на информационные технологии, которые в этот период повсеместно активно внедрялись, но слабо изменили производительность труда в экономике в целом. Поэтому США озабочены не только обеспечением занятости в традиционных отраслях, но и стимулированием роста производительности труда как главного фактора конкурентоспособности страны в мировом хозяйстве. Это обстоятельство подтверждает особую значимость обрабатывающей промышленности в любой национальной экономике.

О роли и месте цифровизации

Поскольку в основе ИКТ находится Интернет, построенный на цифровых технологиях, поэтому все большее распространение получает выражение «цифровая экономика». Так как большинство населения и все отрасли экономики, бизнес, общественные и государственные структуры не видят современной деятельности без ИКТ, термин «цифровая экономика» стал синонимом современной, новой экономики вообще. Однако такое широкое толкование цифровой экономики размывает конкретный вклад ИКТ как в развитие отдельных отраслей и сфер экономики, так и в формирование ВВП страны. С практической и теоретической точек зрения возникла острая потребность выявить, какие именно товары и услуги производит цифровая экономика и как это можно фиксировать статистически. Без налаженного учета невозможно оценить параметры влияния цифровой экономики на динамику ВВП и качество жизни населения, перспективы занятости и цикличности экономического роста.

Бюро экономического анализа (БЭА) Министерства торговли США, главного экономического ведомства федерального правительства, выпустило исследования об определении и измерении цифровой экономики [2]. Специалисты БЭА предложили начать с узкого определения цифровой экономики, которое включает те виды деятельности, которые уже учитываются статистически и выступают как производство реально используемых товаров и услуг. Изначально производство товаров специфического назначения для создания и распространения цифровых технологий составляет материальную, физическую базу цифровой экономики. И в этой части цифровая экономика становится новым составным элементом обрабатывающей промышленности. Одновременно цифровизация видоизменяет и традиционные отрасли обрабатывающей промышленности, без которых невозможно экономическое развитие и в эпоху четвертой промышленной революции.

В состав цифровой экономики предложено включить:

- цифровую инфраструктуру для обеспечения компьютерной сети и ее деятельности;

- цифровые транзакции, прежде всего в виде электронной торговли;
- цифровой контент, который пользователи создают и расширяют.

При этом цифровая инфраструктура, состоящая из физических изделий и организационных форм, составляет основу цифровой экономики. Она включает:

- компьютерные изделия и обеспечивающие их функционирование высокотехнологичные товары – мониторы, драйверы, полупроводники и др.;

- программное обеспечение для компьютеров, персональных и коллективного пользования;
- телекоммуникационное оборудование и сервисы;
- структуру из зданий и сооружений для размещения всех элементов цифровой экономики;
- интернет вещей, позволяющий соединить соответствующие изделия для взаимодействия;
- поддерживающие услуги, обеспечивающие консультации и ремонтные работы [2, р. 3–8].

Даже краткое описание содержания цифровой экономики показывает, что она открывает новые горизонты для деятельности людей, меняет их образ жизни и создает новые вызовы. По подсчетам БЭА, с 2006 по 2016 г. реальная добавленная стоимость в цифровой экономике США ежегодно росла на 5,6 %, в то время как ВВП страны увеличивался на 1,5 %. В 2016 г. в отраслях цифровой экономики было занято 5,9 млн человек (3,9 % от всех занятых в стране – 150,3 млн человек). Среднегодовая зарплата работников цифровой экономики составила 114275 долларов при средней по стране годовой зарплате в 66498 долларов [2, р. 4]. Подчеркнем, что вклад цифровой экономики в национальный экономический рост превышает ее долю в ВВП. В 2016 г. американский ВВП вырос на 1,5 %, из них 0,41 процентных пункта – вклад цифровой экономики. Характерно, что все сектора цифровой экономики росли быстрее других отраслей. Так, производство товаров цифровой экономики увеличилось на 9,1 %, а услуг – на 5,0 % [2, р. 12].

Авторы доклада «Определение и измерение цифровой экономики» предлагают всем заинтересованным лицам подключиться к решению терминологических, статистических и практических вопросов цифровой экономики. От точной и правильной оценки этого феномена очень многое зависит как в развитых, так и в развивающихся странах.

Цифровизация меняет не только экономический ландшафт, она по-разному видоизменяет каждое рабочее место. Вместе с тем и в этих условиях обрабатывающая промышленность сохраняет свою роль фундаментальной основы экономического развития. Модификация обрабатывающей промышленности под воздействием цифровизации не умаляет, а увеличивает ее значение.

Выводы

1. Для сохранения и развития современного мира требуется все больше различных ресурсов и не все они являются возобновляемыми. Среди стран растет конкуренция как за ресурсы, так и за рынки сбыта. Наступившая эра цифровизации не меняет сути экономической деятельности, но сильно изменяет экономическую среду. В этих условиях развитые страны возлагают надежды на обрабатывающую промышленность. Товары высокого уровня обработки определяют конкурентоспособность национальной экономики в мировой торговле, где по-прежнему более 70 % оборота – это продукция обрабатывающей промышленности [15, р. 10–15].

2. Обрабатывающая промышленность любой страны сталкивается с внутринациональными и общемировыми вызовами. Внутри страны многое зависит от национальной экономической модели. Наглядный пример – судьба обрабатывающей промышленности в США и КНР в последние 25 лет. Если широкая гамма товаров с лейблом «Сделано в Китае» пользуется всемирным спросом, то США любыми методами хотят восстановить свое лидерство. Россия при переходе к рыночной модели рассчитывала все купить

на мировом рынке и забросила собственное производство. И только внешние экономические санкции заставили возрождать свою промышленность и экономику в целом. Особое значение приобретает защита окружающей среды, которая стала общемировой проблемой. Здесь не обходится без национального эгоизма, когда отдельные страны игнорируют международные договоренности.

3. Особые вызовы и перспективы обрабатывающей промышленности связаны с цифровизацией. С одной стороны, цифровизация способствует повышению производительности труда; позволяет заменить рутинный труд использованием роботов и других изделий с искусственным интеллектом; за счет использования безотходных технологий обеспечивается щадящее отношение к окружающей среде. С другой стороны, сокращение доли обрабатывающей промышленности в ВВП развитых стран приводит к снижению занятости, которое не компенсируется ростом числа рабочих мест в сфере услуг [11]. Решение этой проблемы – общенациональная задача каждой страны. Только системный подход к образованию, науке, здравоохранению позволяет подготовить граждан к глубоким переменам в экономике и, в частности, обрабатывающей промышленности.

Список литературы

1. 2016 Annual Survey of Manufactures. – U.S. Census Bureau, 2017. – P. 270–1983.
2. *Barefoot, K.* Defining and Measuring the Digital Economy / K. Barefoot, D. Curtis, W. Jolliff, J. R. Nicholson, R. Omohundro // BEA Working Paper. – Washington, D. C. – 2018. – March 15. – 24 p.
3. Bureau of Economic Analysis Composition of Gross Output by Industry. www.bea.gov
4. Bureau of Labor Statistics. 12.03.2018. www.bls.gov
5. *Dunn, M.* Who choose part-time work and why / M. Dunn // Monthly Labor Review. – 2018. – March. – P. 1–25.
6. Economic Report of the President. Together with the Annual Report of the Council of Economic Advisers. – Washington, D.C. – 2018. – February. – 563 p.
7. *Feldstein, M. S.* Underestimating the real growth of GDP, Personal Income and Productivity / M. S. Feldstein // NBER Working Paper 23306. – Cambridge, Ma. – 2017. – March. – 27 p.
8. *Gaspar, V.* Fiscal Politics / V. Gaspar, D. Amaglobili // Finance & Development. – 2018. – March. – P. 26–29.
9. *Guverer, F.* Offshore profit shifting and domestic productivity measurement / F. Guverer, Jr. Mataloni, D. J. Rassier, K. J. Ruhl // NBER Working Paper 23324. – Cambridge, Ma. – 2017. – April. – 38 p.
10. *Hamilton, A.*, 1791. Report on Manufactures, Communicated to House of Representatives December 5, 1791. In Alexander Hamilton. Papers on Public Credit, Commerce and Finance. Ed. By S. McKee, Jr. – New York: Columbia University Press. – P. 173–276.
11. Productivity and Jobs in a Globalized World (How) can all regions benefit? – Paris: OECD Publishing Press, 2018. – 188 p.
12. *Thompson, W. R.* A Preface to Urban Economics / W. R. Thompson // Baltimore, the Johns Hopkins Press. – 1965.
13. Union Members – 2017 // News Release Bureau of Labor Statistics. – 2018. – January 19.
14. World Economic Outlook «Cyclical Upswing, Structural Change», April 2018. – Washington, IMF 2018. – 302 p.
15. World Trade Statistical Review. – 2017. – P. 10–15.

A. A. Porokhovsky. Processing industry: modern challenges and prospects. The article considers the fortune of manufacturing in the developed countries' economy including digital economy epoch and growing role of service sphere. Last and to-day manufacturing remains the foundation of any countries' economic independence and defines its competitiveness level in the world. Digitalization does not change market model.

Keywords: manufacturing, productivity, national economic independence, competitiveness, digital economy.

Г. А. Маслов¹, Н. Г. Яковлева²,

**«ФОРСАЙТ «РОССИЯ»: НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.
БУДУЩЕЕ»**

Дается обзор IV Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2018), состоявшегося 2 апреля 2018 г. Особое внимание уделяется возможностям ускоренного социально-экономического развития в России и мире на основе потенциала новых технологий, четвертой промышленной революции, перехода к ноономике, интеграции производства, науки, образования в контексте новых вызовов. Приводится краткое изложение подходов к этим проблемам ведущих ученых, выступивших спикерами на пленарном заседании.

Ключевые слова: СПЭК-2018, ноономика, НИО.2, четвертая промышленная революция, высокотехнологичное производство, интеграция производства, науки и образования.

УДК 330.354

2 апреля 2018 г. состоялся четвертый Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2018) «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее» [3], организованный Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте (Санкт-Петербург) при поддержке Вольного экономического общества России (ВЭО России) (Москва). СПЭК объединяет на своей площадке широкий круг ведущих экспертов в сфере экономики, промышленности, науки и образования.

В этом году в работе приняли участие около 700 человек: ведущие теоретики в сфере экономики, руководители образовательных и научных организаций, предприятий реального сектора экономики, общественные деятели, представители научной и образовательной общественности. В конгрессе участвовали также зарубежные ученые-экономисты из Франции, Австрии, Италии, Греции, Китая, Великобритании Эстонии и Беларуси.

Основные темы дискуссий: современные драйверы социально-экономического развития в России и мире; четвертая промышленная революция и цифровизация; государство и система образования в новой экономике; потенциал различных экономикотeorетических направлений в новой реальности; вызовы реиндустриализации российской экономики и др. Основными задачами конгресса можно назвать оценку трендов и рисков глобального цивилизационного развития на перспективу (20–30–50 лет); оп-

¹ Глеб Андреевич Маслов, аспирант экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, научный сотрудник Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте.

² Наталья Геннадьевна Яковлева, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН и Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, канд. экон. наук.

ределение пути, по которому Россия сможет войти в это будущее, а также ключевых векторов развития, которые обеспечат технологическое лидерство и будут способствовать созданию условий для реализации огромного потенциала наших людей.

На открытии мероприятия участников конгресса приветствовал вице-губернатор Санкт-Петербурга С. Н. Мовчан.

На первой пленарной сессии (модератор – **А. В. Бузгалин**, руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ имени М. В. Ломоносова, руководитель московского отделения Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор) выступили ведущие ученые страны:

Сергей Дмитриевич Бодрунов, президент конгресса, д-р экон. наук, профессор, президент ВЭО России, директор ИНИР им. С. Ю. Витте (Санкт-Петербург),

Виктор Викторович Ивантер, академик РАН, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва),

Сергей Юрьевич Глазьев, академик РАН, д-р экон. наук, профессор, советник Президента Российской Федерации (Москва),

Гавриил Харитонович Попов, академик РАЕН, д-р экон. наук, профессор, почетный президент ВЭО России (Москва),

Роберт Искандерович Нигматулин, академик РАН, д-р физ.-мат. наук, профессор, член Президиума РАН, научный руководитель Института океанологии РАН имени П. П. Ширшова (Москва),

Олег Николаевич Смолин, академик РАО, д-р филос. наук, профессор, первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы ФС РФ (Москва),

Руслан Семенович Гринберг, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН (Москва),

Дмитрий Евгеньевич Сорокин, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ (Москва),

Георгий Борисович Клейнер, член-корреспондент РАН, академик РАЕН, д-р экон. наук, профессор, член президиума ВЭО России, зав. кафедрой системного анализа и моделирования экономических процессов Финансового университета при Правительстве РФ, заместитель директора ЦЭМИ РАН,

Яков Моисеевич Миркин, д-р экон. наук, профессор, заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН.

С. Д. Бодрунов, основной спикер пленарной сессии, посвятил свой доклад вопросу становления ноономики как следствию ускоренного технологического развития общества и, в частности, проявлению достижений четвертой промышленной революции.

Докладчик отметил, что осознание будущих перемен ставит вопросы о грядущих изменениях в производственной системе и в жизни населения, о том, как с ними будет справляться общество и можно ли к ним подготовиться?

Отмечается, что новое производство не соответствует представлениям о «постиндустриальном обществе». На самом деле изменения существуют внутри самого материального производства, поэтому следует говорить о реиндустриализации на качественно ином базисе.

С. Д. Бодрунов подчеркнул, что становление следующей стадии развития – НИО.2 [1], которое является реализацией закона отрицания отрицания («новое индустриальное общество» Дж. К. Гэлбрейта – миражи «постиндустриализма» – НИО.2), воспроиз-

ведением господства индустрии. Однако эта индустрия имеет иное качество, его отличительная черта – переход к знаниеемкому материальному производству, ведущему к последовательным трансформациям во всей социально-экономической сфере. Движение к НИО.2 обуславливает необходимость системного реформирования экономических отношений (развитие активной индустриальной политики, стратегического планирования, форм государственно-частного партнерства, интеграцию производства, науки и образования и т. д.).

С. Д. Бодрунов указал, что человечество стоит на пороге качественного скачка. Таланты и знания человека, а не вещественные ресурсы станут источником и двигателем развития. Стремление к познанию и самосовершенствованию вытеснит желание погони за симулятивными потребностями; различия между людьми будут определяться, главным образом, неравенством способностей, а не имущественным различием.

Начавшиеся изменения ведут к появлению качественно нового феномена – **ноономики** [2] – хозяйственной системы, отличающейся от экономики отсутствием отношений людей в процессе материального производства.

Перед обществом стоит жесткий выбор будущего между ноономикой и глобальной катастрофой. При этом велика вероятность стагнации: снижение темпов роста ВВП, застой в развитии общественных институтов. Только те страны, которые найдут правильную реакцию на новые вызовы, смогут занять достойные позиции в будущем мире.

Россия обладает достаточным потенциалом для прорыва благодаря наличию заделов в сферах культуры, образования, науки – главных «ресурсах» для продвижения к НИО.2 и ноономике. И этот потенциал необходимо приумножать.

В. В. Ивантер отметил, что политика властного финансово-экономического блока в нашей стране во многом препятствует реализации основных направлений социально-экономического развития, указанных Президентом России в последнем послании Федеральному собранию. Предложенные ежегодные темпы роста производительности труда в 5...6 %, достижение уровня накопления в 25...27 % представляются абсолютно реальными. Но важны не эти цифры сами по себе, а обеспечение качественного развития.

Докладчик подчеркнул необходимость ориентации на результат, а не на выстраивание некой «идеальной» идеологической конструкции – об этом говорит исторический опыт. Отношение к бизнесу не должно строиться на понятиях «любить/не любить», оно должно быть прагматичным, в частности, выражаться в мерах, стимулирующих спрос на инвестиции.

Основные проблемы: «забалтывание» потенциально перспективных инициатив и усложнение механизмов их реализации (пример – Институт проектного финансирования).

К крупным успехам докладчик относит: обеспечение запасами энергии, достижение продовольственной безопасности и активное развитие оборонно-промышленного комплекса. При использовании «нормального» исполнительного механизма, который проявился в этих случаях, в других отраслях возможны большие достижения в экономике в целом, выражающиеся в среднегодовом росте ВВП выше 6 %.

С. Ю. Глазьев в своем докладе отметил, что концепция новой индустриализации – это большой теоретический шаг вперед (в сравнении с различными теориями постиндустриального общества). При этом она успешно сочетается с разработками в области смены технологических укладов, больших циклов. Докладчик подчеркнул: «Можно отследить закономерность глобальных технико-экономических изменений и свя-

зять их с достаточно хорошо прогнозируемыми трендами экономического роста – эти процессы происходят волнообразно. Кроме того, волнообразно развиваются и институциональные системы.

Сегодня мы находимся как раз на фазе смены эпох: одновременно меняются технологическая структура экономики и происходят революционные перемены институтов, хотя отношения внутри последних и между ними более инерционны. Современная технико-экономическая архитектура позволяет прогнозировать формирование нового технологического уклада (сегодня отрасли его ядра растут темпами примерно 35 % в год), и в этой связи можно говорить о выстраивании оптимальной стратегии технико-экономического развития».

Суть данной стратегии состоит в смещении политики импорта технологии в тех сферах, где Россия безнадежно отстала, и динамического ускорения там, где есть заделы. Наша страна может вписаться в новый мирохозяйственный уклад, который предлагает Китай в противовес разрушающейся американоцентричной финансовализированной модели. Новый уклад предполагает сочетание стратегического индикативного планирования с рыночной самоорганизацией, где главным ориентиром для власти является всеобщее благосостояние. Деньги эмитируются под заданную цель, а не ради обогащения любой ценой; активно развивается государственно-частное партнерство. Глазьев считает, что у России есть возможности, чтобы встать на путь нового мирохозяйственного уклада, приняв новый подход к денежно-кредитной политике, но, к сожалению, она буксует в прежней, тупиковой ветви развития. Так, согласно оценкам, за последние четыре года страна потеряла 20 трлн рублей в виде недопроизведенной продукции.

Г. Х. Понов затронул вопрос антиномий современного мира. Есть огромный разрыв между золотым миллиардом и остальным миром; молодежь продолжительное время учится в вузах, но не имеет карьерной определенности; существуют экологические проблемы при одновременном стремлении к безудержному потреблению. В нашей стране налицо противоречие между высоким потенциалом, амбициями народа и современной экономической политикой. Докладчик считает, что для разрешения этих проблем следует выйти за рамки прежнего образа мышления:

1) отказаться от подхода, ориентированного на потребление, в пользу обеспечения баланса между спросом и ресурсами (природы, общества);

2) для решения проблем обеспеченности ресурсами и бедности осуществлять глобальное регулирование рождаемости, сдерживая ее бурный рост (хотя в некоторых странах, в том числе в России, проблема обратная);

3) экономика должна подстроиться под изменения в цикле жизни человека. Образование должно быть привязано к последующей трудовой деятельности. Надо позволить работать здоровым пожилым людям, а не выбрасывать их с рынка труда. Предметом анализа экономистов должна стать и сфера занятости женщин;

4) нужно готовиться к усилению массовой миграции в мире, в частности, необходим переход от концепции наций территориальных к нациям культурно-национальной автономии;

5) необходим переход от экономики всеобщего эквивалента к экономике прямых затрат. В финансовализированном мире, в котором начинает господствовать информационный труд, трудовая теория стоимости неприменима. Ценность информации, ресурса, физически неуничтожимого, в деньгах измерить невозможно. Будущее экономики – нефинансовое, финансовый капитал уйдет со сцены, и деньги будут использо-

ваться под конкретные проекты. Налоги следует брать не с доходов, а по затраченным ресурсам.

Ключевыми являются и будут являться вопросы справедливости. Сверхвысокие частные доходы, особенно передающиеся по наследству, должны идти на нужды всего общества.

Доклад **Р. И. Нигматулина** посвящен разным аспектам модернизации отечественной экономики. Он считает, что возобновляемая энергетика, революция в аккумуляторах и аддитивные технологии являются одними из ведущих факторов будущего ускорения роста экономики, но им должны соответствовать новые экономические отношения.

В России вызовы активной индустриализации, стратегического планирования решаются неудовлетворительно, немногим лучше ситуация в образовании и науке. Надежды на выправление ситуации существуют, но пока предпосылок к этому нет. В каких-то ключевых областях ситуация даже ухудшается.

Требуется повышение доли инвестиций в национальном доходе, которое должно быть инициировано государством; доли фонда оплаты труда для создания платежеспособного спроса и вложений в социальную сферу. Важно уделять первостепенное внимание топливно-энергетическому комплексу, обеспечив большую экономическую доступность энергоресурсов для населения.

России и миру в целом не хватает благоразумия при реакции на будущие вызовы, более здоровой оценки их значимости. Реформы, безусловно, должны быть решительными, но осмотрительными.

О. Н. Смолин в своем выступлении отметил в качестве недостатков отечественной системы экономию на человеке и его потенциале, кратко остановившись на нескольких аспектах. Низкая доля зарплат в произведенном продукте обуславливает низкий уровень заработка работника даже в сравнении с Турцией и Китаем, что приводит к негативным последствиям. Низкий спрос вкупе с малодоступным кредитом тормозит рост экономики, влияет на уход доходов в «тень», снижение пенсионных ресурсов. В сочетании с прогнозируемым повышением пенсионного возраста (почти половина мужского населения не будет доживать до пенсии) это дестимулирует внедрение новой техники в производство.

Необходимо, как минимум, в полтора раза повышать расходы на здравоохранение. Для успешной модернизации требуется двукратное увеличение вложений в образование, развитие форм образования в течение всей жизни. Это опосредованно помогает решать ряд, казалось бы, прямо не связанных с этим проблем. Например, вероятность того, что образованный человек совершит преступление, намного меньше. Грамотная политика в области науки должна препятствовать утечке умов.

Подводя итог, О. Н. Смолин подчеркнул, что экономия на собственном будущем недопустима, поскольку за нее придется заплатить двойную цену.

Р. С. Гринберг посвятил доклад современной российской экономической модели. Он считает, что кризис российской экономики последних лет является рукотворным. Сейчас сложилась ситуация инвестиционной паузы – это касается и государственных инвестиций.

Считая, что простых рецептов выхода из ситуации нет, докладчик подчеркивает важность социально-культурных особенностей страны, которые не могут поменяться за короткий период. В этой связи рост государственных инвестиций является первоочередной мерой.

Если природный и образовательный потенциалы используются, хотя и не самым эффективным и справедливым образом, то пространственный потенциал еще только предстоит реализовать. Необходимо масштабное строительство дорог и развитие транспортного сообщения различных видов, что невозможно без поддержки государства.

Выступление **Д. Е. Сорокина** началось с признания перехода общества в принципиально новую цивилизационную сущность, где изменятся фундаментальные основы ее функционирования. Уже сейчас достаточно четко просматриваются материально-технологические основы нового мира. Страны, которые не впишутся в новую модель, рискуют потерять свою субъектность и стать источником выкачивания ресурсов другими странами (это касается и России).

Руководством страны, в том числе Президентом, поставлены задачи адаптации к новым условиям и развития цифровой экономики. Однако здесь встает одна из основных не столько сугубо экономических, сколько обществоведческих проблем. Даже хорошие инициативы часто забалтываются. К примеру, в 2000-е гг. ставились амбициозные цели по увеличению доли компаний, регулярно осуществляющих инновации; принимались долгосрочные стратегии, государственные программы, однако ситуация существенно не изменилась.

В заключение Д. Е. Сорокин отметил чрезмерное упование на высшее руководство страны, подчеркнув, что без активной работы нижестоящих государственных и негосударственных институтов результат достигнут не будет.

Г. Б. Клейнер указал на необходимость обращения к всестороннему анализу: макро-, мезо-, микро-, наноэкономикам. Экономика не только объемна, но и многомерна.

Рассматривая российскую систему на «промежуточном» уровне, он подчеркнул, что основным драйвером экономики является отдельное предприятие. Однако через некоторое время промышленный ландшафт будет представлять собой прежде всего экономические экосистемы (термин – не авторский). Если продолжать ориентацию на отдельное юридическое лицо, предприятие, то теряется из виду пласт сложных взаимодействий, стоящих за процессами развития этой хозяйственной единицы.

Экономическая политика должна строиться на осознании роли таких экосистем, которые должны быть имплементированы в экономическую теорию как главные акторы. Важно научиться использовать системные ресурсы экономики.

«Сегодняшний и будущий ландшафт экономики требует осмысления, теоретической проработки и юридического оформления. Это сулит обществу большие вызовы, избежать ответов на которые попросту не получится».

С заключительным докладом на первой пленарной сессии выступил **Я. М. Миркин**. Он отметил, несмотря на рост продолжительности жизни, Россия по этому показателю далеко отстает от ведущих стран; сохраняются высокие технологические риски и зависимость от клиентов на рынках ресурсов; экономика инноваций до сих пор не создана, хозяйственный и финансовый механизмы настроены на стагнацию. При этом есть и позитивные итоги: сохраняются значительные объемы сырьевого экспорта, созданы локальные островки «экономического чуда», где за счет снижения административных барьеров, налоговых и кредитных стимулов удалось обеспечить рост (зерновое хозяйство, фармацевтика, ВПК, некоторые отрасли машиностроения).

На данный момент наиболее вероятно продолжение стагнационного сценария. Для перехода на траекторию развития нужен тип государства, готового взять курс

на либерализацию. Инструментами продвижения к новому качеству могут стать макро-экономическое программирование, которое позволит снизить ссудную ставку для малого и среднего бизнеса; подавление немонетарной инфляции; снижение налогового бремени и регулятивно-контрольных издержек; рост нормы накопления и ускоренная амортизация.

Отмечено, что для экономического могущества необходима мощная финансовая система.

На второй пленарной сессии «К новому качеству экономики» были представлены доклады руководителей профильных институтов РАН, вузов России и других стран.

А. Е. Городецкий (д-р экон. наук, профессор, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития», Институт экономики РАН) выступил с докладом по вопросам роли государства в новом индустриальном обществе. **П. С. Лемещенко** (д-р экон. наук, зав. кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета) посвятил доклад предпосылкам осуществления неоиндустриального развития, а **С. В. Киселев** (д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой агроэкономики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова) – вызовам развития АПК в современных условиях.

В. Т. Третьяков (декан Высшей школы телевидения МГУ имени М. В. Ломоносова) предложил видение развития отечественной экономики до 2024 г. **Е. Б. Ленчук** (д-р экон. наук, директор Института экономики РАН) и **В. Т. Рязанов** (д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета) осветили технологические стороны новой индустриализации и четвертой промышленной революции соответственно.

Греческий коллега **В. Такудис** (профессор, научный советник Института труда ГСЭЕ, Греция) охарактеризовал тенденции стратегической политики Евросоюза на ближайшие годы.

Докладчики второй пленарной сессии продолжили линию, начатую в первой части. Отмечались неизбежность и комплексность предстоящих изменений социально-экономической системы, вызванных технологическим прогрессом. Чтобы не оказаться среди отстающих, необходимо готовить основу для будущей модели экономики.

Пленарная конференция 1 «Россия в мировой экономике: драйверы социально-экономического развития» (в двух частях) собрала ученых и специалистов разных стран и профилей. Участники обсудили вопросы российской экономической системы, а также теоретический и практический опыт других стран, который может быть полезен отечественной экономике.

Выделим выступления следующих докладчиков.

А. В. Бугалин (руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ имени М. В. Ломоносова, руководитель московского отделения Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор) предложил сосредоточиться на целях развития, работающих не столько на цифры экономического роста, сколько на улучшение человеческого потенциала.

Х. Гарсия (профессор Университета Гаваны, Куба), обращаясь к опыту Кубы, отметил необходимость согласованности преобразований в экономической и политической сферах. Зачастую требуется их синхронность. Это остро проявляется, в частности, в вопросе целеполагания и реализации механизмов планирования.

Г. Киоди (профессор Университета Рима-Сапиенца, Италия) указал на опасную мировую тенденцию эксплуатации природных ресурсов в ущерб общественным интересам. Кроме экологической проблемы речь идет о разрушении уклада жизни населения, сложностях на рынке труда и т. д.

Ювен Ли (профессор Пекинского университета, Китай) как представитель страны, на опыт которой часто ссылались участники конгресса, более подробно рассказал об особенностях ускоренной китайской модернизации. Акцент был сделан на подготовке кадров с использованием специальных мер государственной политики как одной из основ стратегии долгосрочного развития.

Я. Толиос (Греция) обратился к потенциальным рискам, связанным с четвертой промышленной революцией: неравенству (как внутри стран, так и на международном уровне) и нестабильному положению на рынке труда.

Ж.-Л. Трюэль (профессор университета Париж XII Валь-де-Марн, Франция) отметил, что сегодня практически все страны реализуют промышленную политику; выделил пять точек опоры, на которые преимущественно ориентируются власти: инфраструктура, экология, фундаментальные исследования, контроль финансов, госкомпании. Акцент на той или иной «стороне» определяется многими факторами национальной специфики.

Р. М. Нуреев (д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ) в соавторстве с **Е. Г. Бусыгиным** (НИУ ВШЭ) говорили об опасности санкционной политики в отношении российского нефтегазового комплекса, поскольку в отечественном производстве велика доля импортных технологий.

А. Е. Варшавский (д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор, зав. лабораторией моделирования экономической стабильности ЦЭМИ РАН) на основе статистических данных проиллюстрировал крайнюю степень неравенства (прежде всего в распределении доходов) в России. Такая дифференциация, являясь проблемой самой по себе, приводит ко множеству негативных последствий, препятствующих всеобщему развитию.

Пленарная конференция 2 «Четвертая промышленная революция и цифровизация: какое будущее ждет экономику?» была посвящена вопросам будущих трансформаций и предпосылок, которые сформировались уже сейчас. Вызовы новых технологических форм создают как предпосылки для решения многих глобальных проблем, роста благосостояния населения, так и множество рисков. Непростая экономическая и геополитическая ситуация в нашей стране повышает ответственность при принятии политических решений. Однако Россия, обладая высоким потенциалом, имеет все возможности занять достойное место в будущем мире.

В рамках конгресса состоялась работа четырех семинаров и тринадцати «круглых столов», на которых был рассмотрен широкий круг экономических тем.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте. – 328 с.
2. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
3. URL: <https://inir.ru/spec-2018/>. Страница СПЭК-2018 на сайте ИНИР им. С. Ю. Витте.

G. A. Maslov, N. G. Yakovleva. «Foresight «Russia»: New Industrial Society. The Future». The article is devoted to review of the Fourth St. Petersburg economic congress (SPEC-2018) that was held on April 2, 2018. Topics concerned opportunities for accelerated socio-economic development of Russian and the world based on potential of new technologies, the Fourth industrial revolution, transformation to noonomic, integration of production, science, education in the context new challenges. There is a brief summary of the main approaches proposed by prominent scientists, who we speakers at the congress.

Keywords: SPEC-2018, noonomic, NIS.2, the Fourth industrial revolution, high-tech production, integration of production, science and education.

В. Б. Сироткин¹

ПРИНЦИПЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЭТИКИ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИНУЖДЕНИЯ К РАЦИОНАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Рассмотрены противоречия принципов коллективной этики и требований эффективного развития. Показано, что результатом наличия указанного конфликта выступает формирование гибридного общества.

Ключевые слова: мировоззрение, прагматизм, эффективность, права, институты, мотивы.

УДК 330.354

Чтобы осознать неспособность что-то сделать, надо иметь желание это сделать. Всегда ли нам известно, чего мы хотим? Степень осознания способности к действию варьируется. Чем сильнее в нас укоренены защитные механизмы традиций, тем больше тех вещей, которые мы не способны и не пытаемся сделать.

Запрет на критическое осмысление доминирующих установок и догм в политике, религии или других областях интересов может быть обусловлен самыми разными факторами: леностью ума, заблуждением, страхом и др.

Нами предпринята попытка осознания запретов, наложенных русской культурой на траекторию экономического развития страны. Причины неудовлетворительных результатов экономического развития следует искать в особенностях культурных мотиваций русских людей. Можно предположить, что в русской культуре существуют основания, ограничивающие распространение частной собственности и децентрализации управления/свободу контрактации. Указанные институты саморегуляции (горизонтальные связи) определяют стремление трудиться и уметь.

Актуальность затронутой темы определяется низкими темпами роста производительности в стране, недостаточными для поддержания ее суверенитета.

В русской культурной среде приняты следующие принципы коллективной этики:

- вера в нестяжательство и уравнильное распределение доходов между людьми;

- избегание конкуренции, при которой слабейшие гибнут;
- приоритет общественных интересов над частными;
- убежденность во всеилии главы государства (царя, президента).

Перечисленные принципы русской коллективной этики не соответствуют условиям, необходимым для эффективного экономического развития [5]:

- строгий учет доходов и расходов, режим экономии ресурсов и прекращение неэффективной деятельности;

¹ Владислав Борисович Сироткин, заведующий кафедрой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

- система материальных и моральных стимулов к росту производительности и улучшению качества выполняемой работы;
- быстрое и гибкое приспособление к изменениям хозяйственной ситуации;
- способность лиц, принимающих решения, к инициативе, риску и инновациям;
- персональная ответственность за результаты своих решений.

Удовлетворение перечисленных условий потребует существенных изменений образца поведения, принятого в русской культуре.

Противоречия, возникающие между принципами коллективной этики (обеспечение справедливости и др.) и требованиями эффективного развития, могут служить источниками непреднамеренных последствий при принуждении работников к рациональному поведению. Например, непреднамеренным последствием наличия указанных противоречий может выступать гибридный режим правящего порядка в стране.

Положим, что для обеспечения в обществе требуемых результатов кооперативной деятельности принята следующая логика:

а) Политическая власть принуждает население к рациональным формам поведения. В этике коллективизма/холизма² рациональной формой поведения власть полагает распределительную/иерархическую координацию действий членов социума; в индивидуалистической этике – обменную/рыночную.

б) Принуждение власти к рационализации³ сопровождается сопротивлением изменениям членов социума, действующих согласно традиционной этике.

в) В результате компромисса между властью и подданными в социуме устанавливается неустойчивое равновесие, удерживаемое властью с помощью гибридного дисциплинарного порядка. Такой синтетический порядок включает существование внутри социума групп, сочетающих поведение «де юро» (согласно положениям формальных институтов) и «де факто» (согласно неформальным институтам и существующим практикам).

г) Поддержание политического равновесия требует от власти расширения практик принуждения к рациональности. Растущие затраты на надзор за поведением членов социума тормозят развитие экономики.

Эволюция мировоззрения образованного класса России

Зарождение и распространение капитализма связывают с мировоззрением евреев (Зомбарт) или протестантов (Вебер). Дж. М. Кейнс, выдающийся английский экономист XX столетия, утверждал, что процент по кредиту и накопление капитала выступали движущими силами современного прогресса. Чтобы сопоставлять содержание современной отечественной и западной социально-экономической мысли, целесообразно усвоить главные направления религиозных и философских представлений, лежащих в основе мировоззрения образованного класса русских людей. Современные за-

² Этика холизма складывалась на Руси под принуждением варягов и монголов. Московские государи укрепляли формы централизации власти и распределения благ. Европейские идеи модерна были восприняты главным образом в области рационализации техники, в сфере общественного устройства эти идеи не были востребованы.

³ Примером принуждения к рационализации может служить практика Центрального банка РФ по надзору за действиями банков «Москва», «Отечество», «Бинбанк» и др.

падные идеи, попадая на почву отечественного сознания, могут им отторгаться и искажаться, как это случалось в прошлом.

Православный мыслитель протоирей Василий Зеньковский (1881–1962) в конце 1940-х гг. напечатал в Париже фундаментальное научное исследование «История русской философии», в котором утверждал [1]:

1. Русская философия антропоцентрична – она занята темой о человеке, его судьбе и путях, о смысле и целях истории. Наиболее действенный источник русского философствования – моральная установка. Только в русском языке *истина* и *справедливость* называются одним словом – *правда*.

2. В Западной Европе последние два века в центре философии лежит теория познания. В русской философии теория познания вторична по отношению к онтологии (учению о бытии). Познание не признается первичным и определяющим началом в человеке. Вместе с тем, русский онтологизм не выражает примат реальности примитивного западного прагматизма над познанием. Из 120 русских мыслителей, о которых пишет автор, только 8 могут быть названы материалистами. В центре творчества русских философов – общие исходные интуиции (а не теория познания), определяющие ход мыслей и логику построений.

3. Изменение религиозного мировоззрения и освобождение от него разделяется на следующие периоды:

а) пролог к русской философии распадается на две части: период от середины XV в. до эпохи Петра Великого в XVIII в.;

б) первый период самостоятельной философской мысли – до возникновения систем (XIX в. гг.);

в) второй период – возникновение систем (конец XIX в. – первые два десятилетия XX в.);

г) третий период самостоятельной философской мысли – XX в. (после 1917 г.).

4. Основное содержание интеллектуальной мысли в соответствии с выделенными периодами можно свести к следующему:

4.1. До эпохи Петра Великого отрывочные следы философских интересов укладывались в рамки религиозного мировоззрения. Секуляризация философии произошла в России значительно позднее, чем в Западной Европе, и совсем по-иному. В России рациональное сознание формировалось не в борьбе с церковью, а через непротivление церкви в недрах церковного сознания. Пути русской мысли были и остаются иными, чем на Западе. Они глубоко уходят своими корнями в религиозную стихию Древней Руси.

После захвата Константинополя турками (1453) все греческие культурные деятели бежали на Запад и никто не эмигрировал в родственную по вере Русь. Отсутствие прямых связей с античностью делало религиозное сознание мало восприимчивым к анализу: русские воспринимали христианскую доктрину как нечто завершенное и не поддающееся критике. Максимализм (все или ничего), страх перед умеренностью и серединой – атрибут русского религиозного сознания. Радикализм не чувствителен к практическому результату и житейской трезвости.

После падения Константинополя до XVIII в. русские искали священный смысл в царской власти. Церковные верхи заимствовали у Византии идею священной миссии царской власти как защитника Православия. Господство «святого царства» – третьего Рима – осуществляет священную миссию христианства. Вера в то, что «четвертому Риму не быть», связывает судьбу мира и конец истории с судьбами России. Церковно-поли-

тическая идея самодержавного царя отталкивается от царя – хранителя православной веры. Помазание царя на царство преодолевает противопоставление кесарева начала и воли Бога – мирского и божественного. Православный царь ответственен перед Богом не только за себя лично, но и за любого человека в своем царстве⁴.

4.2. Русское самодержавие, идеологию которого создавали церковные круги, после конфликта между царем Алексеем Михайловичем (1629–1676) и патриархом Никоном отказывается от влияния церкви. Учение патриарха Никона приближалось к идеям западной теократии о том, что духовная власть выше светской. Раскол русской православной церкви разрушил мечту о «священном царстве». Старообрядцы – хранители чистоты веры – жестоко подавлялись царской властью. При Петре I церковь попадает под власть царя. Национальное сознание освобождается от идеи «святой Руси» и воодушевляется новой идеей – «великой России». Церковные круги не оказали серьезного сопротивления реформам Петра I⁵ и стали видеть в государственной власти внешнюю, чуждую для себя сферу. Задача церкви заключалась в том, чтобы молиться за благо государства, а не господствовать над государством. Секуляризация государственной власти будет определять новый светский стиль русской культуры, который оформится к XIX в.

В самостоятельном философском мировоззрении образованного класса в первый и второй периоды можно выделить следующие особенности:

- гуманизм, основу которого искали в чистой морали или естественном праве (учение об идеальном праве, вытекающем из разума и природы человека, независимом от государственного права). К концу XVIII в. моралистический гуманизм дополняется принципом эстетического;

- с начала XIX в. распространение романтизма.

4.3. В XX в. в философской мысли в России можно выделить мировоззрение русских философов, оказавшихся в эмиграции, и доктринальную философию Советской России.

Взгляды русских философов в эмиграции отличают:

а) насыщенность религиозными исканиями, борьба с секуляризмом. Актуальность темы, поднятой славянофилами, – о неправде рационализма⁶ и его ядах. Власть чистого разума (рациональная структура бытия и научное познание) страшна для мировоззрения, ищущего Бога. Эта ветвь русской мысли ищет опору в религиозном сознании;

б) влияние немецкого идеализма (Гегель, Шеллинг). Недоверие к позитивизму⁷ – магистральному направлению англосаксонской интеллектуальной мысли.

⁴ Критики представленной концепции самодержавной власти, оправданной ее священной миссией, полагают, что в рамках идеи «святого царства» подданные снимают с себя ответственность перед Богом и передают ее царю – помазаннику Бога.

⁵ Процесс секуляризации в Западной Европе сопровождался острой борьбой церковной и светской властей за политическое доминирование.

⁶ Рационализм (от разумный) – учение в теории познания, согласно которому всеобщность и необходимость – логические признаки достоверного знания – не могут быть выведены из опыта и его обобщений; они могут быть получены только из самого ума или из понятий, врожденных уму. Рационализм означает веру в разум и силу доказательств. Иррационализм, напротив, полагает мир хаотичным, неразумным и непознаваемым, выдвигая на первый план бессознательную волю и интуицию.

В Советской России после октябрьской революции 1917 г. установились активное безбожие и несвобода жизни.

В октябре и ноябре 1922 г. правительство Советской России выдворило из страны несколько десятков интеллектуальных деятелей (философов – 13 человек, экономистов, агрономов и кооператоров – 23 человека, профессоров естественных и технических наук – 13 человек, журналистов и литераторов – 11 человек, историков – 6 человек, религиозных деятелей – 6 человек⁸, медиков – 5 человек). Гражданская война и красный террор закончились, а развитие советского режима требовало других средств устранения всего идеологически чуждого. В 1922 г. Ленин начал чистку (высылку) инакомыслящих, потребовал цензуры того, что публикуется в стране, и выявления тех, чье мировоззрение не соответствовало линии правящей партии. Советская власть видела опасность в независимой общественности, которая стремилась к сотрудничеству на благо родины. Теоретический и проблемный спектр общественных и гуманитарных наук резко сузился.

Лидер большевиков В. И. Ленин (1870–1924) – главный идеолог советской философии – утвердил в стране неомарксизм (редакция марксизма, которую это учение получило в большевизме). Ленин предложил переход от диалектики самодвижения производственных отношений к революционному скачку в диктатуру пролетариата. Ум Ленина всецело находился во власти одной идеи – материализма⁹. Уничтожение критиков и критики доктринальных принципов советского мировоззрения породило страх: люди боялись высказывать свои мысли. Трансцендентализм¹⁰ был объявлен «поповщиной», идеализм¹¹ – врагом марксизма. Марксистско-ленинская философия разрабатывалась для революционного действия и утвердила первореальность производственных отношений и партийность философии. Официальная доктрина исторического (диалектического) материализма выступает в СССР как обезличенная мысль и регулируемая деятельность, одобренная партией.

После распада СССР философская и вся другая интеллектуальная мысль в России оказалась в тупике, из которого предстоит долго выбираться. Вместе с тем на становление нового сознания современного русского образованного класса не может не влиять мировоззрение лучших представителей русской интеллигенции прошлого.

Западный прагматизм

В научных исследованиях поведение субъекта оценивается неадекватным окружающей среде или среда полагается неадекватной объекту. Методология науки, разграничивающая субъект и объект действия, не может помочь решить задачу, требующую включения субъекта в объект, и объединить внутренние и внешние мотивы, регулирую-

⁷ Позитивизм – чистое описание фактов, а не их объяснение (основатель О. Конт), отказ от «абсолютного познания» (причинность, законы) и описание внешнего облика явлений.

⁸ Высылали только католических священников, православных священнослужителей уничтожали или судили и сажали в тюрьму как членов религиозной организации.

⁹ Материализм – уверенность в объективном существовании внешнего мира, первичности материального и вторичности духовного.

¹⁰ Трансцендентный – находящийся за границей сознания и познания.

¹¹ Идеализм исходит из первичности духовного и вторичности материи. Объективный идеализм за основу действительности принимает Абсолютный дух, Мировой разум и др.; субъективный – первоосновой существующего полагает человеческое сознание.

щие поведение человека. Рекомендации наук (психологии, социологии, экономики и др.) определяются тем, за кого в этой дисциплине принимают человека: за объект или за субъект действия. Например, утверждения социологии, согласно которым для получения положительного результата коллектив (среда) принуждает индивида к шаблонам группового поведения, будут противоречить заключениям психологии, согласно которым отрицательным результатом принуждения может выступать психоз или невроз индивида. Возникает антиномия: какой-то из этих результатов предпочтительнее. Каждая из наук имеет собственный язык (определения, логику), отличающий ее от других наук. В парадигме всеединства человек включен в окружающий мир и неотделим от него.

Мы не можем знать, чем определены вещи: законами окружающего пространства/мира или законами, управляющими нашим сознанием. Сознание человека противоречиво: в одной голове существует несколько мнений для разных случаев/ситуаций. Окружающую реальность люди воспринимают по-разному и могут утрачивать определенность существующего порядка вещей. Из отмеченной выше идеи о том, что окружающий мир не познаваем для сознания человека, возникает утверждение, согласно которому представления сознания о мире определяются не знанием, а верой.

Воля к вере является отличительной особенностью человека, доминантным признаком, определяющим его бытие. Воспитание веры в существование заданных картин мира открывает возможность управлять мировоззрением и поведением человека. В каждую эпоху истории человечества существовали те, кто пытался использовать естественное желание человека верить и убедить в необходимости определенных ценностей и бытия по установленным правилам. Поведение по правилам позволяет из коллектива индивидов сформировать кооперативную среду, способную преодолевать препятствия и добиваться обладания ценностями. Доктринальная (нормативная) составляющая власти всегда претендовала на монополию символической интерпретации идей, событий и фактов в массовом сознании подданных.

Принуждение человека к ценностям и поведению по правилам сопровождается как положительными, так и отрицательными непреднамеренными последствиями. Возможно, данное утверждение выступает следствием наличия в сознании человека нескольких представлений о реальности.

Навязчивые повторы картинок, слов и их конструкций формируют в сознании события, процессы и смыслы. Реальность исчезает и исходящие извне слова и образы транслируют вымышленные другими смыслы. Придуманные политиками и чиновниками пропагандистские представления конвертируются в массовый самообман/гипноз населения – непонимание, в какой точке находится страна и куда она движется.

В ответ на философию Гегеля многие философы Европы и США стали по-новому отвечать на старые вопросы и применять логику и математику для их обоснования [3].

В конце XIX в. в США появилась новая философская традиция, известная как прагматизм. Основатели прагматизма Чарльз Пирс (1839–1914) и Уильям Джеймс (1842–1910) заложили новый подход к философии – смысл, истина или ценность идеи зависят от практических результатов, которые можно извлечь из ее использования. Идеи, которые не могут быть проверены с точки зрения практического результата, не имеют значения. Идеи должны не только отображать определенность, но и помогать решать проблемы, в том числе и социально-политические. С начала XX в. по сегодня прагматизм выступает наиболее влиятельным философским направлением в США и входит в программы всех американских колледжей и университетов. Сторонники этой фило-

софской традиции, появившейся как ответ на влиятельную в тот период философию гегельянства, полагали, что прагматизм:

- теоретически избегает крайностей эмпирического и субъективного понимания мира и способен найти компромисс между различными философскими подходами;
- позволяет приблизить философию к здравому смыслу;
- соответствует традициям американской культуры – признавать важным то, что приносит успех и прибыль.

Развитие на Западе парадигмы прагматизма, отождествляющей истину с полезностью, опиралось на идею английского исследователя Р. Коуза (Нобелевская премия по экономике за 1993 г.) о наличии в контрактных отношениях транзакционных издержек (1937 г.). Р. Коуз утверждал, что при принятии решений следует отдавать предпочтение вариантам, требующим наименьших транзакционных издержек. Выбор вариантов поведения, согласно этому новому правилу, распространился из экономики на другие дисциплины (политика, социология) и повлиял на традиционное представление взаимоотношений в координатах «злодей – жертва». Если «злодей» обеспечивал «жертве» компенсацию издержек, то деятельность «злодея» могла быть признана общественно полезной. Представления Р. Коуза положили начало возникновению и развитию институциональной экономики – новой институциональной экономической теории (НИЭТ) и новой теории организации.

Под влиянием североатлантического прагматизма на Западе были сформированы основные понятия современных общественных наук (экономики, социологии, политологии). Эти понятия отображали содержание вещей, процессов и институтов, которые соответствовали образу мысли и особенностям поведения западного человека. В западном капитализме главным стимулом для расширения предложения товаров и услуг выступает внутренняя заинтересованность владельцев и руководителей конкретных компаний в высоком вознаграждении. Силы (мотивы), формирующие избыток благ, расположены на микроуровне (в области рыночных обменов). Инновационный процесс продвигается вперед и развивается благодаря следующим особенностям:

- децентрализованная инициатива;
- огромное вознаграждение успешных инноваторов (рента, престиж, репутация);
- масштабные эксперименты [4].

Образ мысли русского образованного класса был чужд западному мировоззрению. Например, стремление получить больше, чем нужно для удовлетворения потребностей человека, в русской культуре считалось неприличным.

Понятие о том, что считать нормальным, изменяется не только в различных культурах, но также с течением времени в пределах одной культуры. Каждая культура верит, что присущие ей чувства и стремления являются единственно нормальным выражением человеческой природы. Мировоззрение и поведение человека в значительной степени формируются культурными и индивидуальными условиями, в которых он живет. Мы судим о нормальности через одобрение определенных стандартов поведения и чувств внутри групп, которые диктуют эти образцы своим членам. Игнорирование культурных факторов приводит к ложным обобщениям и затрудняет понимание сил, которые мотивируют наши отношения и поведение.

Известный русский философ и гуманист П. Ф. Флоренский (1882–1937) указывал на антиномизм в мышлении: истина – есть антиномия (противоречие в законе), основные нормы рассудка не совместимы между собой. В пределах рассуждения антиномия свободы и необходимости неразрешима. Разум дробит и раскалывает окружаю-

щий мир и только сердце – надежный орган восприятия, способный увидеть единство мира. Очевидно, что североамериканская интеллектуальная мысль XX в. не разделяла такого идеализма. А вот европейские постмодернисты XXI в. отмечают существование проблемы, указанной Флоренским.

Например, известный французский постмодернист Жак Деррида утверждал, что человек существо апоретичное (от греч. *απορία* – безвыходность) и мыслит в форме апоретических трансгрессий – нескончаемо переходит от одних апорий (неразрешимостей) к другим. Людям кажется, что они нашли выход из затруднительного положения, пока не выясняется, что это не так. В историческом контексте трансгрессия выглядит как переход от одних идей к другим: сначала умер Бог, потом – нация, затем – коммунизм и буржуазный либерализм. Осталась только свободная индивидуальность, которая ломает структуры, создает симулякры и то, что называют постмодерном. Ученые стремятся преодолеть безвыходные противоречия, но это им не удается.

Отсутствие интереса ко всему, кроме наживы, оборачивается постмодернизмом. Философия постмодернизма указывает на важность неоднозначности понятия и не верит в существование абсолютной истины. Истины создаются людьми в процессе общения. Идеи основаны на языке, в котором существует множество значений и который не способен передать достоверную истину.

Мировоззрение русского просвещенного класса – механорационалистическая теория счастья

История человечества движется к высшей сложности через возрастающие противоречия и борьбу противоположных начал. Любая утопия обещает устранение общественных противоречий, гармонию личного и общественного и универсальные средства всеобщего счастья. Предположение о возможности рационального упрощения и устройства жизни предполагает, что зло может быть уничтожено разумом в социально-экономических терминах – совершенными учреждениями, правилами и отношениями между людьми. Утверждается, что силой разума и воли человечества можно победить противоречия истории.

Со времен Петра I начинается отрыв образованных русских классов от народа. Народ жил запасом идей и навыками, внедренными в средние века русской истории; образованный слой – европейским мирозерцанием. Русский народ не знал отвлеченных понятий (плодов оторванной умственности) и жил собственными смыслами, отличными от логики. Три века русская верховная власть поддерживала политическую покорность культурных классов и баланс двух мировоззрений. Одно шло от рационалистического корня (веры во всемогущество правил и учреждений), другое – от мистического смирения перед высшими связями жизни. Формула русской государственности «самодержавие, православие и народность» не смогла противостоять идеям равенства и свободы.

Русская ментальность делегирует всю власть одному человеку, снимая с себя ответственность за результаты бытия. Церковь со времен Петра I раболепствовала перед светской властью. Связав свою судьбу и авторитет с самодержавием, иерархи православной церкви устранились от всех вопросов политической жизни. В отношении совести общественного организма России православная церковь была совершенно бездеятельна, призывая жить внутренне праведно в оболочке греха.

Власть не в силах была заменить для народа образованные слои. Она перестала быть восприимчивой к прогрессу – окостенела и сгнила. К началу XIX в. народ оказал-

ся без мировоззрения: старое умерло, а новое он не усвоил. Русские интеллигенты искали в европейских откровениях последнюю религиозную правду. Европейская идея хотела направить действие внутри России, но действие уничтожило идею. Народ, подчинивший своим неразумным действием интеллигенцию, рассеял ее социалистический идеал своей деятельностью. Восторжествовала ложная видимость, называющая себя истинной жизнью: идея социализма прикрывала гибельную пустоту [2].

Известный общественный деятель П. Б. Струве (1870–1944), размышляя о пережитой революции 1905 г., выделил следующие черты русской интеллигенции [2]:

1. Отчуждение (отщепенство) от государства и враждебность к нему. В этом заключается глубокое противоречие – отрицание мира во имя мира.

2. Максимализм, согласно формуле «все или ничего». Радикализм и максимализм находят оправдание в служении какому-нибудь высшему началу (народу, Богу и др.).

3. Доктрина служения народу отрицает какие-либо обязанности народа. Социалистическое отрицание личной ответственности ведет к разложению и кризису социализма.

Струве полагал, что процесс отчуждения образованных классов, которым власть отказывала в участии в деле устройства и управления государством, привел к революционной катастрофе 1917 г. и последующих лет. Политическая реформа в России сильно запоздала, и русская монархия разрушилась от того, что слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства. После воцарения императрицы Анны Иоанновны в 1730 г. верховная власть осознала себя независимой от общественных и сословных элементов. Опираясь на воинскую силу, монархия утвердила политическую покорность дворянства перед независимой от них верховной властью. Отказав культурному классу во властном участии в государстве, самодержавие привязало к себе этот класс материально.

Крестьянство, не развив в себе сознания и инстинкта собственности, не превратилось в буржуа – мелких землевладельцев, ведущих свое хозяйство на своей земле. Подстрекательство образованных классов «подвигло» солдат-крестьян на ниспровержение государственности. Идеи социализма массы восприняли как раздел наличного имущества и получение пайка с наименьшими затратами труда и минимумом обязательств. Несоответствие между величиной идеи и подлинными мотивами масс погубило государственное единство нации.

Религиозный философ и общественный деятель С. Л. Франк (1877–1950) в статье «Этика нигилизма» (1909) выделил следующие особенности умонастроений русского просвещенного класса [2]:

1. Приоритет моральных ценностей над всеми другими (теоретическими, эстетическими, религиозными и пр.). Отрицание или непризнание объективных (абсолютных) ценностей (например, научной истины) и принципиальных оценок. Не теоретическое объяснение, а одностороннее, практически вредное, моральное вменение фактов (нравственное мировоззрение).

2. Вера в возможность «построения» счастья для народа в абсолютной и вечной форме. Механико-рационалистической теорией счастья был выбран социализм – мировоззрение, в котором идея производства вытеснена идеей распределения, а идея созидания/творчества отодвинута идеей борьбы. Русский социализм воплощает идею индивидуалистического устройства хозяйственной жизни и требует от индивида подчинения его интересов и действий задачам общественного целого. Душу социализма составляет идеал распределительной справедливости: отнять блага у одних и отдать их

другим. Абсолютизация борьбы вытесняет подлинно производительный труд и приводит к обнищанию и упадку населения.

3. Нелюбовь к богатству, любовь к бедным и к справедливому распределению. Чтобы созидать богатство, необходимо его любить. Русский образованный класс любит слабых и бедных, стремится сделать их сильными и богатыми, истребить врагов и насильственно обратить мир в свою веру.

На Западе либеральная мысль преодолела социализм, утвердив уважение к человеку. В России неуважение к человеческой личности превратило доктрину социализма в теоретическую, опирающуюся на ложное представление о человеческой природе, утопию. Социализм стал возвращением к несправедливости. Франк отмечает, что либеральная партия в России оказалась беспомощной в отношении начал государственной жизни и погибла в процессе революции.

Известный русский философ И. А. Бердяев писал, что в чувствах русской интеллигенции интересы распределения и управления всегда доминировали над интересами производства и творчества. Интеллигенция всегда охотно принимала идеологию, в которой центральное место отводилось интересам распределения и равенства, и ставила эти интересы выше истины. Любовь к уравнительной справедливости, общественному добру и народному благу парализовала любовь к истине и почти уничтожила интерес к ней. Отображение объективно происходящего никогда не становилось у нас основой для консенсуса. Преобладали: прямолинейность выводов и построений, конфликты между людьми разных форм культурного развития и общественной мысли, неспособность что-либо противопоставить исторической государственности. Социальные результаты изменений для низших слоев населения всегда были незначительными. Рабская психология чужда сознанию личной ответственности и склонна объяснять благо или зло действиями внешней силы. Отказ от истины во имя счастья людей не был основан на настоящем уважении к человеку и превращался в «народопоклонство». Без критической рефлексии, пересмотра духовных ценностей и их иерархии вряд ли можно добиться экономического роста в стране.

Идея правопорядка

С конца 1917 г. у власти оказались люди с ментальностью подпольщиков и террористов; им присущи недоверие к окружающим и готовность распоряжаться чужими жизнями. Террор, получив на вооружение большевистскую доктрину равенства и справедливости, стал тотальным. Вера в большевистские идеалы оправдывала готовность убивать людей за «правое дело». Уничтожение инакомыслящих казалось более простым способом достижения цели, чем поиск компромиссов.

Социальная дисциплина создается правом. Основу прочного правопорядка составляют свобода личности и ее неприкосновенность. Общественное развитие зависит от положения личности. Самое существенное содержание права представляет свобода, обусловленная общественной средой.

Следует признать, что критерий права доминирует над критерием интереса. Не на все, в чем мы обнаруживаем интерес, мы имеем право. Деление общества на группы с особыми интересами предполагает их сотрудничество на справедливых правовых основаниях. Недовольство существующим правопорядком не оправдывает пренебрежения к праву, предотвращающему непрерывную междоусобную войну. Правовое насилие необходимо для упорядочивания и организации коллективной деятельности в человеческих общежитиях.

В истории русских правовых институтов личность заслонялась семьей, общиной, государством и не получила правового определения. Русская интеллигенция всегда была равнодушна к правам личности, не уважала право и не видела в нем ценности.

Отрицание правового строя возведено в обоснованную и развитую систему.

Захватив власть, Ленин декретом №1 отменил все законодательство и суд в России и ввел революционные трибуналы. Члены этих органов руководствовались исключительно пролетарской интуицией – уничтожали социально чуждых. В 2018 г. большевистская власть закрыла все юридические факультеты в стране. Идея господства силы (вместо господства принципов права) отрицала устойчивый правовой порядок конституционного государства. Идеи прав личности и правового государства никогда не «обременяли» правосознание русской интеллигенции. Отсутствие правового порядка в повседневной жизни русских людей и неравенство перед судом уничтожило уважение к законности. Герцен писал, что русский, какого бы он ни был звания, нарушает или обходит закон везде, где может это сделать безнаказанно. Правительство поступает точно так же.

Вера в силу принудительных правил вытесняет сознание того, что общественная жизнь основана на компромиссах. Деятельность суда и судьи – хранителей действующего права – утрачивала свою независимость и замещалась деятельностью государства, преследующего политические цели.

Если допустить, что история человечества движется материальными интересами общественных групп, то право – это фактическое соотношение сил, созданное борьбой таких интересов. В материалистической интерпретации оно не несет в себе творческого, а только констатирует то, что создано факторами, лежащими за пределами права. Право оказывается помехой для тех, кто чувствует достаточно силы, чтобы его игнорировать. О праве больше рассуждают, если находятся в роли побеждаемых.

Материалистический социализм устранил право и нравственность как «идеологические надстройки», стоящие над классовыми интересами. Классовый эгоизм подчинил представления о государстве и народе как целом. Пролетариат выделил себя из общего тела народа и занял главенствующее положение по отношению ко всем остальным. Вне области интересов пролетариата и над ней не стало никакой высшей решающей инстанции (потребность в истине, совесть, честь и др.). Пренебрежение «идеологическими надстройками» обернулось на практике разгулом беззакония и утратой свобод, которые народ уже имел. Результат диктатуры пролетариата – уничтожение общества, всеобщее рабство и мировой позор.

Гибридные режимы управления как следствие противоречий

Гибридный дисциплинарный режим характеризуется наличием нескольких противоборствующих центров интеграции в обществе. Карл Полаanyi выделяет три вида таких центров: реципроктные, распределительные и обменные [7].

Реципроктность означает движение вещей в симметричных группах (группы родства, общины, кланы и др.). Чем более близкими ощущают себя члены группы, тем интенсивнее они стремятся перейти на реципроктные отношения.

Перераспределение означает концентрацию товаров неким центром и их последующее перемещение из такого центра. В обществах, где обмен играет второстепенную роль, перераспределение выступает доминирующим принципом отношений (поздняя Римская империя, СССР и др.).

Обмен подразумевает добровольное перемещение товаров из рук в руки и реализуется системой ценообразующих рынков.

Современная экономическая теория не способна адекватно представлять хозяйство страны, поскольку исследует ее только согласно рыночным моделям. Современные проблемы экономики страны – это проблемы политические. Центр государственной власти не способен установить и поддерживать систему институтов, одновременно и равно удовлетворяющих этике и мотивам реципроктных, перераспределительных и рыночных групп. Средства реализации целей каждого центра интеграции определяются исторической логикой и принципиально различаются.

В сложной системе групп интересов, существующих в гибридном обществе, каждая группа по-своему воспринимает и преобразовывает принципы как социалистической, так и либеральной этики. То, что одни группы социума полагают рациональным, другие могут считать нерациональным. Эти антагонистические группы вынуждены сосуществовать и выживать вместе, но каждая из них может расширяться только за счет принуждения членов других групп. В таком обществе индивид оплачивает те услуги, за которые должны платить другие. Например, на входе в гибридную систему идея свободного рынка этики преобразована группами интересов так, что на выходе реализуется дешевый труд и механизм подавления независимого предпринимательства – набор требований, в которых всегда можно найти нарушения. Импорт зарубежных институтов оборачивается снижением экономической активности населения и бегством капиталов из страны. Капиталы, покинувшие страну, рассеиваются за рубежом и их трудно вернуть назад.

В гибридных обществах наблюдаются недоверие к элитам и активизация идей популизма: упрощение реальности, экономический национализм, господство госсобственности, враждебное отношение к богатым. Эти идеи способны разрушать независимые институты, гражданский мир и безопасность государства. Распространению популизма способствуют неопределенность существования, а также несоответствие геополитических амбиций и экономической мощи.

Обеспечение неустойчивого баланса интересов в слабом гражданском обществе осуществляется с помощью персонального (ручного) режима управления – ограничения равного доступа граждан к формальным институтам (судам, полиции, медучреждениям и др.) и ресурсам. Результаты деятельности в таких режимах (инфляция, ВВП и др.) тоже оцениваются субъективно – руководителями, а не посредством независимых институтов. Такой порядок необходим, чтобы заявленные цели представить как выполненные. Наверх аппарат управления выносит только те проблемы, которые не удастся решить на нижних этапах исполнительной иерархии (передача полномочий вниз, контакты власти с населением и стимулирование (налоговая база) самоуправления ограничиваются). Первое лицо в государстве монополизировало власть, точечными ручными решениями исправляет промахи исполнительной вертикали.

Целью гибридных дисциплинарных режимов (форма авторитаризма, симулирующая демократические институты) выступает сохранение власти в обществах, насыщенных конфликтами. Конфликты для таких дисциплинарных порядков опаснее, чем для демократий. Вероятность перехода от гибрида к полноценному авторитаризму растет по мере изоляции страны от Запада.

Персоналистские режимы, блокирующие демократические механизмы конкуренции элит, опираются на поддержку большинства (обеспечивается социальными про-

граммами и монополией на интерпретацию реальности) и лояльность силовиков (достигается монополией на насилие без правовых ограничений). Центральная власть занята балансировкой межклановых интересов и стремится избежать раскола элит и удерживать их лояльность. Логика поведения постсоветских элит сводится к добыванию и присвоению из формально государственных (ничьих) структур неподотчетной частной собственности и ренты. Доходы посткоммунистической элиты получены не из налогов, а из накопленных ресурсов госструктур, поэтому такая элита не только не заинтересована в совершенствовании системы госуправления, но, напротив, разрушает сохранившиеся легальные институты. Непрозрачность сложившейся в стране гибридной экономики необходима рентоприобретателям, чтобы показывать убытки там, где существует прибыль, и наоборот. Права собственности на природные ресурсы со временем распределяются в пользу элиты, что ведет к усилению неравенства в обществе¹². Новый класс богачей пользуется своим влиянием для защиты своего выигрыша и противодействует прогрессивным изменениям в стране. Наживаясь за счет государства, элиты сокращают материальную базу социальных программ для населения, подрывают легитимность правящего режима и требуют от власти ужесточения законов и правоприменения к рядовым гражданам. Раскол электората на своих и чужих мешает налаживанию диалога, поиску компромиссов и интеграции общества.

Мотивация субъектов действия состоит из разнообразных элементов. В мотивах поведения госслужащих можно выделить эгоистические и альтруистические составляющие. Преобладание в организации работников с альтруистической мотивацией позволяет уменьшить издержки на надзор. Организации с доминированием рациональных профессионалов требуют существенных издержек администрирования, так как с ростом IQ альтруистическая мотивация падает, а эгоистическая растет.

В развивающихся странах альтруисты не стремятся на госслужбу, так как без взяток такая работа не обеспечит им достаточного уровня жизни, а их убеждения не позволяют им брать взятки. При авторитарных и гибридных режимах чиновники с альтруистической мотивацией могут оказаться ненадежными, поэтому такие режимы опираются на профессионалов с эгоистической (корыстной) мотивацией. Служба, опирающаяся на корысть, требует существенных издержек надзора и ограничений инициативы, которые снижают эффективность деятельности. Для сохранения эффективности и мобилизации на госслужбу лояльных работников такие режимы вынуждены манипулировать сознанием граждан: искать врагов, национальную идею или сверхзадачу.

Эффективное управление требует, чтобы управляемые и управляющие находились в одинаковой реальности и одинаково воспринимали ситуацию. Центральный толкователь реальности в гибридном режиме – государственная власть. Она навязывает населению и бизнесу свои словесные интервенции и интерпретации происходящего. Право толкования распределено в иерархическом порядке: президент/его пресс-секретарь, силовики, прокуратура, суды, исполнительные и законодательные ветви власти. Например, правоохранители обладают преимущественным правом на интерпретацию фактов, которое дано им в рамках их статуса законом. Граждане должны избегать самостоятельной интерпретации событий, но иметь свободный доступ к их официальной интерпретации. Такой подход к формированию единомыслия сопровождается прими-

¹² Россия лидирует в мире по показателям имущественного неравенства: около 100 граждан контролируют 35 % национального богатства [6].

тивизацией массового сознания, мобилизационной риторикой, доминированием принуждения, преобладанием политических целей над экономическими и изоляционизмом. Информационная среда не репрезентует реальность, а искажает и замещает ее. Наслаждение знаками насилия, вины и отчаяния заменяет подлинные эмоции; способность воспроизводить реальность исчезает. Тексты и образы формируются не ради выявления реальности, а для удовлетворения эмоций, самообмана и психологической компенсации противоречий и конфликтов. На смену мягкому регулированию поведения приходит упреждающий контроль за стандартизованным поведением масс.

Контролируемые правящей группой патрон-клиентские сети образуют в гибридных порядках каркас общества и обеспечивают его лояльность и стабильность. Значимые социальные группы при деградации формальных институтов зависят от элит и интегрируются, руководствуясь принципом ослабления общества (слабые институты, потеря доверия к официальной власти и др.). Патрон-клиентские сети могут выстраиваться по территориальному, этническому, религиозному и другим признакам. Такие сети доверия сопротивляются глобальному рынку и демократической модернизации, предполагающим смену элит и ликвидирующим кумовской капитализм и их политическую ренту.

Институт жалоб, который в гибридном государстве заменяет суд, не выполняет в системе управления функции обратной связи, поскольку жаловаться опасно, если сам нарушаешь нереальные правила.

В гибридном обществе индивид одновременно существует в правовом поле де-юре и де-факто и вынужден выбирать стратегии выживания, маневрируя среди участников реципроктных, распределительных и рыночных групп и интересов. Возмещение трансакционных издержек коммуникаций в гибридном обществе смещается от государства к индивиду, который в дополнение к госаналогам вынужден оплачивать собственную безопасность и другие виды услуг.

Неформальная сетевая система контролирует активы и финансовые потоки, формирует коллективную собственность и стремится интегрироваться в административно-финансовую элиту страны. Держать под контролем элиты патрон-клиентских сетей способны только спецслужбы, наделенные чрезвычайными полномочиями (задержания, аресты, агентура, ликвидация экстремистов и др.). Кадровые перестановки в стране будут отображать наличие взаимодействий силовой и противоправной элиты.

Представленная интерпретация постсоветского общества контрастна либеральной рыночной утопии его обустройства. Выживание и сохранение власти в условиях падающей ренты определяется расширением насилия, а не наращиванием человеческого капитала.

Следствием патрон-клиентских отношений в стране является расширение условного и фиктивного владения частной собственностью и сжатие полноправной частной собственности. Условное владение позволяет отрицать связь владельца/бенефициара (госслужащего, криминалитет и др.) с его активами. Фиктивность собственности нужна владельцу для того, чтобы ее спрятать, а правителю – чтобы ею пользоваться. Имеет место двузаконие: теневое внутреннее право сосуществует с легальным правом на доход и собственность. Такая конструкция реализует общую устойчивость, материальные ресурсы для господства (кланово-семейный принцип владения и наследования) и сохраняет исключительное положение правящей элиты. Модель двузакония позволяет правителю (при поддержке силовиков) апеллировать к народу и обращать накопившуюся в обществе агрессию на вельмож.

Характерные для открытых обществ прозрачные политические, экономические и правовые институты могут появиться у нас на следующем витке экономического развития, когда старые правила игры будут отторгнуты молодежью.

Формальные и неформальные институты взаимодействуют и помогают людям справляться с трудностями существования. Поиск и извлечение административной ренты выступает смыслом существования тех, кто способен трансформировать власть и статус в проблемы для жителей.

В таких неоднородных системах наступление на теневую экономику не означает стремление к экономическому росту, оно направлено на перераспределение денежных потоков/ренты в пользу федеральной казны.

Если в современных западных обществах доминируют рыночные отношения, то в России сформировалось общество-гибрид, опорой которого выступают патрон-клиентские связи.

Теневые структуры не имеют четко прописанных правил и кодексов поведения, но могут быть востребованы государственными органами (собирать информацию, выполнять поручения, устранять, наказывать и пр.). Если принять гипотезу о причастности официальной системы к существованию теневой системы, то можно утверждать, что все попытки искоренить коррупционные схемы обречены на провал. Любой член реальной структуры, имеющий должность, несет высокие риски, которые компенсируются теневым вознаграждением.

Большинство индивидов в силу своих социально-психологических особенностей претендуют на преференции в распределительной системе, но не хотят открытой конкуренции и не создают сложную производительную экономику. Такие индивиды превращаются в торговцев, водителей, строителей, мелких предпринимателей, охранников и пенсионеров. Они получают опыт социального неравенства, неподконтрольности, наглости и глухоты начальников и становятся потенциальными участниками патрон-клиентских сетей, обеспечивающих их выживание.

Баланс между свободным саморегулированием общества и господством правящей группы смещен не в пользу общества. Общества формируют битвы и борьба. Российское общество не обладает достаточной степенью развитости (интегрированность, институциональность и пр.), позволяющей ему чего-либо требовать от власти. Профессиональные сообщества – основа коллективного сопротивления трудящихся правящему режиму – очень слабы и не имеют переговорной силы. Граждане не готовы протестовать против нарушения их собственных прав и готовы приспосабливаться к падению уровня жизни. Обществу не удастся оказывать влияние на власть, а власть показывает, что у нее не существует устойчивых правил для всех. Людей отговаривают от попыток решать проблемы с помощью официального политического механизма. Очертить личное и общественное пространство, недоступное для государственного вмешательства, едиными для всех инструментами права не удастся. Большинство вопросов следует улаживать неформально и непрозрачно.

Список литературы

1. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – Л.: ЭГО, 1991.
2. Вехи: сб. статей о русской интеллигенции. Из глубины: сб. статей о русской революции. – М.: Изд-во «Правда», 1991.
3. Стивенсон, Дж. Философия / Дж. Стивенсон; пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, 2004.

4. Корнаи, Я. Размышления о капитализме / Я. Корнаи; пер. с англ. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012.

5. Корнаи, Я. Эффективность и принципы социалистической этики/ Я. Корнаи // ЭКО. – 1988. – №6.

6. Байер, А. Страдания бедных миллиардеров / А. Байер // Ведомости. – 2014. – 2 июня. – С. 7.

7. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи; пер. с англ. – М.: Алитета, 2002.

V. B. Sirotkin. Collective ethics principles as the foundation for coercion to rational behavior.

The article considers the contradictions between the principles of collective ethics and the requirements of effective development. It is shown that the result of this conflict is the formation of a hybrid society.

Keywords: worldview, pragmatism, efficiency, rights, institutions, motives.

О. О. Комолов¹

ОТТОК КАПИТАЛА ИЗ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Проблема оттока капитала из российской экономики рассматривается в трех аспектах: экспорта, бегства и утечки капитала. Постоянный чистый отток капитала через частные и государственные каналы позволяет правительству удерживать курс рубля на искусственно заниженном уровне и создает благоприятную конъюнктуру для экспортоориентированных отраслей. Это обстоятельство тормозит качественный рост российской экономики и позволяет отнести ее к периферии мирового капитализма, находящегося в отношениях неэквивалентного обмена с центром.

Ключевые слова: отток, бегство, утечка, экспорт капитала, центр, периферия, неэквивалентный обмен.

УДК 332.354

Проблема оттока капитала стала неотъемлемой чертой российской экономики, глубину и остроту этой проблемы признают и государственные деятели, и представители науки.

В период 1997–2017 гг. в России происходил чистый отток капитала: в конце 1990-х гг. российская экономика ежегодно лишалась 10...20 млрд долларов, а в рекордном 2014 г. чистый отток превысил 150 млрд долларов, что эквивалентно 7,5 % ВВП страны. Чистый приток капитала наблюдался только в 2006 и 2007 гг., в преддверии мирового экономического кризиса. Тогда в условиях либерализации валютного регулирования и снятия ограничений на движение капитала в страну хлынули активы с раздутых финансиализацией западных рынков. После схлопывания этого пузыря приток капитала в Россию сменился его стремительным оттоком: за 2008 г. страна лишилась 130 млрд долларов, вывезенных из экономики частным сектором (рис. 1).

У современных исследователей, изучающих вопросы трансграничного движения капиталов, нет единого мнения относительно трактовки таких базовых понятий, как отток, бегство, экспорт, вывоз капитала и т. д. На наш взгляд, говоря о движении капитала из страны за рубеж в целом, правильно использовать понятие отток капитала, которое включает в себя экспорт, бегство и утечку капитала.

Под экспортом капитала традиционно понимается «вывоз капитала за границу, осуществляемый в денежной или товарной форме с целью увеличения прибыли, укрепления экономических и политических позиций и расширения сферы эксплуатации» [1, с. 96]. Эта трактовка близка к приведенной В. И. Лениным в работе «Империализм

¹ Олег Олегович Комолов, доцент Российского экономического университета им. Плеханова, старший научный сотрудник Института экономики РАН, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, канд. экон. наук.

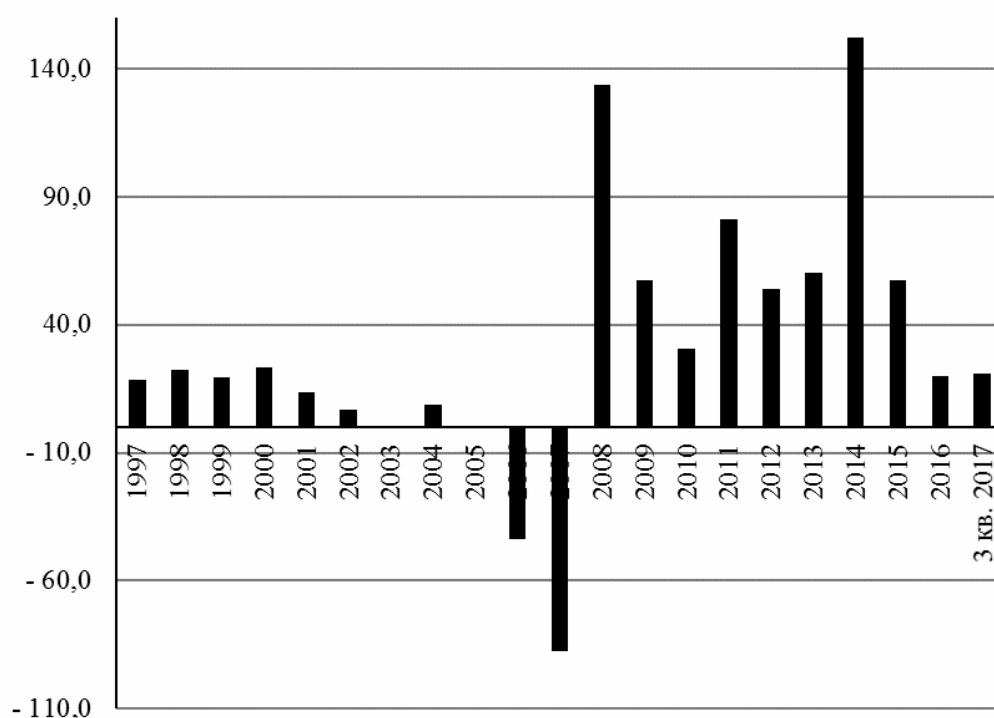

Рис. 1. Чистый вывоз капитала из экономики России частным сектором, млрд долл. (составлено автором на основании данных [27])

как высшая стадия капитализма». Вывоз капитала определяется процессом «перезревания» капитализма метрополий, который ищет прибыльного помещения капитала в отсталых странах [2, с. 359]. Это явление в определенной степени свойственно и отечественной экономике. Крупнейшие российские компании, транснациональные корпорации осуществляют активные инвестиции за рубежом, приобретая активы и борясь за расширение своей доли на иностранных рынках. Так, ПАО «Газпром» инвестирует в реализацию проекта «Северный поток–2» 102,4 млрд рублей [3]. Портфель зарубежных заказов корпорации «Росатом» по итогам 2016 г. составил 133 млрд долларов [4]. В целом, на конец 2016 г. объем накопленных прямых иностранных инвестиций России за рубежом составил 335,7 млрд долларов [5].

Вывоз (экспорт) капитала свойствен развитым, сильным экономикам, которые направляют капитал за границу для его прибыльного приложения. В этом случае страна-экспортер будет иметь устойчивый чистый приток капитала, где каждый вывезенный доллар принесет условно 10 центов прибыли. Однако сохраняющийся в течение десятилетий чистый отток капитала из России говорит о том, что эти прибыли или остаются за границей и не возвращаются в российскую экономику, или оказываются недостаточными, чтобы компенсировать «неинвестиционный» отток капитала из страны. Кроме того, такие инвестиции могут использоваться в качестве инструментов вывода активов из страны в офшоры. Так, по данным ЦБ РФ, в 2014 г. Россия направила в экономику Британских Виргинских островов более 82 млрд долларов в виде прямых инвестиций [6], что в 77 раз больше годового номинального ВВП этой страны [7]. Конечно, такие иностранные инвестиции нельзя отнести к экспорту капитала.

Другой формой оттока капитала является его бегство. Некоторые исследователи понимают под этим «любой отток из страны частных финансовых ресурсов» [8, с. 24], однако, смысл этого явления уже. Более правильно оценивать его как негативный фактор экономического развития, свидетельствующий «о «болезни» национальной экономики, о неэффективности внутреннего инвестирования» и характеризуемый «высокой скоростью перемещения, значительным объемом переводимых денежных средств», когда «его владельцем движет «животный» страх потерять этот капитал в силу крайне неблагоприятной экономической и политической ситуации в стране» [9, с. 61]. Таким образом, бегство капитала усиливается в периоды нестабильности и шоковых потрясений на рынке. В этом случае собственники пытаются вывести свои активы в более надежные места. Для России последних десятилетий активизация бегства капитала пришлась на 2008 и 2014 гг. – в обоих случаях страна столкнулась со всплеском инфляции, падением потребительского спроса, массовым банкротством предприятий. Это сопровождалось сильной волатильностью валютных курсов, ожиданиями девальвации и ростом процентных ставок. За эти два года из российской экономики частным сектором было выведено 285 млрд долларов (см. рис. 1).

Трудно согласиться с авторами, полагающими, что бегство капитала определяется лишь отсутствием эффективного приложения в стране происхождения [10, с. 81]. В этом случае остается не описанным резкое возрастание оттока капитала в условиях социально-экономических шоков. Желание собственника капитала получить повышенный доход и/или иные преимущества, не связанное с реакцией на внешние потрясения, отражает более устойчивую тенденцию трансграничного перемещения активов, которую можно назвать утечкой капитала. Как справедливо отмечают Н. Д. Колесов и О. В. Петко, «понятия «бегство капитала» и «утечка капитала» отличаются скоростью и объемом перемещения капитала, а также мотивами, двигающими их владельцами». При этом «утечка капитала» означает «более вялотекущее перемещение капитала, его владельцем движут такие мотивы, как желание получить большую прибыль в обход законам, «отмывание денег», сохранение капитала и т. д.» [9, с. 61]. По некоторым оценкам, на отток капитала, не связанный с нормальной предпринимательской деятельностью и направленный в большей степени на его сокрытие, приходится около 70 % всех активов, пересекающих границу России [11, с. 114].

Куда же уходит российский капитал? В течение последних десятилетий основным местом размещения отечественных активов были (и остаются) офшоры – 42 классические офшорные зоны, указанные в официальном перечне Центрального банка России [12] (в основном, туда входят экзотические островные государства), а также «офшоропроводящие» страны [13, с. 8] (Великобритания, Нидерланды, Ирландия, Швейцария, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург), выступающие в роли перевалочных пунктов российского капитала. К ним можно отнести юрисдикции, которые предоставляют компаниям-нерезидентам привлекательные условия налогообложения, связанные с довольно низкими ставками корпоративного налога и рядом налоговых льгот, благоприятный валютный режим, высокий уровень конфиденциальности. Чтобы определить долю офшоров в общем оттоке капитала из России, обратимся к статистике сальдо иностранных инвестиций России (прямых и портфельных). По данным ЦБ РФ, в течение последних 10 лет на долю офшоров приходилось около 70 % исходящих инвестиций. Большая часть из них уходила в офшоропроводящие страны, в то время как доля островных офшоров за это время сократилась до 10 % в 2017 г. (рис. 2).

Безусловно, такое положение свидетельствует о нездоровом состоянии российской экономики. Об этом говорят и представители власти на самом высоком уровне,

Рис. 2. Чистый отток инвестиций из России в офшоры
(составлено автором на основании данных [27])

признавая необходимость деофшоризации российской экономики и репатриации капитала. В 2012 г. в послании В. Путина Федеральному Собранию борьба с выводом активов в офшоры была объявлена государственным приоритетом. Президент отметил, что «выбор юрисдикции не в пользу России – это не злой умысел бизнеса, а свидетельство недостатков этой юрисдикции», и призвал «исправлять собственные недоработки» [14]. Тогда же государство пообещало собственникам полную амнистию капитала в случае его добровольного возвращения в лоно российской юрисдикции. Эффективность такого подхода подвергал сомнению еще Л. И. Абалкин, отмечая, что капитал по своей сущности анонимен и «на нем не указано, является ли он «сбежавшим» или вновь «пришедшим». Он не лежит в сумочке или в чемодане в ожидании своей судьбы, а реально вложен в покупку замков, акций или используется банком для вложения в активы, о которых сам владелец капитала может и не знать. Думать, что его владелец продаст замок, акции, снимет деньги со счета и вернет их в Россию, весьма наивно» [15, с. 3]. Так и произошло: с момента объявления войны офшорам прошло уже пять лет, но результаты политики деофшоризации и репатриации нельзя назвать успешными. Российская экономика продолжает терять десятки миллиардов долларов ежегодно, а в 2017 г. доля офшоров в выводе капитала превысила 82 %. При этом номинальное уменьшение чистого оттока капитала в последние годы обусловлено, в первую очередь, резким снижением валютных доходов от экспорта сырья и почти двукратным падением курса российской национальной валюты относительно доллара.

Чтобы эффективно бороться с проблемой оттока капитала, необходимо понять ее природу. Как справедливо отмечает И. Н. Платонова, возникновение проблемы утечки капитала связано, в первую очередь, с масштабной приватизацией государственной собственности в 1990-е гг. В отсутствие серьезного государственного контроля за использованием полученных доходов новыми собственниками «практика вывода доходов за рубеж стала не временным, скоротечным явлением, а приобрела такие черты, как широкомасштабность, устойчивость» [16, с. 2]. К традиционным причинам утечки ка-

питала в современной российской экономике относят: высокие риски хранения капитала в России из-за несовершенства национального законодательства и отсутствия полноценной защиты прав частной собственности [8, с. 26]; макроэкономическую нестабильность и неопределенность внешнеполитической обстановки, порождающие неопределенность и не позволяющие делать четкие прогнозы относительно прибыли [17, с. 105]; неэффективную систему налогообложения, заставляющую бизнес переводить коммерческую деятельность «в тень» и прятать активы от государства в офшорах [18]; отсутствие развитой банковской системы и рынка суверенного долга; плохой инвестиционный климат, коррупцию [19] и многое другое. Предлагаются соответствующие меры борьбы с утечкой капитала: улучшение инвестиционной привлекательности российской экономики, повышение информационной прозрачности бизнеса и защиты прав инвесторов [17, с. 106]; противодействие нелегальной финансово-экономической деятельности [17, с. 106]; законодательная защита прав собственности [9, с. 62]; стимулирование экономического роста инструментами фискальной и денежно-кредитной политики и повышение доверия к рублю [9, с. 62]; экономическая амнистия «беглых» капиталов [16, с. 2]; усиление и совершенствование валютного контроля [11, с. 14] и т. д.

Безусловно, перечисленные меры являются важными и нужными для российской экономики, а их реализация способствовала бы ее качественному росту. Однако исследование только внутренних экономических проблем России является недостаточным. Понимание сущности оттока капитала невозможно без анализа состояния мировой экономики и отношений между странами, включенными в глобальную капиталистическую систему и международное разделение труда. Проблема постоянного оттока капитала – это не исключительно российское явление. С ним сталкиваются большинство стран периферии мирового капитализма, которые на мировом рынке выступают в роли нетто-экспортеров капитала. В то же время в развитых странах центра, наоборот, наблюдаются, как правило, отрицательное сальдо платежного баланса и большой объем внешнего долга (см. таблицу).

**Отношение совокупного внешнего долга к ВВП стран центра, периферии и полупериферии мирового капитализма на июль 2017 г., %
(составлено автором на основании данных [31, 32, 33])**

Страны центра		Страны периферии и полупериферии	
США	98	Китай	13
Великобритания	283	Бразилия	30
Франция	213	Россия	40
Германия	148	Индия	20
Италия	126	Мексика	38
Канада	116	Саудовская Аравия	31
Швейцария	265	Аргентина	36
Австралия	126	Бангладеш	12
Норвегия	169	Индонезия	34
Швеция	177	Южная Африка	48

В основе модели, описанной в концепции мирсистемы И. Валлерстайна [20], лежат отношения неэквивалентного обмена между периферией и центром мировой экономики. Это приводит к неравномерному распределению доходов между разными участниками экономики, принося ущерб странам периферии и обогащая центр. Р. С. Дзарасов выделяет четыре основных элемента, лежащих в основе таких отношений: 1) структура цен – цены на продукцию стран центра растут быстрее, чем на товары периферийных экономик; 2) технологические различия – производства с высокой добавленной стоимостью располагаются в странах центра, низкопроизводительные – на периферии; 3) валютные отношения – курсы национальных валют отсталых стран искусственно занижаются, что способствует перетоку ресурсов за счет активизации экспорта; 4) финансовые потоки – доходы периферии инвестируются в экономики развитых стран [21, с. 12–14]. Все это позволяет странам центра (преимущественно Северной Америке и Западной Европе) безвозмездно присваивать значительную часть трудовой стоимости, созданной рабочими стран периферии и полупериферии («развивающихся стран»). Институциональная природа современного капитализма побуждает страны периферии вступать друг с другом в борьбу за право продать свой товар развитым странам. Одним из наиболее эффективных орудий в этой борьбе является сознательная политика государств периферии на занижение курса национальной валюты, что создает благоприятную экономическую конъюнктуру для экспортеров. Как отмечает М. В. Леднёва, экономические отношения между периферией и центром мирового капитализма обеспечивают потребление странами Запада (в них проживает 16 % населения планеты) 85 % мировых природных ресурсов [22, с. 46]. В целом, наблюдается четко выраженная зависимость между уровнем развития экономики страны и степенью отклонения номинального курса национальной валюты от паритета покупательной способности (ППС) к доллару США (рис. 3).

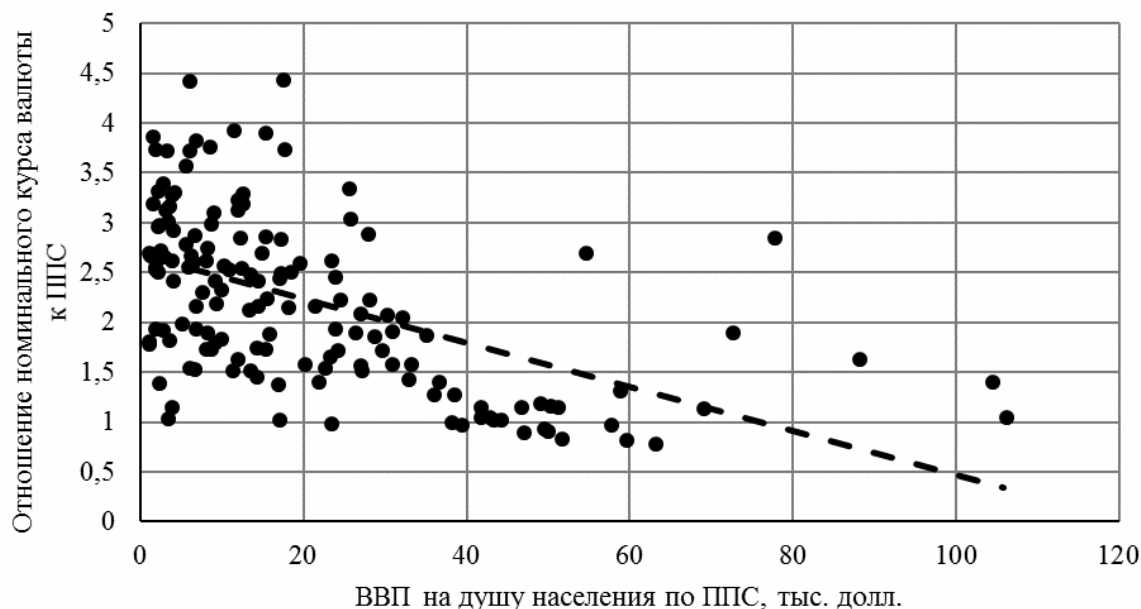

Рис. 3. Взаимосвязь между степенью отклонения курсов национальных валют от ППС к доллару США и уровнем развития экономик стран мира (составлено автором на основании данных [34, 35])

Таким образом, речь идет не о слабости национальных валют бедных стран в сравнении с американским долларом, а об их дополнительном искусственном удешевлении государствами ради достижения обозначенных выше целей. Одновременно развитые страны (страны центра мирового капитализма) имеют крепкие, завышенные курсы национальных валют, что позволяет им достигать существенной выгоды при импорте товаров из стран периферии. Россия, находясь в положении полупериферии, не является исключением. По оценкам журнала *The Economist*, регулярно публикующего статистику отклонения номинального валютного курса от его реального значения (*The Big Mac index*), скорректированный по разнице в уровне заработных плат индекс «неодооцененности» рубля по отношению к доллару США на июль 2017 г. составляет 30,3 %, номинальный – 70 % [22].

Безусловно, ни паритет покупательной способности, ни реальный валютный курс не могут выступать в качестве показателя какого-то «справедливого» или «правильного» курса валюты. Однако их долгосрочная динамика может быть использована для анализа степени отклонения от них номинального курса, который складывается на валютном рынке на основе баланса спроса и предложения и на который крупные игроки (прежде всего государства) могут существенно влиять. Так, в 2000-е гг. наблюдалось существенное расхождение таких показателей, как номинальный и реальный эффективные курсы рубля, рассчитанных как средневзвешенные номинальный и реальный обменные курсы валют стран – основных внешнеторговых партнеров России (рис. 4).

На графике прослеживается четкая динамика укрепления реального эффективного курса рубля в 2000–2014 гг. Это объясняется притоком больших экспортных доходов от продажи на внешнем рынке постоянно дорожающей нефти и иного сырья.

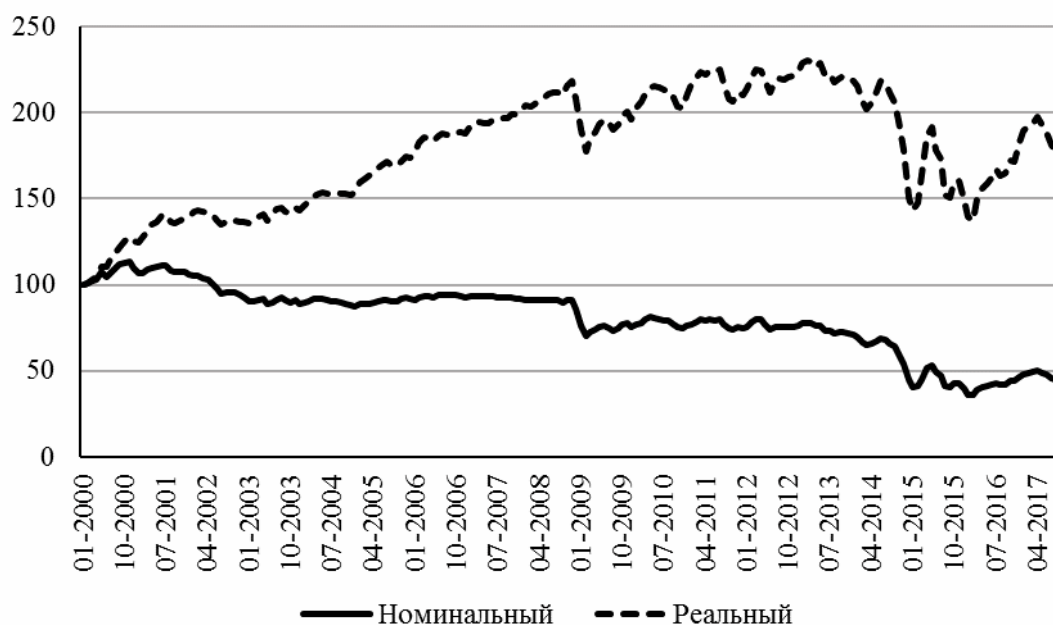

Рис. 4. Динамика индекса номинального и реального эффективного валютного курса рубля (составлено автором на основании данных [24])

К 2014 г. размер сальдо торгового баланса РФ увеличился более чем в три раза: с 60 до 190 млрд долларов [25]. Масштабный приток нефтедолларов на валютный рынок оказывал существенное давление на курс рубля, стимулируя его рост. После резкого падения мировых цен на сырье в 2014 г. это давление ослабло и реальный эффективный курс рубля несколько снизился. Такая ситуация ухудшала положение российских экспортеров и заставляла государство принимать меры к сдерживанию этого роста. Об этом наглядно свидетельствует стабильно снижавшийся индекс номинального эффективного валютного курса, что могло происходить лишь при сознательном воздействии на этот показатель крупных игроков.

В этих условиях масштабный чистый отток капитала из российской экономики является для государства позитивным фактором, сокращающим предложение долларов на валютном рынке и тем самым сдерживающим укрепление курса национальной валюты. Более того, российское государство все эти годы самостоятельно активно выводило капитал из страны в не меньших объемах, чем частный сектор. Для этого Правительство и Центральный банк используют два основных инструмента: наращивание золотовалютных резервов и погашение государственного долга (рис. 5).

Как видно из приведенных данных, государство выступает в роли активного субъекта оттока капитала из России. Более того, когда частный сектор перестал выводить активы из отечественной экономики (2006–2007 гг.), это стало делать государство. Именно в этот период Центральный банк стал стремительно наращивать валютные резервы – выкупать доллары, поступившие на валютный рынок России, снижая их пред-

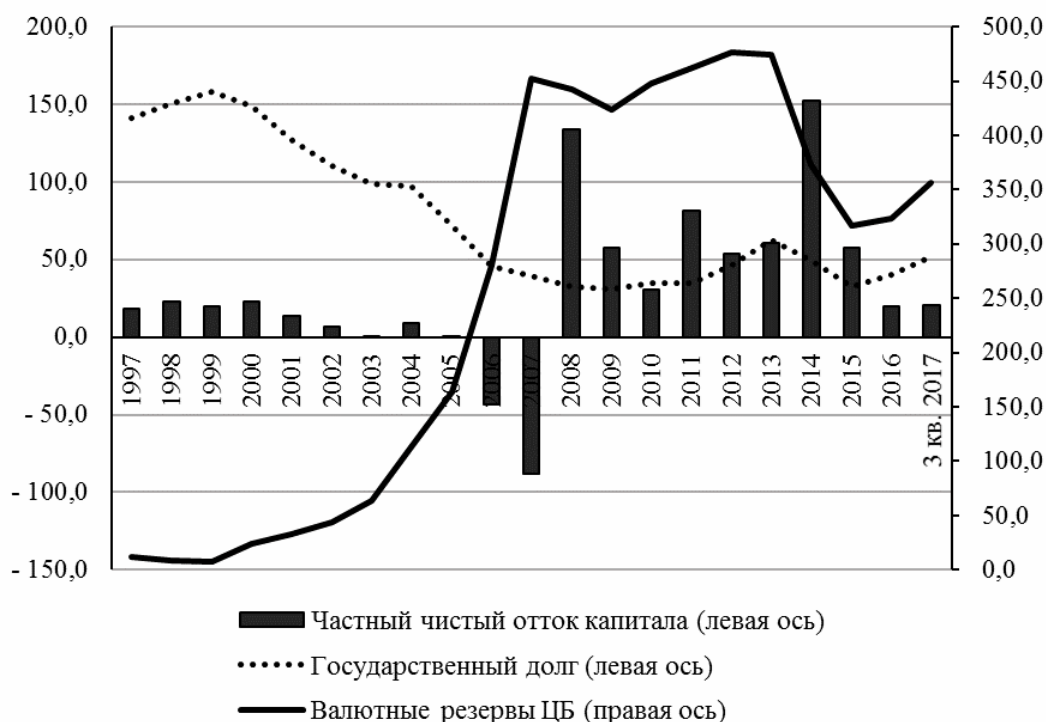

Рис. 5. Отток капитала из экономики России через частные и государственные каналы (составлено автором на основании данных [27])

ложение. Далее эти средства в значительной степени вкладывались в покупку ценных бумаг развитых государств мира. Так, в 2007–2013 гг. объем средств, вложенных Россией в казначейские облигации США, возрос с 8 до 164 млрд долларов. После наступления кризисных событий 2014 г. ЦБ РФ был вынужден вернуть часть вложенных средств для поддержания стабильности на валютном рынке в период высокой волатильности курса рубля [26]. Эти деньги не работают в России, не вкладываются в развитие отечественной экономики, напротив, они инвестируются в экономики западных стран, не принося больших прибылей инвестору в силу низких процентных ставок, установленных сегодня на Западе. Еще одним инструментом вывода долларовых активов из экономики является выплата государством внешнего долга. В 2000 г. внешние обязательства российского государства составляли 149 млрд долларов, к 2017 г. эта сумма сократилась втрое – до 51 млрд долларов [27]. Поскольку внешний долг выплачивается в иностранной валюте, его погашение также является важным инструментом, позволяющим «сбрасывать давление» на национальном валютном рынке. Объединив оба канала вывода капитала из России (частный и государственный), мы обнаружим, что общий отток активов из отечественной экономики изменяется по нарастающей (рис. 6).

Сложив приведенные показатели по годам, получим сумму чистого оттока капитала из российской экономики за последнее двадцатилетие. Он составил более 1 трлн долларов США.

Таким образом, отток капитала не может рассматриваться государством как негативный фактор для функционирования российской экономической модели. Наоборот, частный сектор помогает государству достигать важной цели экономической политики, характерной для стран периферии и полупериферии, – держать курс национальной валюты на заниженном уровне. Однако, что это означает для экономики России? В конечном счете поддержка того или иного курса национальной валюты не делает страну богаче или беднее. Это лишь инструмент перераспределения активов между участниками экономики. При заниженном курсе рубля активы изымаются у импортеров: страдают простые потребители, покупающие иностранные товары, а также отечествен-

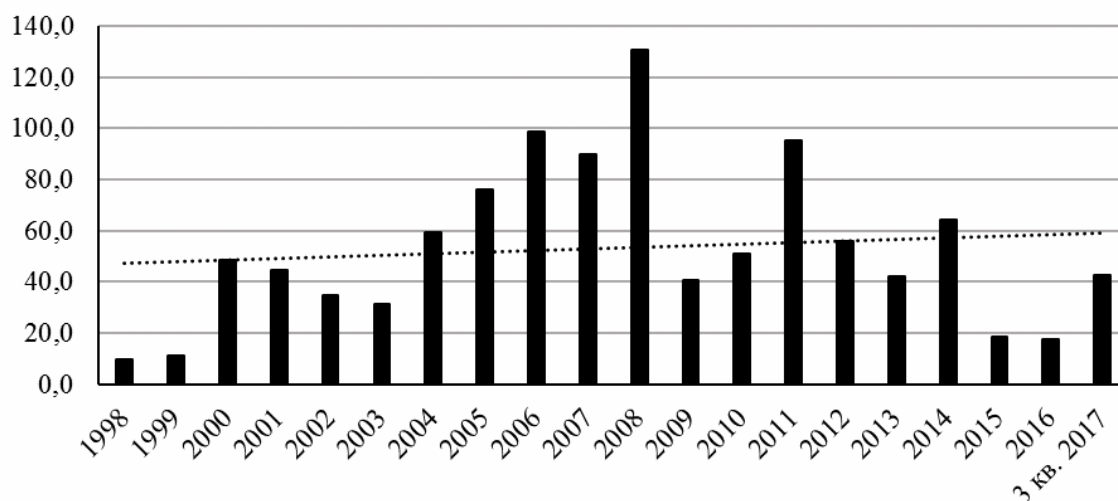

Рис. 6. Совокупный чистый отток капитала из России
(составлено автором на основании данных [27])

ная обрабатывающая промышленность и в особенности сельское хозяйство с высокой долей применения импортной техники, удобрений, семян и т. п. В то же время российские экспортеры (а это на 70 % сырьевые компании) «купаются» в рублевой наличности. Постоянная потребность ЦБ выкупать излишки иностранной валюты на валютном рынке ставит проводимую государством монетарную политику в зависимость от объема иностранной валюты, приходящей в страну. Стабильно положительное внешнеторговое сальдо заставляет ЦБ наращивать рублевую эмиссию. В свою очередь, расширение денежной базы, не обоснованное соответствующим увеличением товарной массы, создает предпосылки для роста инфляции, борьбу с которой Центральный банк считает приоритетной. Главным инструментом регулятора в такой борьбе является политика высоких ставок, что делает производственный кредит труднодоступным для большей части отечественной промышленности. Как отмечает С. Д. Бодрунов, «...каждый процентный пункт сокращения инфляции «стоит» нескольких пунктов экономического роста» [28].

Принято считать, что дешевая национальная валюта является неременным условием развития промышленности и сельского хозяйства, давая им конкурентные преимущества. Однако, как показывает практика, этот механизм действует не во всех ситуациях. В силу высокой импортозависимости российской экономики дешевый рубль затрудняет ее модернизацию, усложняет процесс обновления основного капитала, удорожает производство, что сказывается на цене выпускаемого товара. По данным ФТС, в 2016 г. 47 % российского импорта составляли машины и оборудование, а 18 % – продукция химической промышленности [29]. А это тракторы и комбайны, транспорт и станки, удобрения и химикаты – важнейшие составляющие производственных издержек базовых товаров народного потребления. При этом сырьевые отрасли стали главными бенефициарами дешевого рубля. Доля нефти и газа в отечественном экспорте даже в условиях двукратного падения цен на этот товар составляет 60 %. Сырьевые сектора в силу высокой доходности поглощают все большую долю инвестиций в отечественную экономику, которые требуются для освоения новых месторождений [30, с. 18]. Привилегированное положение сырьевых секторов промышленности, обусловленное заниженным курсом рубля, приводит к тому, что экспортировать топливо становится выгоднее, чем продавать внутри страны. Это ведет к нехватке предложения на внутреннем рынке и дополнительному росту цены на продукцию топливно-энергетического комплекса. Заниженный курс рубля снижает эффективность привлечения валютных кредитов и ослабляет роль России в мировой экономике как инвестора, поскольку зарубежные активы становятся слишком дорогими.

Подводя итог, отметим, что отток капитала присущ экономикам мировой периферии, находящимся в отношениях неэквивалентного обмена с развитыми странами. Поскольку Россия остается частью мировой капиталистической системы, являясь поставщиком сырьевых товаров, борьба с оттоком капитала видится бессмысленной и бесперспективной. Сомнения вызывают и все чаще звучащие призывы вернуть в Россию золотовалютные резервы, вложенные в ценные бумаги иностранных государств. При сохранении существующей социально-экономической модели (с господством сырьевых секторов промышленности и открытости мировому рынку через участие в ВТО) страна получит лишь падение экспортных доходов и бюджетные дисбалансы.

Нельзя изменить один элемент, сохранив неизменной систему. Борьба с оттоком капитала из России должна сопровождаться выработкой новой стратегии развития отечественной экономики, ее реиндустриализации. Используя механизмы планирования,

государство должно сконцентрировать ресурсы на ряде наиболее значимых отраслей промышленности, прежде всего – наукоемких. В этом случае удержание утекающего из России капитала станет источником стартовых инвестиций, а окрепший курс рубля позволит быстро и дешево оснастить эти отрасли современным оборудованием. По мере укрепления и повышения конкурентоспособности данных производств у России появится возможность выйти на мировой рынок в новой роли, обеспечивая себя продукцией, которую сегодня страна импортирует в большом количестве. Однако при сохранении существующей социально-экономической стратегии, направленной преимущественно на защиту интересов сырьевых корпораций, реализация такой схемы сомнительна.

Список литературы

1. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 2-е изд. – М., 1997. – 884 с.
2. Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // ППС. – Т. 27. – Изд. 5. – М.: Изд-во политической литературы, 1969. – 643 с.
3. Каткова, Е. Санкции работают, «Северный поток – 2» урезают / Е. Каткова // Газета.ру, 01.11.2017, URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/11/01/10966952.shtml>
4. Официальный сайт корпорации «Росатом». Проекты, URL: <http://www.rosatom.ru/investor/projects/>
5. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual, 1970–2016, UNCTAD, URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>
6. Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж по инструментам и странам-партнерам в 2010–2014 годах / Центральный банк России, URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/dir-inv_out_country.htm
7. The World Factbook, CIA USA, URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/vi.html>
8. Фитуни, Л. Л. Бегство капитала в системе глобального перераспределения национальных богатств / Л. Л. Фитуни // Вестник Московского университета. – Серия 6: Экономика. – 2000. – № 3. – С. 18–33.
9. Колесов, Н. Д. Проблемы «бегства капитала» из России / Н. Д. Колесов, О. В. Петко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. – Вып. 2 (№13). – 2003. – С. 59–67.
10. Корнилов, М. Я. Как оценить объем бегства капитала из России / М. Я. Корнилов, С. В. Лобачев // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – №1. – С. 78–86.
11. Бернштам, Б. Е. Особенности «бегства капитала» из России / Б. Е. Бернштам // Вестник Томского государственного университета. – Экономика. – 2013. – №3 (23). – С. 113–119.
12. Министерство финансов Российской Федерации. Приказ от 13 ноября 2007 г. № 108 н «Об утверждении перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)» // Консультант Плюс, URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=law&n=171378&rnd=290511.3201210992&from=137210-50#0>
13. Россия в международном движении капитала в 2014 – начале 2015 г.: аналит. докл. / под ред. А. С. Булатова; МГИМО (У); МИД России, URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/753/russia-mdk-2014.pdf> с.8
14. Деофшоризация в посланиях Путина: пряник, кнут, пряник // Интерфакс. – 4.12.2014, URL: <http://www.interfax.ru/business/411223>

15. Абалкин, Л. И. Качественные изменения структуры финансового рынка и бегство капитала из России / Л. И. Абалкин // Финансы: Теория и Практика. – 2000. – №1. – С. 2–8.
16. Платонова, И. Н. Проблемы вывоза и бегства капиталов из России (вопросы стратегии и тактики) / И. Н. Платонова // Финансы и кредит. – 2001. – №11(83). – С. 2–9.
17. Гузикова, Л. А. Российский капитал: бегство или дорога домой? / Л. А. Гузикова, И. Н. Люкевич, А. М. Колесников // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 1(47). – С. 101–112.
18. Вывоз капитала из РФ, UTMAG, URL: <https://utmagazine.ru/posts/7354-vyvoz-kapitala-iz-rf>
19. Евстигнеев, В. Почему рубль стоит в 1,5 раза дешевле, чем должен бы / В. Евстигнеев // Forbes. – 06.10.2011, URL: <http://www.forbes.ru/lichnye-dengi-column/valyuty/74856-pochemu-rubl-stoit-pochti-v-1-5-raza-desheвле-chem-dolzhen>
20. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
21. Дзарасов, Р. С. Развитие в современном мире. Возможен ли национально ориентированный капитализм? / Р. С. Дзарасов // Экономика мегаполиса и регионов. – 2013. – № 1(48). – С. 8–35.
22. Леднёва, М. В. Валютный курс как фактор неэквивалентного обмена / М. В. Леднёва // Финансы и кредит. – 2010. – № 47(431). – С. 42–53.
23. The Big Mac index Global exchange rates // The Economist. – 13.07.2017, URL: <http://www.economist.com/content/big-mac-index>
24. Effective exchange rate indices, Bank of International settlements, URL: <https://www.bis.org/statistics/eer.htm?m=6%7C381%7C676>
25. Внешняя торговля Российской Федерации товарами / Центральный банк РФ // URL: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.aspx?file=trade.htm
26. Major foreign holders of treasury securities (in billions of dollars), holdings 1/ at end of period, U.S. Department of the Treasury URL: <http://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt>
27. Статистика внешнего сектора / ЦБ РФ, URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs>
28. Панина, Т. Ищем повивальную бабку / Т. Панина // Российская газета. – 06.12.2016, URL: <https://rg.ru/2016/12/06/v-kakih-ekonomicheskikh-usloviyah-nam-predstoit-prozhit-blizhajshiegody.html>
29. Внешняя торговля РФ по товарам / Федеральная таможенная служба РФ, URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=52&Itemid=1978
30. Маневич, В. О макроэкономическом прогнозе на среднесрочную перспективу и денежно-финансовой политике РФ / В. Маневич, И. Букина // Вестник Института экономики РАН. – 2013. – №2. – С. 5–24.
31. External Debt, World Bank URL: <https://data.worldbank.org/topic/external-debt>
32. External Debt Statistics and the IMF, International monetary fund URL: <https://www.imf.org/external/np/sta/ed/ed.htm>
33. External Debt, Trading economics, URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/external-debt>
34. PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$), World Bank, URL: [https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PRVT.PP\\$](https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PRVT.PP$)
35. Official exchange rate (LCU per US\$, period average), World Bank, URL: <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.FCRF>

O. O. Komolov. Outflow of capital from Russia in the context of world-systems theory. The article is devoted to the problem of capital outflow from the Russian economy and is considered in three aspects: export, flight and leakage of capital. The stable net outflow of capital through private and state channels allows the government to keep the ruble exchange rate at an artificially low level and creates favorable conditions for export-oriented industries. This circumstance, firstly, inhibits the qualitative growth of Russian economy, and secondly, allows it to be classified as the periphery of world capitalism, which has the relations of an inequivalent exchange with core countries.

Keywords: outflow, flight, leakage, export of capital, core, periphery, nonequivalent exchange.

S. D. Bodrunov¹

**NOONOMY.
THE FUTURE: FOURTH TECHNOLOGICAL REVOLUTION
REQUIRES PROFOUND ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES**

While promoting the research platform pertaining to the restructuring of the national economy on a new industrial foundation, we were supposed to not only determine its shape and the paths for its implementation, but also find an answer to the overarching question of why reindustrialization is necessary in the global context. Two years ago, we answered this question at the St. Petersburg International Economic Congress (SPEC) by suggesting the concept of the society's transition to a new stage in civilizational development - the new industrial society of the second generation (NIS.2). Concurrently, the concept was presented and thoroughly discussed at the Economics Section of the Russian Academy of Sciences and then at topical research forums in Cambridge, Lisbon, Beijing, Stockholm, Vienna, etc. Last year we presented an extended version of the NIS.2 concept at the SPEC.

Today we would like to introduce a new concept of noonomy, i.e. the foundation of the future society which can come to pass if we pursue the rational path of civilizational development.

...
We have repeatedly stated that convergent (hybrid) technologies resulting from modern technological development will bring industrial production to a qualitatively new level by combining machine and non-machine principles of interacting with the environment for the production of goods which can satisfy human wants using minimal resources. Additive technologies (3D printing) create new opportunities which can lead to a dramatic reduction in the unit share of conventional processing industry. Subtractive production technologies (trimming, grinding, and cutting) are being replaced with additive manufacturing based on the idea of conjoining or adding materials, typically layer upon layer, to build an object following a 3D model.

Unlike other technologies, information, communications (or digital) and cognitive technologies can penetrate any technological process; therefore, digitalization becomes the integrated technological platform capable of combining different technologies into hybrid technological processes. De facto information and cognitive technologies provide a channel for integrating knowledge into technological processes through Big Data processing or technological imitation of human intellect.

...
First, the postindustrial society, its coming hailed in the twentieth century by some theoreticians, is merely an illusion, but an illusion which both conceals and reveals real is-

¹ *Sergey Dmitrievich Bodrunov*, Director of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, President of the Free Economic Society of Russia, Doctor of Economics, Professor.

sues, i.e. imminent qualitative changes in the economy related to the development of qualitatively new technologies. The tricky part is that these changes in material production technologies and the path towards their active adoption can be facilitated not by the postindustrialist rejection of industrialism, but through reindustrialization on a qualitatively new technological foundation.

...
The first conclusion logically leads to the second inference which reveals the nature of changes caused by ongoing profound transformations, i.e. the emergence of a new industrial society of the second generation (NIS.2), which observes the negation of the negation principle (J.K. Galbraith's the new industrial state - postindustrialist chimeras - NIS.2) and restores the industry's dominant position in the economy in a new capacity. But that is a different industry and a different economy. The core distinction lies in the transition towards knowledge intensive material production which creates a domino effect and causes changes in all areas of production and the economy.

...
Third, we have stated that the transition to the NIS.2 necessitates a reform in the system of economic relations which, in turn, stipulates *the development of an active industrial policy, strategic planning, public-private partnership mechanisms, integration of production, science and education* at micro- and macrolevel, etc.

...
The transition towards the NIS.2 is not an abstract concept, but an actual process which is actively, albeit unevenly, unfolding in various locales of the global economic space. Germany, Japan, the U.S. and China are creating qualitatively different subspaces of new industrial technologies, while other countries – including Russia, in spite of our advances in the defense industry – still have a long way to go before they can achieve the domination of the fifth and sixth technological modes in their economies.

...
Under this quickly advancing future, traditional economic categories and laws (value, property, money) will lose their conventional meaning and maybe disappear entirely. The evolution of all economic forms into non-economic, i.e. the withdrawal of the economy into the basis, makes perfect sense. Rational time management and efficient use of resources (determined according to the ratio between expenditure and outcome) will become technical (as opposed to social) issues. These issues will be resolved not through human interaction, but through external (from the perspective of the human society) adjustment of human-less, autonomous production system and automated regulators embedded in it (by humans). The formation of production which does not involve human labor and instead relies on operations performed by technetic beings will lead to the removal of interpersonal economic relations in technological settings of automated production. That is not a forecast for some distant future, but the manifestation of changes that are very real, albeit still barely visible. We are witnessing the emergence of not just an economy capable of ensuring the progress of noosphere, but a qualitatively new phenomenon – the **noonomy**.

...
Noonomy represents a non-economic way of organizing production relations which ensures the satisfaction of wants and is implemented by a society removed from material production. Thus, the key distinction between the future system of relations and the conventional economy lies in the absence of interpersonal relations pertaining to material production. Humans used to create their public institutions and make economic decisions based

predominantly on relations associated with the production process, but this is about to change. As people gradually withdraw from immediate production, the relation between the human society and the production segment, which is becoming increasingly human-free, will regulate their activities.

...
We are facing one of the most important choices in human history: move towards the rationalization of development processes and the noonomy or adopt the negative scenario and, potentially, witness a global catastrophe.

...
The situation in the beginning of the twenty first century resembles the early eighteenth century when world leaders distinguished themselves by daring to abandon traditional ways and performing a qualitative breakthrough by adopting steam, a novel technology at the time, and prioritizing capital and personal freedom. The leaders of our time will be made of those who move beyond the achievement of basic economic growth indices and make the leap towards knowledge-based production, the development of human potential and the pursuit of noodevelopment.

In assessing our progress, we should focus not on GDP growth, but on a set of criteria which will adequately evaluate the satisfaction of reasonable human wants that are critical for further human development. And modern technologies do just that: they create the opportunity to raise the level of demand satisfaction without piling up a redundant (from the rational standpoint) hoard of items which consume our planet and decimate its natural resources.

*V. V. Ivanter*¹

ON THE ISSUE OF ECONOMIC GROWTH

For the first time, the economic part of the President's March Address presented a balanced numerical model. It stipulated economic growth rates of 5-6% until 2024 and included the following benchmark objectives: savings rate of 25-27%; annual increase in labor efficiency - 5%; residential construction - approximately 120 million sq.m.; and export growth. This numerical model is based on realistic optimism. In my opinion, these goals are not beyond our reach. But what do we see? I would say that the financial and economic block of our government is actively engaged in fighting against the objectives stated in the Presidential Address.

...
If we proceed at the pace of 3.8% and still want to achieve target indices recommended by the President, we need to increase per capita GDP by 1.5%, and that means that the population needs to decrease by 16 million. That is the only mathematically possible option.

...
With 5% average annual increase in labor efficiency, we will automatically achieve 5% growth.

...
We need to stop trying to build something, and I am referring to the ideological dimension here... We keep building market economy. I have news for you: we have already succeeded. We have brand new market economy, and it is very far from the perfect competition model. Actually, it would be hard to come up with examples of ways in which it might resemble the perfect competition model. We need to live under the system that we have actually built, so our goal should be finding a way to make it work.

...
What does business need? It needs access to funds. That is the first thing. Secondly, it needs consumer demand in order to get return on investment. The issue here is not so much in providing business with funding for investment, but in ensuring the demand... And what have we actually done? We managed to achieve low inflation, there is no denying... But how did we do that? ... We are reducing consumer demand... So who would invest into an economy that cannot generate demand? That, to me, is an important and perfectly obvious factor which hampers investment activity.

...
According to our estimate for 2018-24, annual average growth rate will constitute 5.3% based on the following calculations: 2% - economic inertia; 0.8% - development of mechan-

¹ *Victor Victorovich Ivanter*, Research Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Academician-Secretary, Head of the Economics Section of the Social Sciences Division of the RAS, Academician of the RAS, Doctor of Economics, Professor.

ical engineering; 0.7% - increase in export efficiency; 0.8% - increase in housing supply; and 1% - infrastructure. The numbers presented in the Address matched this result. The main thing is to make sure that we meet stated objectives.

...
There are three systems which ensure the independence of a national economy, i.e. independent energy supply, food supply and the defense industry. Energy supply has not really been an issue for us, but over the past 5-6 years we have built a reliable food supply system and strengthened our military industry. What made it possible? A sensible approach to the resolution of these issues.

...
So the achievement of 6% average annual growth is a feasible and realistic goal.

*R. I. Nigmatulin*¹

**«THOUGHTS THAT HAVE IMPORTANT CONSEQUENCES
ARE ALWAYS SIMPLE»²**

In his paper on the development of new industry, Sergey Bodrunov focused on the so-called NBIC (nano-, bio-, information and cognitive) technologies. In our opinion, it is also important to pay attention to other “mundane” technologies which are used in mechanical engineering, energy sector, chemical industry, etc.

...
Russia should develop petrochemistry and natural gas chemistry, restore its machine building, power plant engineering, aircraft engineering, and many other industrial segments and implement new technologies (including additive technologies) - that is a critical national security priority.

...
Naturally, new technologies require new knowledge obtained through research, and its efficiency, in turn, depends on the quality of education. The development of new technologies also necessitates the reform of economic relations.

...
Does Russia have a fighting chance? I am optimistic about our prospects, and to support my stance, I would like to quote Ludwig Erhard, who led the German postwar economic miracle of 1950s-60s, “No economic situation can ever be desperate to the point where the resolve of the people and an entire nation’s honest work effort would not manage it.” Of course, we expect that the Russian Government and particularly the President of Russia will identify and pursue economic, political and humanitarian objectives that would enable us to overcome the technological lag that is becoming critical... But it has yet to happen.

...
How can the state facilitate economic growth? First and foremost, it needs to find a way to ensure the rational distribution of national income between the relatively poor, middle, rich, and super-rich classes in order to secure an investment resource. Our current investment constitutes 17% of the GDP (against up to 30% under the U.S.S.R.), whereas China reports investment in the amount of 45% of the GDP. We need to expand solvent demand and bear in mind that solvency is determined by the wage pool. For the relatively poor, middle and moderately wealthy classes (which make up approximately 95% of the population), the wage pool should constitute not 30 or 40%, but 60% of the GDP.

...

¹ *Robert Iskandrovich Nigmatulin*, Academician of the Russian Academy of Sciences, Research Director at P. P. Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science in Physics and Mathematics, Professor.

² Leo Tolstoy.

Another important aspect is government spending in areas associated with human development, including education, healthcare, research and culture. While Russia's relevant spending amounts to 9% of the GDP, in the West the number is around 20-25%. Due to underfunded healthcare which accounts for 3.5% of the GDP (whereas in Europe the number is 7%), mortality rate in modern Russia equals 12.5 deaths per 1000 individuals. That means that presently Russia loses 200,000 individuals more per annum compared against mortality rates of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in 1990 (mortality rate - 10.5) and 400,000 more compared against Europe (mortality rate - 9.5).

...
In conclusion, a few words about the main issue of Russia's socioeconomic growth. We find ourselves in a vicious circle when everyone, including the President, states that we need investment. Currently, investment rate amounts to 17% of the GDP (against 44% in China and 25% world average). Thus, in order to achieve actual economic growth, we need to boost investment rates by 10% of the GDP, but there is no reason to believe that we can achieve that goal. Prior to investing in production, potential investors assess who will buy the resulting surplus product. And the majority of Russians are in no position to ensure the increase in purchasing power.

...
In Russia, the top 1% claim an aberrantly high share of income, for they accumulate 71% of total wealth. This issue needs to be resolved in a peaceful and civilized manner. In my opinion, the first step should be taxing the super-rich, i.e. the top 0.5% of the population. (According to Rosgosstrakh Insurance Company, their annual cumulative income constitutes RUB 10 trillion.) For example, the share of income which exceeds RUB 25mln p.a. should be taxed not at 13%, but at 25% (against 50% in Europe), and personal property with cadastral value over RUB 100mln should be taxed at 2% (against 3.5% in some US states). Subsequently, RUB 1-2 trillion collected in taxes from the super-rich can be used to support education, healthcare, science and culture and, therefore, boost consumer demand (since the money will de facto transfer into middle class wages).

Для записей

Для записей

Для записей

Для записей

Для записей
